ИСТОРІЯ
17-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПОЛКА.

ТОМЪ XI.

Составилъ *В. ПОТТО.*

ТИФЛИСЪ.
Типографія Е. А. Либерманъ, Крыловская, 15.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ

Николай II.

Наслѣдникъ-Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ

въ формѣ Нижегородскаго Его Величества Драгунскаго полка.

ИСТОРІЯ

17-го Драгунскаго Нижегородскаго

Его Величества полка.

I.

НОВАЯ ЭРА ВЪ ИСТОРІИ ПОЛКА.

Первые дни новаго царствованія.—Новый командиръ полка полковникъ Петровъ.—Проводы стараго командира Генерала Бибикова.—Назначеніе Великаго князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА Генералъ-Инспекторомъ кавалеріи.—Прощальный приказъ Генерала Тутолмина.—Новый начальникъ дивизіи Генералъ Рынкевичъ.—Полкъ на смотру Бухарскаго эмира.—Компаменты 1895 года.—Смотръ Великаго князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА и его результаты.—Уходъ тверскаго эскадрона въ Россію.—Слухи о новой дизлокаціи полка.—Послѣдняя зима и послѣдній полковой праздникъ въ Пятигорскѣ.

„Привѣтствую Нижегородцевъ съ днемъ праздника старинной вашей славы и новою зарею достойной службы Державному царю, вашему шефу“.

Вотъ телеграмма, присланная полку начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Тутолминымъ, въ день полковаго праздника 27-го ноября 1894 года.

Для Нижегородцевъ дѣйствительно наступила новая эра, новая заря ихъ жизни съ тѣхъ поръ, какъ они стали называться „царевы драгуны“. Мирно текли дни новаго царствованія, и глубокая рана, нанесенная Россіи кончиной ея царя-миротворца, постепенно начинала уврачевываться; болѣзненное рѣзкое чувство затихало; но нравственный величавый образъ истиннаго русскаго Самодержца не изглаживался, а все болѣе и болѣе закрѣплялся въ народной памяти.

Тихо прошелъ для Нижегородцевъ полковой праздникъ еще подъ живымъ впечатлѣніемъ недавней утраты царя, осыпавшаго ихъ своими милостями, называвшаго себя ихъ Однополчаниномъ, призывавшаго на полкъ благословеніе Божіе. Но, какъ всегда, и этотъ день былъ озаренъ привѣтомъ юнаго царя, не забывшаго и среди душевной скорби своихъ Нижегородцевъ. Яркою звѣздою, полною свѣтлыхъ надеждъ и упованій, среди глубоко окутавшаго всѣхъ мрака, блеснуло царское слово,—первая милостивая телеграмма державнаго шефа.

„Сердечно поздравляю Моихъ Нижегородцевъ съ ихъ праздникомъ, пью за ихъ славу и процвѣтаніе. Николай.

Еще ранѣе этого праздника у Нижегородцевъ родилась мысль поднести державному шефу, какъ благословеніе полка, образъ-складень — въ память счастливаго дня бракосочетанія его величества съ высоко-нарѣченною невѣстою великою княжною Александрою Феодоровною. Складень былъ готовъ въ январѣ 1895 года и депутація, въ составѣ командующаго полкомъ генерала Бибикова, командира лейбъ-эскадрона принца Людовика-Наполеона, полковаго адъютанта штабсъ-ротмистра Бибикова и вахмистра Кононова, отправилась въ Петербургъ. Объ этомъ важномъ событіи въ жизни полка мы уже говорили, и намъ остается добавить только, что депутація, возвратившись 6-го февраля, привезла съ собою полку царскій поклонъ. Въ тотъ же день былъ отданъ слѣдующій приказъ генерала Бибикова:

„31-го января командуемый мною полкъ, въ лицѣ своихъ депутатовъ, имѣлъ счастіе поднести икону-складень Его Императорскому Величеству Государю Императору. Державный шефъ, осѣнивъ Себя крестнымъ знаменіемъ и приложившись къ иконѣ, приказалъ мнѣ

передать полку: „Сердечно благодарю дорогихъ Нижегородцевъ за дорогую для Меня память. Поклонитесь отъ Меня Моимъ Нижегородцамъ". „Сообщаю объ этомъ царскомъ привѣтѣ, о всемилостивѣйшихъ и драгоцѣнныхъ для насъ словахъ Государя Императора".

Вслѣдъ за депутаціей, 8-го февраля, прибылъ изъ Петербурга и новый командиръ полка полковникъ Петровъ, назначенный на мѣсто генерала Бибикова.

„На долю мою—писалъ въ своемъ прощальномъ приказѣ генералъ Бибиковъ—выпало рѣдкое счастіе въ теченіе четырехъ лѣтъ командовать доблестнымъ Нижегородскимъ полкомъ. Всю жизнь буду гордиться тѣмъ, что носилъ этотъ славный мундиръ. Въ теченіи всего моего командованія я видѣлъ во всѣхъ чинахъ полка усердіе и желаніе исполнять службу, какъ можно лучше, и полкъ не разъ заслуживалъ мнѣ благодарность начальства. Не трудно было командовать полкомъ, въ которомъ всѣ стремились поддержать вѣковую славу полка во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ только оставалось не отставать отъ другихъ. Считаю священнымъ долгомъ службы въ послѣдній разъ выразить всѣмъ мою глубокую признательность. Нижнимъ чинамъ объявляю мое спасибо и жалую: старшимъ вахмистрамъ, штабъ-трубачу, старшему писарю и унтеръ-офицеру Шугаеву по пяти рублей; сверхсрочнымъ: казначейскому писарю, каптенармусу, фуражиру, всѣмъ наѣздникамъ и старшему въ учебной командѣ по три рубля; взводнымъ по два, а всѣмъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки. Прощайте Нижегородцы, не поминайте лихомъ".

Вечеромъ, присутствуя въ полковомъ собраніи, полковникъ Петровъ въ короткой рѣчи, обращенной къ офицерамъ, выразилъ, что вполнѣ понимаетъ ту глубокую скорбь, съ которой Нижегородцы разстаются со своимъ командиромъ. „Генералъ Бибиковъ, сказалъ онъ, еще подъ стѣнами Карса стяжалъ себѣ славу, и тѣмъ самымъ уже былъ достойнымъ носителемъ нижегородскаго мундира" *).

Пріемъ и сдача полка окончены были въ 24 часа, и 10-го февраля Бибиковъ отправился уже къ мѣсту новаго своего назначенія. Всѣ офицеры и полкъ въ конномъ строю проводили его за нѣсколько верстъ отъ своей штабъ-квартиры.

---

*) Изъ полковыхъ приказовъ 1895 года.

НОВАЯ ЭРА ВЪ ИСТОРІИ ПОЛКА.

Не касаясь всѣхъ подробностей командованія полкомъ генерала Бибикова, мы остановимся только на характеристикѣ его, сдѣланной начальникомъ дивизіи генераломъ Тутолминымъ.

„Командиръ Нижегородскаго Его Величества полка флигель-адъютантъ полковникъ Бибиковъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ по особымъ порученіямъ къ командующему войсками Одесскаго округа. За время начальствованія моего дивизіею, Нижегородскій полкъ былъ представляемъ всегда его командиромъ въ томъ же блистательномъ порядкѣ, въ какомъ видѣли его и предмѣстники мои, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ прежніе приказы и отчеты.

„Если же у Нижегородцевъ встрѣчались недостатки, то потому, что безъ нихъ никто не существуетъ; но нравственныя основы полка были всегда незыблемыми, и служба и дружба жили и живутъ, строго раздѣленныя и огражденныя отъ всего, что мало-мальски можетъ навѣять туманную дымку на свѣтлое имя Нижегородскаго полка. А потому, сколько легко, столько же и трудно имъ командовать.

„Нужно много такту, настойчивости, уступчивости и терпѣливой сдержанности начальника, чтобы править средою, хотя и крѣпкою въ основѣ, но непрестанно пополняемою новымъ составомъ, вовсе къ ней не подготовленнымъ. Объединить все въ полковой жизни, направить службу увлекательно и дѣльно въ истинно кавалерійскомъ духѣ требуетъ отъ полковаго командира большаго умѣнья, которое не всякому дается. Флигель-адъютантъ полковникъ Бибиковъ доказалъ свою способность въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ успѣшно, счастливо, а слѣдовательно умѣло правилъ полкомъ болѣе четырехъ лѣтъ.

„Благодарю судьбу, что я въ приказѣ по дивизіи имѣю право выразить этотъ служебный мой отзывъ о полковомъ командирѣ, которымъ я имѣлъ честь начальствовать, и о начальникѣ, который подчиняясь мнѣ въ полной строгости дисциплины, всегда умѣлъ сочетать ее съ самостоятельнымъ достоинствомъ командира полка. Сердечно желаю ему счастія на новой службѣ, а какъ человѣку, любящему полкъ, и впредь утѣшаться вѣстями добрыми о немъ, подъ начальствомъ Петрова—сына храбраго Нижегородца“ *).

Новый командиръ полка Венедиктъ Викторовичъ Петровъ, воспитан-

*) Приказъ по дивизіи 12 января 1895 года № 4.

никъ С.-Петербургскаго университета, поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ Уланскій полкъ вольноопредѣляющимся, и въ декабрѣ 1876 года произведенъ въ корнеты. Съ началомъ турецкой войны, онъ былъ командированъ въ распоряженіе командующаго дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-турецкой границѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ, былъ контуженъ въ голову осколкомъ гранаты, и за отличія въ бояхъ получилъ чинъ поручика и два ордена, св. Станислава и Анну въ петлицу. Вернувшись въ Петербургъ, онъ продолжалъ службу лейбъ-гвардіи въ Уланскомъ полку, гдѣ 30-го августа 1894 года былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ черезъ четыре мѣсяца, 3-го января 1895 года, является уже командиромъ Нижегородскаго полка.

Такъ началось командованіе полковника Петрова.

6-го мая, когда Россія въ первый разъ праздновала день рожденія своего молодого Монарха, Нижегородцы изъ первыхъ принесли ему поздравленіе.

„Сердечно благодарю доблестный полкъ—отвѣчалъ государь—за выраженныя мнѣ благопожеланія. Молодцамъ драгунамъ Шефъ шлетъ свой привѣтъ. Николай".

Въ тотъ же день, 6-го мая, телеграфъ принесъ извѣстіе, что начальникъ 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи его императорское высочество генералъ-адъютантъ великій князь Николай Николаевичъ назначенъ генералъ-инспекторомъ всей кавалеріи. Должность эта со времени кончины его августѣйшаго родителя не была замѣщаема въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и какъ бы считалась упраздненною. Но настоятельная потребность объединить занятія во всей кавалеріи, чтобы направить ихъ къ одной и той же цѣли, была очевидна, особенно при тѣхъ разнообразныхъ взглядахъ и теоріяхъ, которые зарождались въ то время подъ вліяніемъ усиленнаго развитія огня пѣхоты и новой ея тактики. Одни упорно держались старины, сознавая, хотя бы и смутно, что роль кавалеріи далеко не окончена, и что, напротивъ, дѣятельность ея на поляхъ битвъ въ рукахъ талантливаго вождя должна пріобрѣсть еще бо́льшее значеніе, нежели прежде; другіе, на оборотъ, отрицали возможность массовыхъ движеній кавалеріи, исключали даже атаки, рѣшавшія когда-то участь сраженій, и низводили роль кавалеріи до службы простыхъ развѣдочныхъ

командъ. Примирить эти взгляды, слить воедино два противоположныя теченія—въ сущности же только дополнявшія другъ друга—и составляло задачу начальника, поставленнаго единолично во главѣ всей кавалеріи. Это сознавалось всѣми—и вотъ почему день 6-го мая 1895 года, когда послѣдовало назначеніе великаго князя Николая Николаевича, былъ одинаково и единодушно привѣтствованъ всѣми.

„Назначеніе это—писалъ полковникъ Петровъ въ своемъ приказѣ—является выраженіемъ новой монаршей милости къ кавалеріи, и я увѣренъ, что Нижегородцы съумѣютъ быть достойными исполнителями предначертаній августѣйшаго руководителя". На поздравительную телеграмму, отправленную полкомъ въ тотъ же день, новый генералъ-инспекторъ кавалеріи отвѣтилъ телеграммой:

„Сердечно благодарю Нижегородцевъ за поздравленіе. Буду очень счастливъ, когда увижу славный боевой полкъ. Генералъ-адъютантъ Николай".

Вслѣдъ затѣмъ дано было знать, что его высочество, во время лѣтнихъ сборовъ, начнетъ объѣздъ кавалеріи, и, между прочимъ, посѣтитъ Кавказскую кавалерійскую дивизію въ Пятигорскѣ. Начались усиленныя приготовленія къ смотру, а между тѣмъ въ это самое время полку пришлось разстаться съ своимъ начальникомъ дивизіи, ближайшимъ и опытнымъ руководителемъ въ дѣлѣ обученія конницы.

„Назначенный командиромъ 5-го армейскаго корпуса,—писалъ генералъ Тутолминъ въ своемъ прощальномъ приказѣ,—я передаю временное начальствованіе дивизіею командиру 1-й бригады генералъ-маіору Ермолину. Съ этой минуты на меня выпадаетъ самая трудная обязанность въ отношеніи Кавказской кавалерійской дивизіи, а именно: мнѣ надо благодарить васъ, товарищи, въ часъ нашей служебной разлуки.

Но я никогда ни единаго офицера нашей дивизіи не благодарилъ за службу, сознавая, что моя скромная, хотя бы и начальническая, благодарность не могла усугубить лишняго рвенія достигнуть того желаннаго уровня, на которомъ всѣ вы, какъ одинъ, являетесь представителями беззавѣтнаго выполненія службы. Вы достигли этого потому, что слава полковъ вашихъ такъ воспитываетъ васъ, и вы не можете быть иными.

„И въ службѣ, и въ жизни я не разъ говорилъ съ вами о томъ, что дѣльная кавалерійская среда сама вырабатываетъ себѣ начальника,

Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи

Великій Князь Николай Николаевичъ.

ея достойнаго, и что онъ, начальникъ, можетъ только подсказать ей, чего она еще не слышала и не видѣла; но все остальное она сама выполнитъ, если въ ней живетъ душа кавалерійская. И вы доказали мнѣ, что я былъ правъ; потому мнѣ и служить съ вами было почетно, легко и отрадно. Отрадно—потому, что я чувствовалъ себя въ конницѣ, преисполненной благородныхъ помысловъ; легко потому, что вы сами дополняли мои начальническія указанія и, работая охотно и способно, дѣлали больше, чѣмъ я рѣшался требовать; почетно потому, что только надъ вашими полками вѣетъ Георгій 1-й степени.

Послѣ этихъ строкъ я уже считаю себя вправѣ благодарить васъ и за дружбу, которую вы доказали мнѣ. Не пересчитываю приказнымъ порядкомъ чиновъ и именно потому, что единое всѣмъ вамъ имя: „Кавказская кавалерійская дивизія." Въ ней ваша сила и достоинство.

Молодымъ, но молодецкимъ рядамъ вашимъ внушите, товарищи, ваши качества, и за одно съ ними примите отъ меня въ добрый часъ сердечное вамъ пожеланіе благоденствія, славы и кавалерійскаго почета,—того дивнаго почета, который сами вы благоговѣйно чтите въ заслугахъ старыхъ вашихъ вахмистровъ, этихъ живыхъ скрижалей былаго, грознаго Кавказа" *).

Объѣзжая полки и прощаясь съ ними, Тутолминъ посѣтилъ Пятигорскъ, гдѣ командиръ Нижегородцевъ просилъ его принять обѣдъ отъ имени общества офицеровъ. Генералъ Тутолминъ согласился лишь посѣтить полковое собраніе вечеромъ, и въ кругу Нижегородцевъ съѣсть чашку простыхъ солдатскихъ щей и каши. Это и было исполнено съ буквальною точностью. Много сказано было дѣльныхъ рѣчей на этомъ скромномъ ужинѣ, потому что Тутолминъ любилъ славу кавалеріи болѣе всего на свѣтѣ и, воспитывая конницу въ мирное время, старался прежде всего воспитать стоявшихъ во главѣ ея офицеровъ.

Послѣ проводовъ стараго начальника дивизіи, эпизодомъ, нарушившимъ обычное теченіе мирной жизни, былъ смотръ Бухарскаго эмира, пріѣхавшаго въ Пятигорскъ лечиться минеральными водами и пожелавшаго видѣть ученье Нижегородцевъ.

22-го іюня полкъ въ резервной колоннѣ встрѣтилъ Бухарскаго

---

*) Приказъ по дивизіи 11-го мая 1895 г. № 70.

эмира, который, объѣзжая эскадроны, привѣтствовалъ ихъ по русски: „Здорово, драгуны!“ Затѣмъ онъ поднялся на высокій курганъ, съ котораго видно было все растилавшееся передъ нимъ громадное поле, и помѣстился въ шатрѣ, богато уставленномъ восточнымъ досторханомъ.

Горячее полковое ученье, со спѣшиваніемъ на полевомъ голопѣ, съ атаками и церемоніальнымъ маршемъ прошло блистательно. Восхищенный эмиръ снова сѣлъ на коня, и, объѣхавъ всѣ эскадроны, каждый благодарилъ отдѣльно.

На другой день полку были пожалованы слѣдующіе награды: полковникъ Петровъ получилъ орденъ золотой Бухарской звѣзды 2-й степени. Подполковники Карангозовъ, Фурдуевъ и персидскій принцъ Эмиръ-Казымъ-Мирза тотъ же орденъ 3-й степени; ротмистръ Тургіевъ штабсъ-ротмистра: Яковлевъ, князь Тумановъ и поручикъ князь Ратіевъ—серебряныя звѣзды 1-й степени; штабсъ-ротмистра Ягминъ, Глонти и поручикъ Эфендіевъ такія же звѣзды 2-й степени. Изъ числа нижнихъ чиновъ получили золотыя медали: вахмистра Кужелевъ и Денниченко, унтеръ офицеры Шугаевъ и Филеръ, старшій писарь Липилинъ и полковой — Константиновъ; серебряныя — унтеръ-офицеры Сикало, Петренко, Полозюкъ и Бѣловъ, и трубачи Бабенко и Долгушинъ.

Курганъ, съ котораго эмиръ смотрѣлъ на полковое ученье Нижегородцевъ, такъ и остался въ народѣ подъ именемъ Бухарскаго кургана.

Затѣмъ въ Пятигорскѣ начался спеціальный кавалерійскій сборъ, продолжавшійся въ этомъ году съ 20-го іюля по 14-ое августа, подъ руководствомъ уже новаго начальника дивизіи генералъ-маіора Ренкевича. Это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательный. Выпущенный изъ Пажескаго корпуса въ гвардейскую кавалерію, онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба, и въ 1877 году, во время турецкой войны, былъ начальникомъ штаба Болгарскаго ополченія. При защитѣ Шипки онъ былъ раненъ, а послѣ войны командовалъ послѣдовательно: Елизаветградскимъ кавалерійскимъ юнкерскимъ училищемъ, потомъ Новгородскимъ драгунскимъ полкомъ, затѣмъ лейбъ гвардіи Уланскимъ его величества и, наконецъ, былъ начальникомъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. За нимъ, слѣдовательно, былъ и боевой опытъ и практика въ коман-

дованіи различными частями въ мирное время. Онъ прибылъ, однако, съ непонятнымъ предубѣжденіемъ противъ кавказскихъ драгунъ, о которыхъ почему-то составилъ представленіе, какъ объ азіятской конницѣ, —пожалуй стремительной и огневой при ударѣ, но не имѣвшей понятія о правильномъ строѣ и тѣхъ задачахъ, которыя возлагались на кавалерію современными требованіями. Первый полкъ, съ которымъ ему пришлось познакомиться въ Пятигорскѣ—былъ Нижегородскій. Ренкевичъ ни передъ кѣмъ не скрывалъ своихъ предубѣжденій, говорилъ о нихъ открыто,—и тѣмъ сильнѣе былъ пораженъ блестящимъ смотромъ Нижегородскаго полка.

„Я нашелъ – писалъ онъ въ приказѣ,—что всѣ эскадроны прекрасно съѣзжены, и что всѣ требованія „наставленія для лѣтнихъ занятій“ выполняются полкомъ съ безукоризненною точностію. Видно, что полкъ много занимался; лошади втянуты въ работу, а потому имѣютъ отличныя рабочія тѣла; особенно хороши 1-й и 4-й эскадроны *)“. За обѣдомъ, предложеннымъ ему послѣ смотра въ офицерскомъ собраніи, онъ сказалъ рѣчь, въ которой благородно сознался въ своей ошибкѣ, прибавивъ, что кавказскіе драгуны не только стоятъ на высотѣ своего положенія, но что нѣкоторыя отрасли строевыхъ занятій поставлены у нихъ даже лучше, чѣмъ ему приходилось видѣть во внутренней Россіи. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, это подтвердилось и на смотру генералъ-инспектора кавалеріи.

Подъ руководствомъ Ренкевича, близко знакомаго со взглядами и требованіями великаго князя, полкъ и началъ проходить новый, только что вышедшій тогда, кавалерійскій уставъ, съ примѣненіемъ его въ полѣ къ маневрированію конницы. На ряду съ этимъ онъ обратилъ особое вниманіе въ дивизіи на ѣзду офицеровъ и на приготовленія ихъ къ обязательнымъ скачкамъ на призы военнаго министерства. Въ послѣднихъ онъ замѣтилъ однако нѣкоторыя уклоненія отъ нормальнаго порядка **), и тотчасъ же постарался привить офицерамъ ту мысль, что обязательная скачка, учреждаемая правительствомъ, имѣетъ цѣлью вовсе не поощрять между ними жокейскаго искусства, а награждать призами тѣхъ изъ нихъ, которые владѣютъ лучшими боевыми конями. „Поэтому то —писалъ онъ въ своихъ наставленіяхъ,

*) Пр. по дивизіи 26 іюля 1895 г. № 107.

**) Тоже 19 августа 1895 г. № 122.

и установлено, чтобы взамѣнъ тренировки, употребляемой жокеями, офицерскія лошади были втянуты въ работу службою въ строю на всѣхъ ученьяхъ, смотрахъ и парадахъ. Не скорость, выбитая хлыстомъ, требуется отъ боеваго коня, достойнаго приза, а естественный и быстрый карьеръ для атаки".

Лагерныя занятія подходили уже къ концу, когда наступилъ давно ожидаемый день пріѣзда великаго князя. Его высочество прибылъ въ Пятигорскъ 7-го августа, и встрѣченъ былъ на вокзалѣ почетнымъ карауломъ отъ Тверскаго полка. Прямо съ вокзала великій князь отбылъ въ свое помѣщеніе, приготовленное для него въ городѣ въ квартирѣ командира Нижегородскаго полка, а на слѣдующій день начались смотры, продолжавшіеся три дня къ ряду.

8-го августа въ семь съ половиной часовъ утра, Нижегородскій полкъ уже стоялъ въ резервной колоннѣ у кургана на обширномъ Горячеводскомъ выгонѣ. Въ восемь часовъ прибылъ великій князь. Объѣхавъ полкъ, онъ вызвалъ впередъ 6-ой эскадронъ ротмистра Калантарова и произвелъ ему горячее эскадронное ученье. При всѣхъ движеніяхъ великій князь обращалъ особое вниманіе на тѣхъ лошадей, которыя, сбиваясь въ рыси, голопировали; но таковыхъ въ эскадронѣ почти не оказалось, и великій князь особенно благодарилъ за это ротмистра Калантарова. Затѣмъ произведено было полковое ученье, закончившееся общею разсыпкой и потомъ сигналомъ: „сборъ". Со всѣхъ сторонъ понеслись драгуны на этотъ призывной звукъ, и черезъ нѣсколько минутъ передъ великимъ княземъ стояла уже стройная резервная колонна. Эффектъ былъ полный:—ни звука, ни суеты, ни замѣшательства. Поблагодаривъ полкъ за ученье, великій князь приказалъ отвести его къ Бухарскому кургану и спѣшить для отдыха. Затѣмъ началось полковое ученье Сѣверцамъ; по окончаніи его снова былъ поданъ сигналъ: „слушай", и Нижегородцы, быстро вскочивъ на коней, составили вмѣстѣ съ Сѣверскимъ полкомъ бригаду. Теперь пошли боевыя построенія и атаки на обозначеннаго противника,—тѣ именно отдѣлы, которые только что пройдены были полками, подъ руководствомъ Ренкевича. Смотръ прошелъ превосходно.

На другой день—уставное ученіе дивизіи. Здѣсь при одномъ изъ построеній Нижегородцамъ, стоявшимъ во второй линіи въ резервной колоннѣ, пришлось проходить дубовую рощу,—и ни одинъ эскадронъ

не потерялъ интервала. Великій князь, слѣдившій за ходомъ ученья съ высокаго кургана, обратилъ на это вниманіе и прислалъ адъютанта передать полку свою благодарность.

На третій день, 10-го августа, произведена была офицерская ѣзда, а потомъ великій князь обошелъ коновязи и нашелъ лошадей Нижегородскаго полка „въ отличныхъ тѣлахъ". Вечеромъ его высочество милостиво соизволилъ принять приглашеніе на офицерскій ужинъ, устроенный въ кавалерійскомъ лагерѣ. Это не былъ офиціальный пріемъ, это былъ семейный праздникъ съ русскою открытою душою и настоящимъ кавказскимъ гостепріимствомъ. Ужинъ былъ сервированъ запросто, по походному; явилась завѣтная азарпеша Нижегородцевъ, а за нею пошли въ ходъ и турьи рога Сѣверцевъ—памятники столѣтняго пребыванія полковъ на Кавказѣ; играли трубачи, пѣсенники пѣли чудныя кавказскія пѣсни, была обычная „мравалжаміеръ", и кончилось все традиціоннымъ финаломъ—шумною азіятскою лезгинкою.

Было уже за-полночь, когда всѣ офицеры и нижніе чины съ зажженными въ рукахъ факелами, проводили великаго князя до его помѣщенія.

11-го августа, простившись съ драгунами, великій князь отбылъ изъ Пятигорска, и офицеры цѣлой дивизіи блестящимъ эскортомъ провожали его до самого вокзала желѣзной дороги. Курганъ, съ котораго великій князь смотрѣлъ на ученье, именуется съ тѣхъ поръ и понынѣ „Великокняжескимъ курганомъ".

Спустя нѣсколько дней полковникъ Петровъ получилъ изъ Петербурга отъ великаго князя Георгія Михаиловича, телеграмму:

„Сердечно поздравляю васъ и Нижегородскій полкъ съ блестящимъ смотромъ. Да здравствуютъ Нижегородцы. Ура!".

Результаты смотра объявлены были въ приказѣ по кавалеріи *). „Минувшимъ лѣтомъ и осенью настоящаго года, писалъ великій князь, мною осмотрѣны восемь кавалерійскихъ дивизій, собранныхъ подъ Варшавою, Ромбертовымъ, Брестъ-Литовскомъ, Прянышемъ, Скерневицами, Межебужьемъ, Чугуевымъ, и Пятигорскомъ. Результаты строеваго смотра для большинства частей оказались не вполнѣ успѣшными; особенно я остался не удовлетворенъ сбереженіемъ конскаго

*) Приказъ по кавалеріи 7 ноября 1895 г. № 11.

состава. Въ болѣе сохранномъ видѣ и лучше сбереженными изъ 24-хъ полковъ оказались только четыре, и въ томъ числѣ Нижегородскій". Относительно состава офицерскихъ лошадей, великій князь замѣтилъ, что есть стремленіе обзавестись хорошими экземплярами, но таковыхъ еще недостаточно".—„Пріятное исключеніе, писалъ онъ, составляетъ только Нижегородскій Его Величества полкъ, обладающій составомъ офицерскихъ лошадей очень хорошихъ по качеству и достаточнымъ по числу".

Еще разъ великій князь вспомнилъ этотъ смотръ въ день полкового праздника Нижегородцевъ и телеграфировалъ командиру полка. „Передайте славнымъ Нижегородскимъ драгунамъ мое сердечное поздравленіе съ ихъ праздникомъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное въ средѣ ихъ въ Пятигорскѣ *)".

По отъѣздѣ великаго князя спеціальный кавалерійскій сборъ закончился офицерскою скачкою на призы. Скачка въ этомъ году производилась еще по полкамъ,—и въ Нижегородскомъ первый призъ въ 160 рублей получилъ поручикъ Шереметевъ, а второй въ 100 рублей поручикъ князь Меликовъ. Затѣмъ войска перешли къ общему сбору, продолжавшемуся съ 15-го августа по 28-ое число того же мѣсяца.

По роспускѣ полковъ на зимовыя квартиры, Нижегородцы 13-го октября отпраздновали обычнымъ парадомъ день рожденія своего Августѣйшаго Однополчанина великаго князя Михаила Николаевича и удостоились получить отъ него отвѣтную телеграмму:

„Командиру полка полковнику Петрову. Отъ души благодарю Нижегородцевъ за молитвы и пожеланія, выраженныя въ твоей депешѣ Горжусь, что 31-й годъ имѣю честь быть зачисленнымъ въ списки славнаго, дорогаго мнѣ Нижегородскаго полка. Михаилъ".

Наступила осень,— и вотъ по Пятигорску вдругъ разнеслась молва, что одинъ изъ эскадроновъ Тверскаго полка внезапно потребованъ въ Россію для сформированія на западной границѣ новаго Архангелогородскаго драгунскаго полка; для пополненія же убыли въ Тверскомъ будетъ назначено уравнительно соотвѣтствующее число людей и лошадей отъ другихъ полковъ дивизіи. Слухъ этотъ скоро подтвердился официальнымъ путемъ, и отъ Нижегородцевъ потребовали 73

*) Приказъ по дивизіи 7 октября 1895 г. № 168.

человѣка нижнихъ чиновъ и 46 лошадей съ полнымъ сѣдельнымъ уборомъ, а, кромѣ того, изъ экономическаго капитала полка приказано было отчислить 1190 рублей для образованія такого же экономическаго капитала въ полку вновь формируемомъ *). Распоряженія эти были приведены въ исполненіе немедленно, и 6-го ноября команда нижнихъ чиновъ, предназначенная къ переводу, вмѣстѣ съ лошадьми отправилась изъ Пятигорска по желѣзной дорогѣ во Владикавказъ, а оттуда сухимъ путемъ черезъ Тифлисъ, Сартачалы и Сигнахъ въ Царскіе-Колодцы.

Грустно простились драгуны съ уходившими товарищами, и смутно стало на душѣ у всѣхъ. Было очевидно, что придетъ роковой часъ, когда и Нижегородцамъ придется уступить свой эскадронъ, какъ уступили его Тверцы, для образованія новой силы на Западѣ. Конечно, Нижегородцы служили бы своему Царю одинаково, какъ здѣсь, такъ и на другой окраинѣ; но тотъ, кто знаетъ всю силу привязанности Нижегородца къ своему полку и къ товарищамъ, ту гордость, съ которой онъ носитъ прославленный мундиръ,—тотъ пойметъ щемящее чувство, заставлявшее каждаго невольно задумываться надъ вопросомъ: на кого-то изъ нихъ падетъ жребій быть отторгнутымъ отъ своего родного полка.

Къ этому прибавились еще слухи о неизбѣжности новой дизлокаціи, по которой предполагалось перевести Нижегородскій полкъ изъ Пятигорска на ту сторону горъ, и поставить ближе къ турецкой границѣ. Всѣмъ было жаль Пятигорска, гдѣ такъ сжилась полковая семья, гдѣ было у каждаго такъ много воспоминаній и личныхъ и связанныхъ съ жизнію полка,—а личную жизнь и жизнь полка Нижегородцы никогда не раздѣляли.

Подъ такими впечатлѣніями пришлось имъ встрѣтить свой полковой праздникъ,—уже послѣдній въ Пятигорскѣ. Онъ прошелъ, какъ всегда, въ кругу городскаго общества и Пятигорскаго гарнизона, но къ шумнымъ оваціямъ примѣшивалась уже съ обѣихъ сторонъ тихая грусть близкой разлуки съ друзьями и знакомыми.

Царская телеграмма, пришедшая 27-го ноября вызвала общее одушевленіе общества и свѣяла всѣ эти невеселыя думы. Съ гордостью прочли Нижегородцы передъ своими гостями:

*) Приказы и распоряженія по дивизіи за 1895 г.

„Сердечно поздравляю моихъ лихихъ Нижегородцевъ съ ихъ полковымъ праздникомъ. Пью отъ души за ихъ славу и процвѣтаніе. Николай“.

Наконецъ 29-го ноября, управляющій дворомъ великаго князя Михаила Николаевича, генералъ Озеровъ, увѣдомилъ командира полка, что его императорское высочество соизволилъ пожаловать полку 48 серебряныхъ чарокъ для офицерскаго собранія. „При этомъ считаю для себя пріятнымъ долгомъ, писалъ генералъ Озеровъ, довести до вашего свѣдѣнія, что его высочество, возлагая на меня настоящее порученіе, изволилъ выразить, что даръ этотъ долженъ служить новымъ подтвержденіемъ того глубокаго чувства уваженія, которое его высочество всегда питалъ и питаетъ къ Нижегородскому полку, составившему себѣ неувядаемую славу путемъ своей прошлой безпримѣрной боевой дѣятельности*)“.

Одушевленные царскимъ привѣтомъ, осчастливленные высокимъ вниманіемъ августѣйшаго Однополчанина, Нижегородцы бодро взглянули въ туманную даль, и менѣе стали задумываться надъ тѣмъ, что ожидаетъ ихъ въ загадочномъ будущемъ.

*) Изъ дѣлъ полковаго архива.

II

ПОСЛѢДНІЙ ГОДЪ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Причины, вызвавшія новую дислокацію войскъ на Кавказѣ.—Квартиры Нижегородскому полку назначены въ Тифлисѣ.—Коронаціонныя торжества въ Москвѣ и участіе въ нихъ Нижегородцевъ.—Какъ праздновали этотъ священный день Нижегородцы у себя въ Пятигорскѣ.—Учрежденіе медали въ память Императора АЛЕКСАНДРА III го.—Столѣтній юбилей со дня рожденія Императора НИКОЛАЯ 1-го.—Послѣдній лагерный сборъ подъ Пятигорскомъ.—Приготовленія къ походу.

Коренныя измѣненія, послѣдовавшія въ 1896 году въ общей дислокаціи войскъ Кавказскаго военнаго округа, становились неизбѣжными послѣ того, какъ вся 38-я пѣхотная дивизія и Переяславскій драгунскій полкъ ушли во внутренніе округа имперіи. Неизбѣжность эта усиливалась еще формированіемъ на Кавказѣ цѣлыхъ резервныхъ бригадъ и назначеніемъ сюда-же новыхъ артиллерійскихъ частей. Въ виду такихъ крупныхъ перемѣнъ въ самомъ составѣ войскъ Кавказскаго округа и вообще совершеннаго измѣненія тѣхъ условій, при которыхъ составлялась прежняя дислокація, являлась крайняя необходимость опредѣлить для нея новыя основанія, соотвѣтствовавшія бы современному положенію дѣлъ на Кавказѣ.

Причины, вызывавшія прежнее расположеніе цѣлаго корпуса на

Сѣверномъ Кавказѣ, теперь миновали. Чечня была прорѣзана желѣзно-дорожнымъ путемъ, и если допустить въ ней возможность какого либо возстанія, то оно выразилось бы только въ отдѣльныхъ вспышкахъ, для подавленія которыхъ и предназначались резервныя бригады. Болѣе серьезное значеніе имѣлъ Дагестанъ—страна, хотя по наружности спокойная и мирная, но географически обособленная, ускользавшая доселѣ отъ нашего культурнаго вліянія, и притомъ съ населеніемъ проникнутымъ религіозным фанатизмомъ. Но и для наблюденія за Дагестаномъ достаточно было оставить одну, и много двѣ пѣхотныя бригады. Такимъ образомъ всѣ наши военныя операціи, при современномъ состояніи дѣлъ, могли быть направлены только къ сторонѣ турецкой границы или къ восточному берегу Чернаго моря, открытаго для непріятельскихъ флотовъ. Слѣдовательно, тамъ и должны были группироваться главныя силы Кавказскаго округа.

Но независимо военныхъ соображеній, новая дислокація должна была удовлетворить еще другому условію -возможно меньшимъ издержкамъ казны, которыя являлись неизбѣжными съ увеличеніемъ войскъ въ Закавказьѣ. Дѣйствительно, на устройство однѣхъ только полковыхъ штабъ-квартиръ потребная сумма исчислялась приблизительно въ три съ половиною милліоновъ, причемъ главный, почти половинный расходъ падалъ, конечно, на устройство казармъ и конюшень для двухъ кавалерійскихъ полковъ, Нижегородскаго и Сѣверскаго. Для нихъ то и нужно было главнымъ образомъ опредѣлить наиболѣе дешевыя стоянки, какъ въ смыслѣ производства новыхъ построекъ, такъ и въ ихъ фуражномъ довольствіи.

Въ этихъ видахъ комиссія первоначально остановилась на Ахалкалакахъ, гдѣ предполагалось поставить цѣлую бригаду, а до постройки казармъ временно расположить Нижегородскій полкъ въ Елизаветполѣ, а Сѣверскій--въ Екатеринфельдѣ. Съ этимъ мнѣніемъ не согласился однако начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Тутолминъ. Не отвергая необходимости перемѣстить кавалерію въ Закавказье, онъ находилъ болѣе выгоднымъ оставить полки на сѣверномъ Кавказѣ до окончанія построекъ, которыя, въ виду значительной ихъ стоимости, не могли быть окончены скоро. „Къ тому же, писалъ онъ, Елизаветполь не представляетъ никакихъ удобствъ для кавалерійской стоянки. Хорошія конюшни у обывателей-армянъ положительно отсутствуютъ, и

въ большинствѣ дворовъ имѣются лишь низкіе и темные буйволятники; въ мусульманской половинѣ города конюшни есть хорошія, но только на двѣ или на три лошади, а такое дробное размѣщеніе по мусульманскимъ дворамъ не удобно въ силу особенностей религіи и обычаевъ, которыхъ держутся татары, не говоря уже о политической подкладкѣ этого вопроса. Но если бы даже и пришлось занять Елизаветполь, то все же болѣе одного, и въ крайности двухъ эскадроновъ, размѣстить нельзя; остальные пришлось бы расположить въ окрестностяхъ. Но окрестности Елизаветполя бѣдны и пусты. Болѣе удобствъ представляютъ собою въ этомъ отношеніи нѣмецкія колоніи Елененидорфъ и Анненфельдтъ, гдѣ можно свободно поставить по два эскадрона, но тамъ нѣтъ фуража, который съ большимъ трудомъ пришлось бы перевозить изъ того же Елизаветполя. Кромѣ того люди будутъ вынуждены жить зимою въ холодныхъ кладовыхъ, въ сараяхъ и другихъ хозяйственныхъ помѣщеніяхъ, ибо колонисты, опираясь на свои привиллегіи, въ дома никого не пустятъ.

„Есть еще духоборческія деревни, но ближайшая изъ нихъ — Славянка находится болѣе чѣмъ въ сорока верстахъ отъ Елизаветполя и притомъ въ такой гористой мѣстности, что о конныхъ ученьяхъ, въ районѣ расположенія эскадрона, нечего будетъ и думать. Указываютъ также на мѣстность, лежащую между Елизаветполемъ и его желѣзно-дорожной станціей; но мѣстность эта, представляющая обширную равнину, изобилующую водою, находится въ частномъ владѣніи и можетъ быть куплена только по 150 рублей за десятину. Эта покупка сама по себѣ потребуетъ уже значительной суммы, а между тѣмъ къ ней надо прибавить еще расходы по устройству временныхъ помѣщеній и конюшень, которыя черезъ короткое время придется покинуть. Къ неудобствамъ этой равнины надо отнести также множество комаровъ и мошекъ, появляющихся лѣтомъ въ такомъ количествѣ, что оставлять здѣсь строевыхъ лошадей, безъ крайняго вреда для нихъ, не возможно, ибо сами жители съ приближеніемъ этого времени перегоняютъ въ горы всѣ свои табуны, стада и отары“. Къ этимъ соображеніямъ генералъ Тутолминъ прибавлялъ, что для правильнаго рѣшенія вопроса о дислокаціи, надо опредѣлить сначала вѣроятность направленія кавалеріи, въ случаѣ сосредоточенія ея на границѣ: стягиваться-ли ей къ Саракамышу или къ Эривани. Въ зависимости отъ этого рѣшенія будетъ на-

ходиться и выборъ самаго мѣста для ея расположенія: то есть поставить ли ее въ промежутокъ дорогъ на Эривань и на Карсъ, дабы она скорѣе могла прибыть къ Саракамышу, или же, предвидя возможность дѣйствія ея подъ Эриванью, поставить въ Елизаветпольской или въ Эриванской губерніи.

Если будетъ опредѣлено первое направленіе, то желательными стоянками могутъ быть: Тифлисъ, Михайлово, Сурамъ или Гори. Если же будетъ существовать необходимость въ движеніи на Эривань, то придется по необходимости избрать Елизаветполь или Ханъ-Кенды. Личное мнѣніе Тутолмина склонялось къ тому, что одинъ драгунскій полкъ во всякомъ случаѣ необходимо держать въ Тифлисѣ, а другой— или въ Елизаветполѣ или въ Алексадрополѣ.

Задержка полковъ на нѣкоторое время на Сѣверномъ Кавказѣ, по мнѣнію Тутолмина, также не представляла особыхъ неудобствъ. Если бы до окончанія построекъ новыхъ штабъ-квартиръ, писалъ онъ, намъ будетъ угрожать что либо похожее на войну, то можно будетъ двинуть конницу особо отъ пѣхоты по военно-осетинской дорогѣ на Гори. Если затрудненіемъ къ этому будетъ указано отсутствіе на ней этаповъ, то для конницы они не нужны. Гораздо существеннѣе опасенія по заготовкѣ на этой дорогѣ сѣна, но не будетъ бѣды, если лошади два или три дня не получатъ его; былъ бы лишь овесъ или ячмень, который можно давать въ эти дни хотя по пяти гарнцевъ: поднять же ячмень или овесъ полкъ можетъ легко, если только разрѣшатъ имѣть по парѣ лишнихъ подъемныхъ лошадей на эскадронъ.

Глубоко понимая духъ нашей конницы, Тутолминъ въ заключеніе просилъ не упустить изъ смѣты расходовъ подъемныя деньги и необходимыя затраты на устройство офицерскихъ собраній. „Можно-ли всѣмъ этимъ пренебречь—спрашивалъ онъ—если памятовать, что въ конницѣ, преимущественно передъ другими родами оружія, главнѣйшая сила опредѣляется нравственнымъ достоинствомъ офицеровъ“.

Голосъ Тутолмина, повидимому, имѣлъ рѣшающее вліяніе, и вопросъ о новой дислокаціи былъ рѣшенъ окончательно тѣмъ, что Сѣверскій полкъ рѣшили перевести изъ Владикавказа въ Александрополь, а Нижегородскій въ Тифлисъ. Послѣднему полку предполагалось сначала построить новыя казармы нѣсколько выше города по теченію Куры, но такъ какъ стоимость ихъ была исчислена въ 620-ть

тысячъ рублей, то для сбереженія расходовъ казны остановились на томъ, чтобы Лорійскій резервный полкъ, расположенный въ Навтлугѣ, передвинуть въ Лагодехи, гдѣ освобождались казармы Тифлисскаго полка, а казармы Лорійскаго—передать Нижегородцамъ, при чемъ постройка конюшень и всѣ приспособленія и передѣлки обошлись бы не болѣе какъ въ 200 тысячъ рублей.

Но противъ помѣщенія полка въ Навтлугѣ поднялъ голосъ военно-медицинскій инспекторъ Кавказскаго округа, находя, что сосредоточеніе свыше девятисотъ лошадей возлѣ самаго госпиталя не можетъ не отозваться пагубно на санитарныхъ условіяхъ послѣдняго. „Вопросъ о выдѣленіи госпиталей изъ черты осѣдлости—писалъ онъ—рѣшенъ уже давно и устраивать конюшни на такое число лошадей вблизи его едва ли цѣлесообразно, тѣмъ болѣе, что мѣстность отъ казармъ имѣетъ склонъ къ госпиталю, и почва послѣдняго въ короткое время будетъ загрязнена до невозможности. Съ другой стороны и полкъ будетъ находиться также въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Существенная потребность кавалерійскаго полка — водопой представляется здѣсь крайне вреднымъ. Вода Куры въ той части, которою можетъ пользоваться полкъ, загрязнена настолько, что неизбѣжно послѣдуетъ заболѣваніе лошадей. Кура въ этой части, собравъ всѣ городскія нечистоты, несетъ воду въ высшей степени вредную для питья. Если же полкъ, отказавшись отъ рѣчнаго водопоя, будетъ пользоваться водопроводомъ, то издержка на этотъ предметъ обойдется ему не менѣе двухъ тысячъ рублей въ годъ, на который отпуска отъ казны быть не можетъ“. Въ то же время военно-медицинскій инспекторъ указалъ на неизбѣжное размноженіе мухъ, которыя лѣтомъ не только будутъ безпокоить больныхъ, но и послужатъ передатчиками всевозможныхъ заразныхъ болѣзней. Опровергнуть этого мнѣнія было нельзя, но экономическія соображенія все таки перевѣсили доводы медицинскаго персонала,—и казармы въ Навтлугѣ переданы были Нижегородцамъ. Осенью 1896 года полкъ долженъ былъ перейти на новыя квартиры.

Но прежде, чѣмъ выступить изъ Пятигорска, полку пришлось пережить еще одинъ чрезвычайно важный моментъ въ своей исторической жизни. Это была предстоящая коронація молодого императора. Царскій манифестъ разнесъ объ этомъ вѣсть по всѣмъ концамъ обширной Россіи, одинаково пробуждая во всѣхъ желаніе явиться въ Москву,

чтобы въ ея стѣнахъ провести священные дни вѣнчанія на царство. Но счастіе это могло выпасть сравнительно на долю очень немногихъ. Нижегородцы явились, однако, въ числѣ избранниковъ и призванные, въ лицѣ своихъ представителей, быть участниками народныхъ торжествъ, удостоились лицезрѣть священное коронованіе своего державнаго шефа. По распоряженію военнаго министерства отъ полка назначенъ былъ въ Москву почетный караулъ отъ эскадрона Его Величества изъ 50 нижнихъ чиновъ, въ составѣ пѣшаго взвода, подъ командой штабсъ-ротмистра Глонти. При этомъ караулѣ находились: полковникъ Петровъ, командиръ эскадрона ротмистръ Тургіевъ, полковой адъютантъ князь Ратіевъ, и старѣйшіе ветераны полка: вахмистра Клюшниковъ, Шмагоржевскій, Кононовъ, Тегливый и штабъ-трубачъ Березнякъ.

Къ первому мая почетный караулъ прибылъ въ Москву. Вся столица жила тогда одною общею жизнію; вся она волновалась радостнымъ трепетомъ, вся ожидала минуты, когда русскій царь совершитъ торжественный въѣздъ въ первопрестольный градъ и въ древнемъ соборѣ, передъ лицомъ представителей всей русской земли, возложитъ на себя вѣнецъ Мономаха.

6-го мая, не смотря на дурную погоду, весь городъ былъ уже у вокзала желѣзной дороги. Ожидали пріѣзда государя. Это былъ день его рожденія, и сотни тысячъ людей упорно стояли подъ проливнымъ дождемъ, чтобы только дождаться минуты и первымъ привѣтствовать молодого царя. Въ пять часовъ пополудни императорскій поѣздъ подошелъ къ платформѣ. Тотчасъ поданы были кареты, и царская семья прямо съ вокзала отбыла въ загородный Петровскій дворецъ, сопровождаемая блестящимъ эскортомъ изъ офицеровъ всѣхъ конныхъ шефскихъ полковъ, подъ начальствомъ князя Васильчикова.

Сплошныя массы народа, стоявшія густыми шпалерами вдоль всей дороги, привѣтствовали проносившійся мимо нихъ поѣздъ громовыми раскатами „ура!“. Но вотъ и Петровскій дворецъ. Дивно хорошъ этотъ замокъ съ его готическимъ стилемъ, съ его красными башнями, ярко выдѣлявшимся на свѣтломъ фонѣ еще молодой зеленой листвы стариннаго парка. Въ этомъ то уголкѣ Москвы царская чета и должна была по примѣру своихъ предковъ поселиться на первое время.

Въ Петровскомъ дворцѣ между тѣмъ все было готово къ пріему государя. Въ первой комнатѣ стоялъ почетный внутренній караулъ—

взводъ Нижегородскаго полка, а въ слѣдующихъ покояхъ собрались великія княгини, великія княжны, иностранныя принцесы, и, наконецъ, первые сановники имперіи. При самомъ входѣ во дворецъ государь былъ встрѣченъ протопресвитеромъ Янышевымъ съ крестомъ и св. водою. Принявъ благословеніе почтеннаго пастыря, государь подошелъ прямо къ Нижегородцамъ, и, поздоровавшись съ карауломъ, сказалъ окружающимъ: „Какіе красавцы!“ Взводъ дѣйствительно составленъ былъ на подборъ, —все брюнеты, съ большими бородами, украшенные рядомъ крестовъ и медалей. Генералъ-инспекторъ кавалеріи также благодарилъ командира полка, прибавивъ: „На подборъ молодцы, и какъ дивно, щегольски одѣты“. Таковъ былъ первый дебютъ Нижегородцевъ во дни коронаціонныхъ торжествъ.

Черезъ два дня, 9-го мая, совершился торжественный въѣздъ ихъ величествъ изъ загороднаго дворца въ свою первопрестольную столицу.

Съ 11-ти часовъ утра войска шпалерами расположились вдоль московскихъ улицъ, при чемъ Нижегородскій взводъ занялъ почетное мѣсто у Иверской часовни. Изъ всѣхъ угловъ Москвы, послѣ Кремля, Иверская часовня, съ ея чудотворною иконою, составляетъ характернѣйшее мѣсто древней столицы; за нею начинается уже историческая Красная площадь, на которой сгруппировались лучшіе, величественнѣйшіе памятники нашей старины: тутъ высятся сѣдыя стѣны Кремля со Спасскими воротами, такъ чтимыми русскимъ народомъ; тутъ ярко выступаетъ своею причудливою архитектурою храмъ Василія Блаженнаго—этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ старомосковскаго зодчества, и тутъ же колоссальный монументъ Пожарскому и Минину. Вотъ имена, которыя такъ тѣсно связаны въ исторіи съ освобожденіемъ Москвы отъ иноземнаго плѣненія и съ избраніемъ на царство дома Романовыхъ. И надо всѣмъ этимъ какъ бы витаютъ въ воздухѣ дивные образы московскихъ святителей—молитвенниковъ и заступниковъ русской земли. Здѣсь все полно глубокой стариной и свято-русскихъ преданій.

Отдаленный, радостный гулъ восторженныхъ криковъ народа далъ знать о приближеніи царскаго шествія. Вотъ показался собственный конвой его величества, а за нимъ нескончаемою лентою потянулось знатное дворянство, потомъ депутаты азіятскихъ народовъ въ своихъ характерныхъ яркихъ нарядахъ, залитые золотомъ придворные служители, чины императорскаго двора, высшіе сановники имперіи и,

наконецъ эскадроны Кавалергардовъ и Конно-гвардейцевъ въ ихъ средневѣковомъ уборѣ въ каскахъ и латахъ. За этими эскадронами ѣхалъ государь верхомъ на бѣломъ конѣ, а за нимъ громадная свита. Далѣе слѣдовали золоченыя кареты императрицъ, великихъ княгинь и придворныхъ дамъ -- и все это, поражавшее своимъ великолѣпіемъ шествіе, замыкалось опять эскадронами блестящихъ гусаръ и уланъ. При появленіи государя, не смолкаемое „ура“ слилось уже въ одинъ громовой аккордъ, и весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, обнажилъ свои головы. Нижегородцы отдали честь своему державному шефу. Государь сошелъ съ коня около покрытаго краснымъ сукномъ помоста, устроеннаго возлѣ часовни; императрицы также вышли изъ каретъ и, поднявшись по ступенямъ, преклонили колѣна передъ чудотворною иконой Иверской Божіей Матери. Въ это мгновеніе громовое „ура“ оборвалось разомъ, и на площади воцарилось глубокое мертвое молчаніе, точно народъ боялся нарушить благоговѣйную молитву царя. Глубоко запечатлѣлся въ памяти Нижегородцевъ этотъ моментъ, и невольно припоминалась строфа однаго изъ нашихъ поэтовъ:

И Онъ молился передъ нами....
Но та мольба не о Себѣ:
Молился Царь передъ войсками
О русской славѣ и судьбѣ!...

По окончаніи молебствія, процессія двинулась дальше черезъ Воскресенскія ворота. Какъ ни торжественно было царское шествіе до Иверской часовни, но оно не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ моментомъ когда, при появленіи государя на Красной площади, разомъ загудѣли колокола „сорока сороковъ Москвы“, и гулъ ихъ слился въ чудномъ аккордѣ и съ пушечнымъ громомъ, и съ восторженнымъ кликомъ, стономъ стоявшимъ надъ всею этою полумилліонною массою людей. Чувствовалась въ эти минуты всѣми какая-то великая, стихійная сила, роднившая русскій народъ съ его Богомъ даннымъ Царемъ. На башнѣ пробило четыре часа пополудни, когда государь приблизился къ древнимъ кремлевскимъ стѣнамъ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ открытою головою проѣхалъ подъ сводами Спасскихъ воротъ.

Нѣсколько дней, оставшихся до коронаціи, Москва провела все въ томъ же нервномъ настроеніи. День коронаціи еще не былъ объ

*Императоръ **Николай** II въ формѣ Нижегородскаго полка во время Коронаціонныхъ торжествъ.*

явленъ. Но вотъ, наконецъ, 11-го мая появились герольды, въ своей средневѣковой одеждѣ, и, объѣзжая всѣ улицы и площади Москвы, возвѣщали всюду, что „Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Александровичъ, взошедъ на прародительскій, наслѣдственный престолъ, указать изволилъ: Священнѣйшему коронованію его императорскаго величества и отъ святого мѵра помазанію быть сего мая въ 14-й день, пріобщая сему священному дѣйствію и супругу свою Великую Государыню Императрицу Александру Феодоровну. О семъ торжествѣ всѣмъ вѣрноподданнымъ черезъ сіе возвѣщается, дабы въ вождѣленный оный день усугубили они мольбы свои къ Царю царствующихъ, да всемощною своею благодатію пріосѣнитъ царство его величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину во славу свою святую и къ непоколебимому благоденствію государства“.

Въ этомъ возваніи царя къ молитвамъ своего народа было нѣчто величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-трогательное.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый день 14-го мая. Народъ наполнилъ весь Кремль и Красную площадь; войска также заняли назначенныя имъ мѣста. Нижегородскому взводу пришлось стоять въ самомъ Кремлѣ, какъ разъ на пути высочайшаго слѣдованія отъ Успенскаго собора черезъ разводную площадку къ Архангельской церкви, древней усыпальницѣ московскихъ царей. Когда все установилось на своихъ мѣстахъ, звуки трубъ и литавръ, раздавшіеся съ дворцовыхъ террасъ, возвѣстили о началѣ высочайшаго выхода. Опять, также какъ 9-го мая, началось нескончаемое шествіе придворныхъ чиновъ въ парадныхъ, расшитыхъ золотомъ мундирахъ. При яркомъ сіяніи солнца, казалось, что по ступенямъ лѣстницы течетъ золотая рѣка, медленно подвигавшаяся къ отверстымъ дверямъ Успенскаго собора; прошли наконецъ первые чины двора, пронесли за ними императорскія регаліи, предшествуемыя государственнымъ знаменемъ; протопресвитеръ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, сопровождаемый двумя діаконами, поспѣшно окропилъ святою водою ступени крыльца и весь предлежавшій путь до собора. Нервное волненіе всѣхъ присутствовавшихъ на площади достигло въ эти минуты наивысшаго напряженія. Всѣ взоры были прикованы къ Красному крыльцу, гдѣ долженъ былъ появиться русскій Самодержецъ,—и вдругъ громовое „ура“ вырвалось

изъ груди народа и, огласивши Кремль, понеслось раскатами по всѣмъ площадямъ и улицамъ Москвы. Войска взяли на караулъ. На верхней площадкѣ крыльца показался государь объ руку съ императрицею; они медленно спускались по ступенямъ лѣстницы, отвѣчая поклонами на общее народное привѣтствіе. Когда ихъ величества вступили въ соборъ, двери затворились—и начался священный обрядъ коронованія.

Пока въ стѣнахъ древняго храма совершалось великое таинство, на площади царило такое глубокое молчаніе, что привычное ухо могло разслышать даже пѣніе молитвенныхъ гимновъ, доносившихся изъ замкнутаго храма. Но едва пушечный залпъ потрясъ кремлевскія стѣны и въ отвѣтъ ему радостно загудѣли московскіе колокола, какъ бы привѣтствуя „Богомъ вѣнчаннаго и отъ святаго мѵра помазаннаго" царя,—какъ со всѣхъ сторонъ стихійною волною, ничѣмъ уже не сдерживаемые, поднялись народные крики восторга. Замкнутыя дотолѣ двери собора распахнулись настежъ—и въ нихъ предсталъ царь, уже въ своемъ коронаціонномъ уборѣ, полномъ глубокаго символическаго значенія. Съ нимъ рядомъ въ такомъ же уборѣ появилась и императрица. Одѣтый въ порфиру, съ сіяющею короною на головѣ, со скипетромъ въ одной и державою въ другой рукѣ, царь и царица шествовали изъ Успенскаго въ Архангельскій соборъ для поклоненія гробамъ своихъ царственныхъ предковъ.

Процессія прошла мимо фронта Нижегородцевъ, и затѣмъ изъ Архангельскаго собора направилась въ соборъ Благовѣщенскій, а оттуда обратно къ Красному крыльцу. Среди волнующейся массы головъ, высоко надъ ними, плавно покачивался великолѣпный императорскій балдахинъ, и туда-то устремлены были взоры всѣхъ, и туда-то летѣли искреннія пожеланія русскаго народа. Солнце заливало своими лучами соборную площадь, и ярко освѣщало эту чудную единственную въ мірѣ картину. Крики поднимались все сильнѣе и сильнѣе, колокола звонили все радостнѣе и радостнѣе. Съ каждою ступенью на Красное крыльцо державная чета становилась все виднѣе и виднѣе кипѣвшему внизу народу. Но вотъ она остановилась на верхней площадкѣ крыльца и, по древнему русскому обычаю, троекратно поклонилась народу. Въ этотъ моментъ восторженное настроеніе достигло уже своего апогея: народное „ура" заглушило и громъ пушекъ и звонъ московскихъ колоколовъ.

Затѣмъ начался рядъ коронаціонныхъ празднествъ. 17-го мая ихъ величества принимали въ Кремлевскомъ дворцѣ поздравленія отъ дамъ дипломатическаго корпуса, отъ дамъ высочайшаго двора, отъ супругъ и дочерей лицъ первыхъ шести классовъ и потомственныхъ русскихъ дворянъ. Внутренній караулъ въ этотъ день занимали въ залахъ дворца опять Нижегородцы, и Государь Императоръ соизволилъ выйти на пріемъ въ мундирѣ Нижегородскаго полка съ бриллiантовою звѣздою и лентой ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ другой разъ государь появился передъ войсками въ Нижегородскомъ мундирѣ 21-го мая на церковномъ парадѣ тѣхъ частей, которыя въ этотъ день праздновали свои полковые праздники. Коронаціонныя торжества закончились общимъ парадомъ войскъ 26-го мая.

Такъ, облеченный самодержавною властію и силою земныхъ законовъ, православный монархъ принялъ священное мѵропомазаніе, и откликнулась ему душевно вся русская земля отъ края до края. И не въ одной Москвѣ, а по всей необъятной Руси, во всѣхъ городахъ и селахъ гудѣли въ этотъ день колокола, развѣвались флаги и гремѣло народное „ура“ въ честь Того, Кто „въ славѣ“ шествовалъ по Кремлевской площади среди цвѣта отечественнаго населенія. И Нижегородцы, подобно всѣмъ, торжественно отпраздновали этотъ день въ своей штабъ-квартирѣ, но только къ ихъ чувствамъ, чувствамъ общимъ всѣмъ русскимъ людямъ, примѣшивалась еще понятная гордость, что этотъ, шествовавшій „въ славѣ“ русскій царь—державный шефъ ихъ родного полка, и что они имѣютъ высокое счастіе именовать его своимъ Однополчаниномъ.

Еще до коронаціи, 6-го мая, празднуя день рожденія государя, Нижегородцы повергли къ стопамъ его величества выраженіе своихъ горячихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и молитвенныя пожеланія долгаго и славнаго царствованія. Государь отвѣчалъ изъ Москвы:

От души благодарю моихъ дорогихъ Нижегородцевъ за ихъ пожеланія и добрыя чувства. „Николай“.

Готовясь къ чествованію дня коронаціи, Пятигорскъ уже наканунѣ сталъ принимать праздничный видъ, такъ какъ народъ густыми толпами стекался сюда со всѣхъ окрестныхъ деревень и станицъ. 13-го мая въ городскомъ соборѣ торжественно отправлено было всенощное бдѣніе, на которомъ присутствовали и команды отъ всѣхъ эскадроновъ

Нижегородскаго полка. На слѣдующій день, 14-го мая, въ 11 часовъ утра началась божественная литургія въ присутствіи тысячной массы народа, представителей города и всѣхъ чиновъ пятигорскаго гарнизона. Нижегородскій полкъ, въ пѣшемъ строю, со штандартами, былъ собранъ въ казармахъ въ ожиданіи церковнаго парада, который долженъ былъ начаться только по полученіи изъ Москвы телеграммы. И вотъ, въ два часа пополудни, три ракеты, пущенныя изъ Лермонтовскаго сквера, оповѣстили городъ, что священный обрядъ совершился. Въ тотъ же моментъ выступили изъ казармъ и двинулись съ музыкой Нижегородскіе эскадроны на Александровскую площадь, куда изъ собора направилась и церковная процессія, предшествуемая множествомъ иконъ и хоругвей. Послѣ благодарственнаго молебствія, совершеннаго подъ открытымъ небомъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, а затѣмъ городъ три дня былъ иллюминованъ, три дня звонили во всѣ церковные колокола, и народъ съ утра до вечера ходилъ по бульварамъ и улицамъ, оглашая воздухъ то дружнымъ „ура", то пѣніемъ народнаго гимна.

Всѣмъ чинамъ, участвовавшимъ во время коронаціонныхъ празднествъ, пожалованы были особыя серебряныя медали для ношенія въ петлицѣ на андреевской лентѣ. Въ Нижегородскомъ полку ихъ получили: полковникъ Петровъ, ротмистръ Тургіевъ, штабсъ-ротмистръ Глонти, полковой адъютантъ князь Ратіевъ и нижніе чины пѣшаго взвода.

Другія медали учреждены были въ томъ же году въ память въ Бозѣ почившаго императора Александра III-го. Вотъ что сказано было по этому поводу въ указѣ правительствующему сенату:

„Возлюбленный Родитель нашъ мудрымъ правленіемъ своимъ, не обнажая меча, неуклонно велъ дорогое наше отечество по славному пути. Внося повсюду миръ и спокойствіе, онъ оставилъ благословенное имя свое на вѣки въ сердцахъ вѣрнаго своего народа.

„Въ память незабвеннаго Царя-Миротворца, нынѣ въ пятьдесятъ первую годовщину со дня его рожденія, мы учреждаемъ для сотрудниковъ почившаго императора въ дѣлахъ его правленія, медаль съ изображеніемъ Родителя нашего. Да послужитъ она имъ постояннымъ напоминаніемъ о свѣтломъ образѣ державнаго вождя, не щадившаго себя для блага отечества".

Почти всѣ Нижегородцы, за малымъ исключеніемъ, состояли на службѣ въ минувшее царствованіе, и потому всѣ съ глубокимъ благоговѣйнымъ чувствомъ надѣли на себя эту серебряную медаль на александровской лентѣ, памятуя, что всѣхъ ихъ осѣняло когда-то благословеніе почившаго Царя-Миротворца.

Пришлось Нижегородцамъ вспомнить въ этомъ году и величавый образъ другого почившаго монарха, императора Николая 1-го, по случаю исполнившагося 25-го іюня столѣтія со дня его рожденія. Весь полкъ въ полномъ составѣ, со штандартами, присутствовалъ при торжественной панихидѣ, совершенной всенародно на соборной площади, а затѣмъ командиръ полка возложилъ на обязанность эскадронныхъ командировъ и офицеровъ ознакомить въ этотъ день всѣхъ нижнихъ чиновъ въ особыхъ, понятныхъ солдату бѣсѣдахъ съ болѣе выдающимися событіями славнаго царствованія. Нижегородскому полку это царствованіе было особенно памятно. Драгуны были созданіемъ императора Николая Павловича, его любимымъ войскомъ, которымъ онъ гордился, и видѣлъ въ Нижегородцахъ именно блестящее примѣненіе своихъ идей уже не на маневренныхъ поляхъ, а въ настоящихъ, грозныхъ сраженіяхъ, гдѣ конный и пѣшій строи одинаково вели ихъ къ побѣдамъ. При немъ Нижегородцы надѣли свой исторически-знаменитый мундиръ, созданный только для нихъ однихъ, и сняли его уже по кончинѣ императора. Теперь только однѣ азіатскія шашки, какъ отрывокъ минувшихъ славныхъ преданій, и напоминаютъ полку о дорогомъ, давно уже утраченномъ имъ мундирѣ. Ни одинъ разъ покойный императоръ, высоко цѣнившій Нижегородцевъ, выдвигалъ заслуги ихъ передъ другими войсками. Такъ, въ 1837 году, когда драгуны имѣли счастіе представиться на царскій смотръ въ Тифлисѣ, государь нашелъ всѣ войска въ хорошемъ видѣ, а Нижегородскій полкъ—въ *отличномъ*. Всѣмъ нижнимъ чинамъ пожаловано было тогда по рублю серебромъ, по чаркѣ водки и по фунту мяса, а Нижегородцамъ по два рубля, по два фунта мяса и по двѣ чарки водки. Такая же резолюція государя послѣдовала и на донесеніи князя Воронцова о знаменитомъ Кутишинскомъ дѣлѣ 15-го октября 1846 года. „Дѣло славное! Князю Бебутову Георгія 3-й, войскамъ всѣмъ по два рубля, а Нижегородскимъ драгунамъ *по три*“.

Много было и другихъ милостей, оказанныхъ полку императоромъ

Николаемъ Павловичемъ. Георгіевскіе штандарты во всѣхъ пяти дивизіонахъ, знаки на шапкахъ „За отличіе“, Георгіевскія серебряныя трубы, и, наконецъ, небывалая тогда еще награда въ арміи—золотыя петлицы на мундиры офицеровъ,—все это памятники долгаго и славнаго его царствованія. Было, стало быть, о чемъ поговорить съ Нижегородцами, и Нижегородцамъ было чѣмъ вспомнить это славное время. Тогда же 25-го іюня на гробницу императора Николая 1-го возложена была въ Петропавловскомъ соборѣ особо выбитая для этого медаль, а другія, меньшихъ размѣровъ, учреждены для всѣхъ ветерановъ Николаевскаго царствованія. Но минуло уже 42 года со времени кончины великаго царя, и въ Нижегородскомъ полку не осталось уже никого, кто бы служилъ ему, кто бы лично зналъ, или даже видѣлъ этого монарха-рыцаря.

Между тѣмъ наступило лѣто, и обычныя строевыя занятія начались въ этомъ году инспекторскимъ смотромъ генерала Ренкевича. Взыскательный, строго-требовательный, онъ остался однако вполнѣ удовлетвореннымъ блестящимъ состояніемъ Нижегородскаго полка. Особенно его поразилъ конскій составъ. „Содержаніе лошадей въ Нижегородскомъ полку, писалъ онъ въ своемъ приказѣ, выше всякой похвалы. Такія тѣла и мускулы на строевыхъ лошадяхъ встрѣчаются очень рѣдко. Ни одной мало-мальски худой лошади во всемъ полку. При такомъ содержаніи не рѣшаюсь дѣлать оттѣнки и могу выразить только глубокую признательность командиру полка и эскадроннымъ командирамъ за ихъ выдающуюся энергію и заботливость“.

Спеціальный кавалерійскій сборъ происходилъ въ этомъ году въ послѣдній разъ подъ Пятигорскомъ. Онъ занялъ цѣлый мѣсяцъ съ 15 іюля по 14-е августа и кончился, какъ всегда, испытаніемъ офицеровъ въ искусствѣ верховой ѣзды и въ скачкахъ съ препятствіями на призы военнаго министерства. Но скачки эти были уже не тѣ, что въ предъидущихъ годахъ; прежде онѣ производились отдѣльно въ каждомъ полку, а теперь на состязанія выѣзжали офицеры цѣлой дивизіи, при чемъ количество и достоинство призовъ также подверглось значительному измѣненію. Прежде на каждый полкъ назначались два приза, одинъ въ 160, другой въ 100 рублей; теперь на цѣлую дивизію установлено было только три приза, и хотя такимъ образомъ число

ихъ уменьшилось въ общемъ, но за то стоимость ихъ значительно возвысилась. Такъ, первый призъ за скачки опредѣленъ былъ новымъ положеніемъ въ 900 рублей наличными деньгами, и выигравшій его офицеръ получалъ еще золотой жетонъ; второй призъ былъ въ 500 и третій въ 200 рублей. Призы за искусство въ верховой ѣздѣ остались безъ перемѣны.

Скачки и испытаніе офицеровъ въ верховой ѣздѣ были произведены 13 августа, и побѣдителями на нихъ вышли Нижегородцы: первый призъ за ѣзду присужденъ былъ штабсъ-ротмистру Ягмину, первый призъ и золотой жетонъ за скачку получилъ штабсъ-ротмистръ Эфендіевъ.

Общій сборъ, начавшійся 14-го августа, продолжался въ этомъ году не долго, въ виду скораго выступленія Нижегородскаго полка на новыя квартиры, и войска 28 августа были распущены. Полкъ началъ готовиться къ походу. Нельзя не отмѣтить здѣсь характерную черту Нижегородцевъ—это уваженіе къ памяти и могиламъ своихъ почившихъ однополчанъ. Въ 1896 году полкъ съ грустію вычеркнулъ изъ своихъ списковъ дорогое имя своего послѣдняго боевого командира графа Николая Павловича Граббе, скончавшагося 8 мая въ Петербургѣ; нѣсколько ранѣе полку пришлось похоронить въ Пятигорскѣ одного изъ своихъ товарищей: штабсъ-ротмистра Слизена; потомъ умеръ командиръ 2-го эскадрона ротмистръ Яковлевъ, и, наконецъ, скончался старый полковой священникъ отецъ Іоаннъ Сеперовичъ, украшенный за послѣднюю турецкую войну орденами св. Владиміра 4-ой степени съ мечами и Анною на шеѣ. Въ короткое время—три могилы, три новые надгробные памятника.

Покидая долгую свою стоянку, Нижегородцы оставляли за собою и длинный рядъ дорогихъ могилъ. На первомъ планѣ стояла могила ихъ стараго шефа генерала Сталя—родоначальника Нижегородской славы на Сѣверномъ Кавказѣ. Онъ скончался и похороненъ въ Пятигорскѣ въ 1823 году. Долго стояла могила эта заброшенная и позабытая всѣми, но Нижегородцы, ревнивые къ своей старой славѣ, розыскали ее, возстановили памятникъ, и теперь цвѣты и сирень, насаженныя вокругъ могилы, наполняютъ воздухъ чуднымъ благоуханіемъ. Это на старомъ кладбищѣ; на новомъ: могилы Грушецкаго, Мензенкампфа, Барона Вревскаго, Барона Корфа, Мердера,

Яковлева, Сеперовича и Недзвецкаго.... За ними ухаживали, ихъ берегли, пока полкъ стоялъ въ Пятигорскѣ; но что будетъ съ ними, когда не станетъ полка,— надъ этимъ задумывался ни одинъ Нижегородецъ.

Здѣсь будетъ не лишнее сказать также еще объ одномъ симпатичномъ обычаѣ, установившемся въ Нижегородскомъ полку какъ кажется съ недавняго времени: каждый офицеръ, прослужившій въ немъ десять лѣтъ, при выходѣ изъ полка получаетъ на память отъ товарищей столовыя часы изъ краснаго дерева, съ изображеніемъ серебряной литой фигуры коннаго нижегородскаго драгуна. Часы заводятся и играютъ полковой маршъ Нижегородскаго полка.

III.

ПОХОДЪ ДО ТИФЛИСА.

Проводы полка въ Пятигорскѣ.—Икона-даръ Нижегородскаго полка городской Пятигорской думѣ.—Встрѣча на походѣ въ Сѣверцами.—Переходъ полка черезъ горы.—Торжественный пріемъ въ Душетѣ и во Мцхетѣ.—Оваціи въ Тифлисѣ.—Хлѣбъ-соль, поднесенная полку городомъ. Рѣчь городского головы. Стоянка въ Навтлугѣ.—Первый полковой праздникъ въ Тифлисѣ.—Перемѣны въ начальствующихъ лицахъ.

По окончаніи лагернаго сбора въ 1896 году Нижегородскій полкъ началъ готовиться къ походу въ Тифлисъ. Всѣ эти дни шли проводы и прощанія со старыми друзьями и знакомыми; во многихъ семейныхъ домахъ Пятигорска устраивались вечера, на которыхъ Нижегородцы являлись желанными гостями. За два дня до выступленія,

17-го сентября, по инициативѣ директора минеральныхъ водъ Башкирова, городъ устроилъ полку прощальный обѣдъ въ залахъ Николаевскаго вокзала, обѣдъ, съ чисто кавказскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, гдѣ рѣчи и тосты дышали искреннимъ глубокимъ чувствомъ и обоюднымъ сожалѣніемъ близкой разлуки. На другой день, 18-го числа, Ахульгинскій резервный баталіонъ давалъ такой же обѣдъ Нижегородцамъ въ своемъ полковомъ собраніи. Эта прощальная трапеза съ горячими рѣчами о братствѣ всѣхъ военныхъ частей, такъ и звучала тѣмъ стародавнимъ добрымъ куначествомъ, которое сливало на Кавказѣ воедино всѣ роды оружія—и конницу, и пѣхоту, и саперъ и артиллерію. Во внутреннихъ округахъ имперіи такого сближенія никогда не существовало; тамъ, напротивъ, была обособленность, быть можетъ сложившаяся историческимъ путемъ, но тѣмъ не менѣе мѣшавшая общему единенію, взаимной помощи и выручкѣ. Ахульгинскій обѣдъ, по прекрасному выраженію одного изъ присутствующихъ, носилъ характеръ трогательной дружбы стараго, закаленнаго въ бояхъ ветерана съ молодымъ солдатомъ. На этомъ обѣдѣ одинъ изъ офицеровъ баталіона, поручикъ Перваго, поднимая заздравный бокалъ, произнесъ слѣдующее стихотвореніе:

Краса драгунъ, Нижегородцы,
Орлы Кавказа боевые!
Не разъ Россіи полководцы
Водили васъ во дни былые
На бранный пиръ, гдѣ кровь лилась,
Гдѣ смерть косила и гуляла.
Но жизнь отдать ей не страшась,
Вы пили смѣло изъ бокала
Своей заманчивой судьбы—
И радость славы боевой,
И тяжкій трудъ во дни борьбы
Съ врагами родины святой.
Васъ Петръ Великій подъ Полтавой,
Мечомъ трикратно осѣняя,
Крестилъ впервые бранной славой
Отъ водъ Невы до водъ Дуная;
Потомъ отъ Тавра до Ефрата

ПОХОДЪ ДО ТИФЛИСА.

Вы, какъ орлы, въ бояхъ летали,
И имя русскаго солдата
Ни разу въ нихъ не запятнали.
И въ звонкихъ пѣсняхъ воспѣваетъ
Онъ ваши подвиги въ дѣлахъ,
И часто въ нихъ упоминаетъ
Бегли-Ахметъ, Аладжи-дагъ,
Башъ-Кадыкъ-Ларъ, Кюрюкъ-Дара,
Гдѣ міръ собой вы удивляли,
Гдѣ ваше громкое „ура"
И шашки острыя звучали....
Тамъ у царя стяжали вы
Всѣ знаки славы нерушимой,
И въ вещемъ отзывѣ молвы —
Вы стали — „полкъ непобѣдимый *)".
Нальемъ же, братья по призванью,
Стаканы полные вина,
И сердца жгучему желанью
Отвѣтимъ, выпивъ ихъ до дна
За славу славныхъ поколѣній,
За духъ незыблемый вѣка,
За славу будущихъ сраженій
Нижегородскаго полка!

Наступилъ наконецъ и день выступленія. Утромъ, 19-го сентября, весь полкъ въ конномъ строю построился на Александровской площади, и послѣ напутственнаго молебствія, городской голова Алексѣй Петровичъ Раковъ, отъ лица всѣхъ жителей города, благословилъ его иконой Николая Чудотворца въ богатой серебряной ризѣ. Минута передачи этой иконы въ руки полкового командира, и слѣдованіе ея, въ сопровожденіи всего городского духовенства, по фронту эскадроновъ, была глубоко-трогательна и вызвала у многихъ слезы умиленія. Затѣмъ офицеры приглашены были въ особый шатеръ на прощальный завтракъ, а для нижнихъ чиновъ приготовлена была походная закуска.

Въ десять съ половиною часовъ утра полкъ сѣлъ на коней, и эскадронъ за эскадрономъ, окруженные массой народа, потянулись за

*) Подлинное выраженіе въ офиціальной реляціи князя Бебутова о Кюрюкъ-Даринскомъ сраженіи.

городъ. Проходя въ послѣдній разъ мимо собора, солдаты снимали шапки и усердно крестились. Снова развернулась передъ ними знакомая всѣмъ великолѣпная картина Пятигорья, но мало по малу съ каждымъ шагомъ впередъ она скрывалась изъ виду, заволакиваясь туманною дымкой, и яркія краски ея гасли, какъ гаснутъ въ насъ воспоминанія о прошломъ. Долго оглядывались назадъ драгуны какъ бы прощаясь со своею старою стоянкой. Двадцать шесть лѣтъ простоялъ полкъ въ Пятигорскѣ, и сколько онъ уносилъ съ собою, и сколько оставлялъ позади себя отрадныхъ воспоминаній. „Удовольствіе путешествовать, сказала извѣстная европейская писательница Сталь, грустное удовольствіе! Грустно ѣхать туда, гдѣ знаешъ, что никто не ожидаетъ твоего пріѣзда". Военнымъ людямъ согласиться съ нею нельзя, такъ какъ вся прелесть нашихъ путешествій и заключается въ томъ, что никто насъ не ждетъ, да и сами мы не знаемъ, съ кѣмъ приведетъ Богъ встрѣтиться утромъ, и что съ нами будетъ вечеромъ. Походныя впечатлѣнія быстро, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняются новыми впечатлѣніями, новыми лицами, новыми знакомствами. И правъ писатель, сказавшій: „Военная жизнь! Сколько золота отсыпало бы богатое пресыщеніе за твои впечатлѣнія, но онѣ не продажны!" ...

Переходъ за переходомъ, и 21-го числа прибыли наконецъ въ станицу Прохладную, гдѣ была первая дневка. Отсюда Нижегородцы, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пятигорскихъ проводовъ, отправили телеграмму городскому головѣ А. П. Ракову. „Упоенные сердечнымъ вниманіемъ гражданъ дорогого Пятигорска, Нижегородцы съ бивуака на берегу шумной Малки шлютъ вамъ и всѣмъ гражданамъ свой искренній привѣтъ и добрыя пожеланія".

Городской голова отвѣчалъ тотчасъ-же въ Прохладную: „Отъ лица гражданъ Пятигорска—обоюдный привѣтъ Нижегородцамъ и сердечное спасибо за память. Пусть шумная Малка служитъ отзвукомъ нашихъ добрыхъ пожеланій полку. Счастливаго пути, дорогіе!".

Съ уходомъ полка Пятигорскъ опустѣлъ, и много потерялъ въ своемъ наружномъ блескѣ, который невольно бросался въ глаза каждому, посѣщавшему городъ. Тѣсный кружокъ оставшихся въ немъ друзей еще долго вспоминалъ Нижегородцевъ съ искреннимъ сожалѣніемъ; но и Нижегородцы не забывали Пятигорска. У офицеровъ

тогда же родилось желаніе увѣковѣчить память о своей долгой стоянкѣ въ немъ какимъ нибудь видимымъ образомъ, и всѣ остановились на мысли поднести городу икону Знаменія Божіей Матери, какъ не разлучной спутницы и покровительницы полка въ его двухъ-сотлѣтней исторической жизни. Икона написана была лучшимъ художникомъ, а кіотъ и серебряная риза заказаны Овчинникову. Подъ иконой вычеканена надпись: „1870—1896 года. Гражданамъ г. Пятигорска благословеніе отъ благодарныхъ Нижегородцевъ на многія, многія лѣта“. Икона доставлена была въ Тифлисъ, и отсюда отправлена въ Пятигорскъ съ полковымъ священникомъ отцомъ Евфиміемъ Рыбчинскимъ. Передавая её городскому головѣ въ присутствіи всѣхъ членовъ управы, гласныхъ думы и множества горожанъ, отецъ Рыбчинскій сказалъ отъ имени полка короткую привѣтственную рѣчь.

„Принимая съ благоговѣніемъ даръ полка, отвѣчалъ на это городской голова, даръ, свидѣтельствующій о взаимно существующихъ сердечныхъ отношеніяхъ, граждане Пятигорска просятъ почтеннаго отца Евфимія выразить чувства глубокой благодарности и признательности, которыми проникнуто общество пятигорскихъ обывателей къ Нижегородцамъ. Дума въ общемъ собраніи постановила помѣстить икону сію на вѣчныя времена въ залѣ засѣданій городской пятигорской думы“.

Копія съ этого постановленія за подписью городского головы, всѣхъ присутствующихъ членовъ управы и гласныхъ города, тутъ же вручена была священнику Рыбчинскому для доставленія въ полкъ.

Теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Походъ Нижегородскаго полка отъ Пятигорска къ Тифлису былъ нескончаемымъ рядомъ празднествъ, восторженныхъ пріёмовъ, шумныхъ оваций. Видно было, что слава Нижегородскаго полка знакома всѣмъ на Кавказѣ, и потому Нижегородцы являлись вездѣ желанными и дорогими гостями. Отъ Пятигорска, до перваго ночлега въ станицѣ Зольской, ихъ провожали всѣ офицеры Осетинскаго дивизіона; въ Прохладной ихъ принялъ съ братскимъ радушіемъ одинъ изъ Сѣверскихъ эскадроновъ, квартировавшій въ станицѣ; во Владикавказѣ на встрѣчу къ нимъ выѣхали всѣ офицеры Сѣверскаго полка съ хоромъ трубачей и лихими пѣсенниками. Два дня пировали наши драгуны во Владикавказѣ, и когда, 30-го сентября, пришла пора разставаться, Сѣверцы

проводили своихъ старшихъ братьевъ до самаго Реданта, гдѣ былъ приготовленъ прощальный завтракъ для всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Всѣ эти походныя встрѣчи и проводы не составляютъ, конечно, событій, достойныхъ исторіи; но эти событія отрадны и не будничны въ другихъ отношеніяхъ. Пусть же благословитъ васъ Богъ добрые бивуачные товарищи нашихъ кавказскихъ походовъ. Высоки и святы тѣ крѣпкіе узы, которые соединяютъ всѣхъ васъ въ тѣсный братскій кружокъ, согрѣтый теплою дружбой, при которой нѣтъ и не будетъ мѣста ни корыстнымъ расчетамъ, ни людскому эгоизму. Военная жизнь, также какъ и смерть, уравниваетъ всѣ состоянія.

Весело и шумно текла пріятельская бесѣда двухъ братскихъ полковъ, но въ ней нѣтъ-нѣтъ да и прозвучитъ бывало грустная нотка. Всѣ сознавали, что стоятъ уже на грани покидаемаго ими Сѣвернаго Кавказа, что за этими вздымавшимися передъ ними горами ихъ ожидаетъ новая стоянка, новая жизнь, новые люди!... Нижегородцы были еще счастливѣе Сѣверцевъ: они шли по крайней мѣрѣ въ Тифлисъ, а передъ Сѣверцами въ туманной дали рисовался угрюмый и мрачный Александрополь. Правда, окрестности города въ часъ утренней зари или вечерняго заката, когда снѣговой Алагезъ одѣвался въ пурпуръ и золото, были хороши неподражаемо; но тѣмъ хуже, что въ такихъ великолѣпныхъ рамахъ помѣщалась такая картина, какъ старые Гумры,—изношенная туфля факира на роскошномъ коврѣ султанскаго гарема. Здѣсь, во Владикавказѣ, Сѣверцевъ окружали русскіе люди, русское общество; тамъ—ожидало ихъ царство армянъ, съ ихъ меркантильною дѣятельностью, съ ихъ замкнутою, мертвенно-неподвижною домашнею жизнію. Сѣверцы оставлены были однако во Владикавказѣ до осени будущаго года, когда въ Александрополѣ приготовлены будутъ для нихъ казармы.

Первый ночлегъ Нижегородцевъ въ горахъ былъ между станціями Балтой и Ларсомъ. Ночлегъ этотъ остался памятнымъ страшною, внезапно разразившеюся, бурею. Почти всѣ палатки были опрокинуты, многія коновязи сорваны. Къ счастію, драгуны, бросившіеся къ испуганнымъ конямъ, успѣли удержать ихъ, а не то, пожалуй, многихъ бы изъ нихъ не досчитали. Всю ночь пришлось провести безъ сна, держа въ поводу лошадей, подъ открытымъ небомъ и посреди бушую-

щей бури. Къ утру погода утихла, небо прояснилось, и драгуны мокрые, измученные безсонною ночью, двинулись дальше.

Это была уже вторая дорожная непріятность. Первая случилась еще на переходѣ изъ Пятигорска въ Зольскую станицу съ однимъ изъ эскадронныхъ обозовъ, который близъ станціи Минеральныхъ Водъ едва-едва не былъ раздавленъ владикавказскимъ поѣздомъ. Случай произошелъ по винѣ желѣзно-дорожнаго сторожа, охранявшаго переѣздъ черезъ рельсы. Онъ слышалъ свистокъ, но принялъ идущій поѣздъ за маневрирующій паровозъ, и во время не опустилъ шлагбаума. Не подозрѣвая опасности, передній фургонъ въѣхалъ уже на рельсы, когда увидѣлъ мчавшійся прямо на него товарный поѣздъ. Шлагбаумы, по обѣ стороны рельсовъ, какъ разъ въ этотъ моментъ были опущены и, такимъ образомъ, перескочить черезъ нихъ ни туда ни сюда было невозможно. Въ суматохѣ люди стали осаживать назадъ лошадей, но паровозъ уже налетѣлъ, зацѣпилъ за конецъ дышла и, поворотивъ фургонъ вдоль пути, потащилъ его за собою, вмѣстѣ съ лошадьми и солдатами. Къ счастію, фургонъ протащился не болѣе 15-ти саженъ, какъ поѣздъ успѣли остановить. Двое солдатъ: рядовые Яковъ Мирошкинъ и Мендель-Тель получили незначительные ушибы, одна лошадь была ранена, а фургонъ отдѣлался небольшими поврежденіями кузова.

Дальнѣйшее слѣдованіе полка было уже безъ приключеній. 1-го октября ночевали въ Коби, 2-го—полкъ перевалилъ Крестовую гору, и, спустясь въ Млеты, остановился на дневку. Здѣсь повсюду уже лежала зима, и драгунамъ не разъ пришлось пожалѣть объ отсутствіи теплой одежды. За то отсюда, съ каждымъ шагомъ впередъ, становилось все теплѣе и теплѣе; снѣга исчезли, деревья стояли покрытыя листвой—начиналась полоса чудной кавказской осени, съ ея теплыми ясно-прозрачными днями. 4-го октября драгуны ночевали въ Ананурѣ, а на слѣдующій день выступили къ Душету. Подходя къ городу, полкъ встрѣченъ былъ всѣми офицерами 4-й кавказской туземной дружины, во главѣ со своимъ командиромъ. Полковникъ Добржанскій просилъ размѣстить драгунъ въ его казармахъ, возлѣ которыхъ приготовлено было мѣсто и для лошадей всѣхъ шести эскадроновъ. Отъ самаго входа въ городъ вдоль всѣхъ улицъ стояла дружина съ хоромъ своихъ музыкантовъ. Какъ только показались драгуны, на встрѣчу имъ

грянулъ нижегородскій маршъ. Нижегородскіе трубачи отвѣтили тотчасъ-же маршемъ дружины. Въ офицерскомъ собраніи уже былъ сервированъ обѣдъ для всѣхъ офицеровъ, а нижнихъ чиновъ дружинники угощали на площади. Съ такимъ же широкимъ радушіемъ дружина и проводила на слѣдующій день своихъ дорогихъ гостей, выступившихъ отсюда въ Цылканы.

7-го октября, на переходѣ изъ Цылканъ ко Мцхету; полкъ встрѣченъ былъ начальникомъ дивизіи генералъ-маіоромъ Ренкевичемъ. Во Мцхетѣ его ожидалъ командиръ кавказскаго корпуса генералъ отъ кавалеріи князь Амилахвари вмѣстѣ со старыми Нижегородцами, давно уже покинувшими службу. Здѣсь были: Ѳома Григорьевичъ Джемарджидзе, князь Иванъ Сулхановичъ Чавчавадзе, князь Челокаевъ, Керимъ-Бекъ-Наврузовъ и многіе другіе. Поздоровавшись съ полкомъ, князь Амилахвари со всѣми офицерами и эскадронными вахмистрами отправился во Мцхетскій соборъ поклониться прежде всего одной могилѣ, родной Нижегородцамъ. Тамъ, въ усыпальницѣ послѣднихъ грузинскихъ царей, среди ихъ саркофаговъ, стояла скромная гробница юнаго Нижегородца, князя Грузинскаго, погибшаго геройскою смертію на штурмѣ Карса 17-го Сентября 1855 года. Передъ нею-то и остановился князь Амилахвари. „Никогда не забывайте вашихъ отшедшихъ товарищей, сказалъ онъ, и чтите ихъ память. Они своею смертію внесли въ сокровищницу полка, въ его исторію, свѣтлыя страницы и, покидая жизнь, оставили намъ свои неумирающіе завѣты. Помолимтесь-же надъ этимъ дорогимъ намъ гробомъ—молитва единственное общеніе между живыми и усопшими“.

Отслужена была панихида, а затѣмъ князь Амилахвари предложилъ полку походный завтракъ, устроенный имъ съ особенною заботливостью. Изъ Тифлиса былъ выписанъ лучшій рестораторъ, и оттуда же доставлены были столы, стулья, посуда, столовое бѣлье, палатки, ковры и вся провизія; вино выписано было изъ самой Кахетіи. Для офицеровъ разбили особые наметы, а для нижнихъ чиновъ разостлали на землѣ ковры и паласы, застланные скатертями. Завтракъ солдатъ состоялъ изъ чарки водки, изъ пироговъ съ различною начинкою, горячихъ щей съ мясомъ и плова; офицерскій столъ отличался обиліемъ и разнообразіемъ яствъ. На всемъ, что было сдѣлано, лежала печать широкаго гостепріимства и радушія хозяина этой братской тра-

Князь З. Г. Чавчавадзе. Князь И. Г. Амилахвари.

пезы, за которою соединились вмѣстѣ и молодые Нижегородцы и старые представители полка, изъ которыхъ рѣдкій не былъ украшенъ георгіевскою лентой въ петличкѣ. Офицерскій обѣдъ затянулся до поздней ночи, а на слѣдующій день, во время дневки, во Мцхетъ стали съѣзжаться представители отъ всѣхъ частей тифлисскаго гарнизона, прибывшіе привѣтствовать полкъ отъ лица своихъ товарищей. Но эти встрѣчи и эти привѣтствія носили еще чисто семейный, дружескій неофиціальный характеръ. Офиціальная встрѣча ожидала Нижегородскій полкъ въ самомъ Тифлисѣ.

9-го октября, около полудня, Нижегородцы подошли, наконецъ, къ городу, предназначенному отнынѣ стать ихъ полковою штабъ-квартирой. Всѣ войска тифлисскаго гарнизона и весь генералитетъ ожидали ихъ возлѣ артиллерійскихъ казармъ на Верѣ. Встрѣча полка была торжественная. Едва показались Нижегородскіе штандарты, какъ грянуло „ура“ и эхомъ откликнулось въ горахъ, окружающихъ верійское поле. Полкъ остановился, и князь Амилахвари, какъ старшій, предложилъ ему походный завтракъ отъ лица тифлисскаго гарнизона. Принимая чарку изъ рукъ старѣйшаго драгуна, князь Амилахвари провозгласилъ тостъ за Государя Императора, и за весь славный Нижегородскій полкъ. Полковникъ Петровъ въ свою очередь отвѣтилъ тостомъ за князя Амилахвари и весь тифлисскій гарнизонъ, прося любить и жаловать своихъ новыхъ товарищей. Послѣ короткаго завтрака, полкъ двинулся въ городъ и, миновавъ крестъ, воздвигнутый на городской чертѣ въ память спасенія жизни императора Николая I, выстроился развернутымъ фронтомъ вдоль Ольгинской улицы, противъ зданія военно-окружнаго суда. Здѣсь встрѣтилъ его тифлисскій губернаторъ, комендантъ города, и городской голова, съ гласными и городскою управою въ полномъ составѣ. По пути слѣдованія полка, по обѣ стороны улицы и далѣе по Головинскому проспекту стояли густыя массы народа. Всѣ слышали о Нижегородцахъ, о ихъ историческихъ штандартахъ, но многіе еще никогда не видали ихъ. Около двухъ часовъ пополудни прибылъ временно командующій войсками округа генералъ-лейтенантъ графъ Татищевъ, и, объѣхавъ эскадроны, поздравилъ всѣхъ съ новосельемъ. Затѣмъ выступилъ впередъ замѣститель городского головы А. А. Иваненко и поднесъ полку хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Въ прекрасной рѣчи своей Иваненко

коснулся главнымъ образомъ важныхъ заслугъ полка въ Елизаветпольской побѣдѣ, оградившей Тифлисъ отъ нашествія персидскихъ полчищъ Аббасъ-Мирзы въ 1826 году. „Съ тѣхъ поръ прошло 70 лѣтъ, говорилъ онъ, и нѣтъ уже въ живыхъ тѣхъ, которые помнили бы разгромъ Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ; въ 1795 г. но многіе изъ нихъ, въ эпоху послѣдней персидской войны, еще были живы и передавали это событіе. Тоже самое могло повториться и въ 1826 году. Горсть русскихъ войскъ, въ томъ числѣ и Нижегородцы, не допустили нашихъ отцовъ видѣть то, что видѣли и испытали наши дѣды. Какъ таетъ воскъ отъ лица огня, такъ растаяли передъ вами, доблестные русскіе воины, вражескія полчища. Благодарный Тифлисъ помнитъ это и проситъ васъ, дорогіе гости, принять отъ него хлѣбъ-соль по русскому обычаю“. И какъ бы напоминаніемъ полку объ этомъ славномъ событіи служило массивное блюдо, на которое возложенъ былъ хлѣбъ съ серебряною солонкою. По срединѣ блюда изображенъ тифлисскій гербъ: двѣ руки, держащія крестъ св. Нины, попирающія полумѣсяцъ; а въ углахъ креста львиныя головы. Въ переводѣ съ геральдическаго языка получится мысль: Тифлисъ, мужественный какъ левъ, и побѣдоносный, какъ крестъ Христовъ, защищалъ отъ мусульманъ святую православную вѣру. Надъ гербомъ –надпись: „Добро пожаловать!“ По краямъ блюда имѣются четыре виньетки и въ нихъ размѣщена слѣдующая надпись: „Городъ Тифлисъ Нижегородскому драгунскому Его Величества полку, 9 октября 1896 года, въ память славнаго боя 1826 года“.

Слушая эту рѣчь и принимая изъ рукъ головы массивное блюдо, Нижегородцы невольно унеслись мечтами въ свое давно минувшее славное время. Елизаветполемъ именно, начинается слава Нижегородскаго полка. Цѣлый рой воспоминаній тѣснится въ головѣ, и видится имъ широко раскинувшаяся, выжженная знойнымъ солнцемъ, степь съ холмистыми окрестностями на сѣверѣ. На этой равнинѣ, въ боевомъ порядкѣ, стоятъ три дивизіона Нижегородскаго полка. Впереди ихъ—пѣхота, но ее только пять баталіоновъ. Грозовою тучей надвигается на нихъ сорокатысячная персидская армія. Осеннее сентябрьское солнце ярко играетъ на оружіи и на развѣвающихся вражескихъ знаменахъ. Двѣ роты грузинцевъ, выдвинутыя влѣво и охваченныя со всѣхъ сторонъ густыми массами пѣхоты и конницы, находятся въ опасномъ по-

ложенiи. Малочисленная горсть нашихъ казаковъ и татарской милицiи уже опрокинута и загнана въ городъ. Паскевичъ подзываетъ къ себѣ командира Нижегородскаго полка полковника Шабельскаго и, указавъ ему на подходившiе баталiоны сарбазовъ, говоритъ лаконически: „Истребите ихъ“. И вотъ начинаются богатырскiе удары Нижегородцевъ. Второй и третiй дивизiоны несутся на помощь грузинцамъ. Здѣсь, въ пылу страшной рукопашной схватки подъ командиромъ полка полковникомъ Шабельскимъ, убита лошадь; ему подводятъ другую съ солдатскимъ сѣдломъ; командиръ шестого эскадрона, капитанъ Червонный упалъ съ коня съ раздробленною, сильнымъ ударомъ приклада, рукою; командиръ третьяго эскадрона штабсъ-капитанъ Шаншiевъ и прапорщикъ князь Язонъ Чавчавадзе ранены штыками; поручикъ Зарембскiй получилъ двѣ раны штыками и третью рану саблей; юнкеръ князь Димитрiй Чавчавадзе, родной братъ Язона, убитъ наповалъ. Переднiя шеренги сарбазовъ ложатся подъ ударами нижегородскихъ шашекъ, но заднiя держатся, и высоко надъ ихъ головами развѣвается большое красное знамя съ изображенiемъ на немъ золотого льва, держащаго въ поднятой лапѣ обнаженный мечъ—эмблема силы и могущества Персiи. Унтеръ-офицеръ Жилинъ бросается на это знамя. Онъ выхватываетъ его изъ рукъ персiянъ и падаетъ, пораженный пулею въ сердце. Вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и знамя. За обладанiе имъ, надъ трупомъ Жилина, начинается новая кровавая свалка. Страшна и упорна эта свалка, но гордый персидскiй левъ, красующiйся со своимъ мечомъ на персидскомъ знамени, переходитъ побѣднымъ трофеемъ въ руки Нижегородцевъ. Когда подоспѣлъ сюда баталiонъ Херсонцевъ, послѣднiй резервъ нашъ—ему дѣлать было уже нечего: персидскихъ сарбазовъ не существовало, и только вдали виднѣлось облако пыли, поднятое уходившею конницею.

А Нижегородцы уже рубятся въ центрѣ. Тамъ 18 персидскихъ баталiоновъ обрушились на два баталiона грузинцевъ и ширванцевъ; ихъ поддержалъ баталiонъ егерей,—но силы эти были слишкомъ не равны, чтобы одолѣть непрiятеля. Командиръ Ширванскаго баталiона Грековъ убитъ, Грузинскаго—графъ Симоничъ раненъ. Драгуны подоспѣли во время. Здѣсь былъ убитъ въ упоръ двумя пистолетными пулями прапорщикъ Волжинскiй въ тотъ моментъ, когда рука его коснулась уже непрiятельскаго знамени; здѣсь же тяжко раненъ прапорщикъ Болдамусъ.

Такой же горячій бой идетъ и на правомъ флангѣ, гдѣ рубится и не выходитъ изъ огня первый дивизіонъ князя Андроникова. Тамъ въ рукопашныхъ схваткахъ раненъ штыкомъ поручикъ Кадниковъ, а подъ Фроловымъ штыками истерзана лошадь. Здѣсь-то, въ этомъ кровавомъ бою грудь на грудь, и окрѣпъ среди Нижегородцевъ, извѣстный афоризмъ: „Сабля офицера не тупѣе солдатской, конь — лучше, и честь должна указать ему мѣсто“. Битва окончилась полнымъ разгромомъ персіянъ, и черезъ два дня ни одного непріятельскаго сарбаза не оставалось уже въ нашихъ предѣлахъ. Шабельскій получилъ георгіевскій крестъ и чинъ генералъ-маіора, а Нижегородскій полкъ—георгіевскіе штандарты.

Таковы были воспоминанія, невольно промелькнувшія въ памяти Нижегородцевъ при самомъ вступленіи ихъ въ Тифлисъ.

Встрѣча закончилась церемоніальнымъ маршемъ и полкъ, сопровождаемый массами народа, двинулся къ Навтлугу, къ бывшимъ казармамъ Лорійскаго полка. На Авлабарѣ драгуны встрѣчены были опять Тифлисскимъ полкомъ, который, выстроившись у своихъ казармъ, проводилъ его громовымъ „ура“. Всѣ офицеры въ тотъ же день приглашены были на обѣдъ въ Навтлугѣ къ Тифлисскому коменданту генералу Рейтеру, тоже георгіевскуму кавалеру минувшей турецкой войны. Обѣдали у него съ восточною обстановкою, среди роскошныхъ виноградныхъ садовъ, съ зурною и сазандарами. Затѣмъ слѣдовали обѣды всему полку отъ города, а потомъ отъ гренадеръ Мингрельскаго полка. Приведемъ одинъ привѣтъ, сказанный Нижегородцамъ на послѣднемъ обѣдѣ въ тѣсномъ кругу товарищей:

Ура, ура Нижегородцамъ,
Ура, вамъ славнымъ кунакамъ!
Ура и вашимъ полководцамъ,
Кавказа грознаго сынамъ.
Средь гарнизона васъ встрѣчаютъ
Здѣсь гренадерскіе полки,
И азарпешу поднимаютъ
За васъ, кавказскіе орлы.
Вы здѣсь на новой штабъ-квартирѣ,
Но вы не новы намъ друзья —
Въ пирахъ, въ бою, въ войнѣ и мирѣ
Кавказцы всѣ одна семья.

Ура, ура Нижегородцамъ,
Ура, вамъ славнымъ кунакамъ!
Ура и вашимъ полководцамъ,
Кавказа грознаго сынамъ.

27-го ноября полкъ въ первый разъ отпраздновалъ въ Тифлисѣ свой полковой праздникъ. Походные люди еще не успѣли устроиться; не было еще приготовлено, какъ слѣдуетъ, полковое собраніе, многаго еще не доставало, а потому пришлось ограничиться на этотъ разъ скромными размѣрами офиціальнаго празднества: отслужено было передъ полкомъ молебствіе, на которомъ присутствовали представители города и приглашенные гости отъ всѣхъ частей тифлисскаго гарнизона.

По окончаніи молебствія, прочитана была передъ всѣми царская телеграмма:

„Искренно поздравляю моихъ молодцовъ драгунъ съ ихъ полковымъ праздникомъ и пью за ихъ здоровье. Николай".

Другая телеграмма была отъ великаго князя Михаила Николаевича:

„Искреннее спасибо за поздравленіе славнымъ Нижегородцамъ и поздравляю дорогой полкъ съ праздникомъ. Пью за здоровье молодецкаго полка".

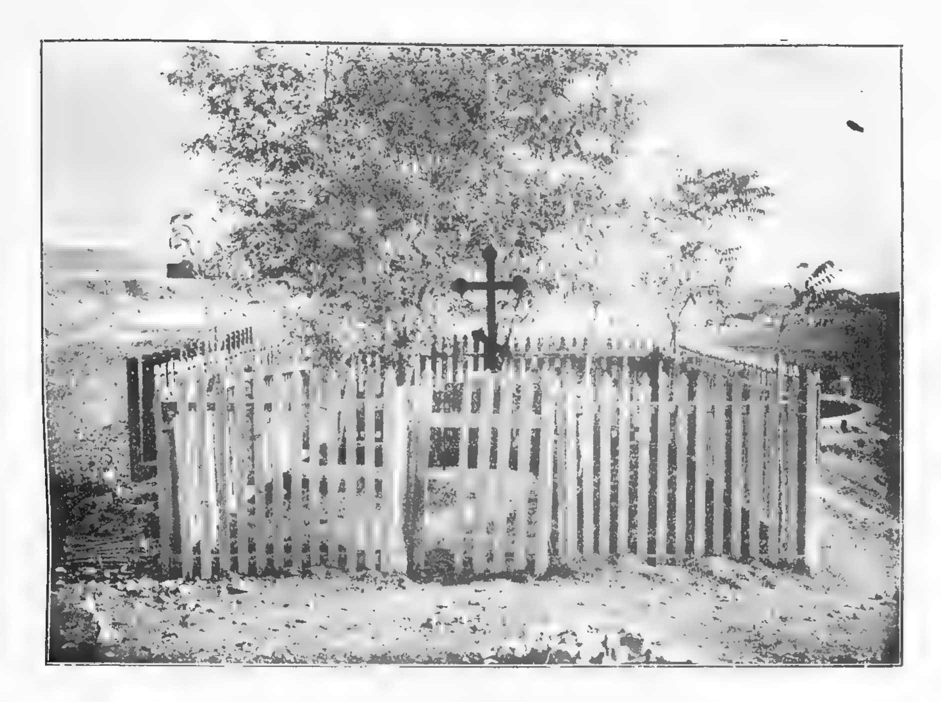
Были телеграммы и отъ другихъ высочайшихъ особъ: отъ наслѣдника цесаревича и великихъ князей Николая и Георгія Михаиловичей. Обычный парадъ закончился скромнымъ завтракомъ, а вечеромъ была жжёнка въ квартирѣ командира полка.

Этотъ годъ, полный событіями, закончился новой перемѣной начальствующихъ лицъ. 5-го декабря внезапно скончался начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Ренкевичъ, а 15-го—пришла телеграмма изъ Москвы о кончинѣ бывшаго главноначальствующаго на Кавказѣ генералъ-адъютанта Сергѣя Алексѣевича Шереметева, тоже стараго Нижегородца, одного изъ доблестнѣйшихъ представителей старыхъ кавказскихъ орловъ.

6-го декабря послѣдовалъ указъ о всемилостивѣйшемъ увольненіи его по разстроенному здоровью отъ званія главноначальствующаго, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта, а 15-го— его уже не стало. Его жизнь погасла вмѣстѣ со службой на Кав-

казѣ, съ которымъ связаны были его лучшія и самыя дорогія воспоминанія.

На мѣсто Ренкевича начальникомъ дивизіи назначенъ былъ состоящій по генеральному штабу генералъ-маіоръ Ивашкинъ, а 13-го декабря 1897 года получено было извѣстіе, что командующимъ войсками округа и главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ назначенъ на мѣсто Сергѣя Алексѣевича Шереметева членъ государственнаго совѣта и сенаторъ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ князь Голицынъ.



IV.

НИЖЕГОРОДЦЫ ВЪ ТИФЛИСѢ.

1897 г.—Какъ устроилась новая жизнь полка въ Тифлисѣ.—Измѣненіе въ формѣ обмундированія.—Пробная мобилизація и обѣдъ въ полковомъ собраніи 20-го января.—Проводы полкомъ принца Людовика Наполеона.—Прибытіе князя Голицына и вызовъ имъ войскъ по тревогѣ.—Тревога въ Нижегородскомъ полку.—Памятный ливень въ Тифлисѣ.—Гибель Нижегородской команды въ числѣ 19 драгунъ.—Походъ въ Джелалъ-Оглы и смотръ генерала Тутолмина.—Общій лагерный сборъ подъ Тифлисомъ.—Посѣщеніе полка иностранными офицерами.

Навтлугъ, гдѣ стоятъ казармы Нижегородскаго полка, представлялъ собою маленькое предмѣстье, расположенное на лѣвомъ возвышенномъ берегу Куры, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ другого большого предмѣстья Авлабара, давно уже слившагося съ городомъ. Мѣстность кругомъ унылая, безлѣсная. Лорійцы развели было здѣсь сады, но въ

промежутокъ времени, когда они ушли въ Лагодехи, а на мѣсто ихъ пришли Нижегородцы, деревья, оставленныя безъ призора и поливки, большею частью пропали, и теперь окрестности казармъ не представляли ничего, на чемъ бы могъ остановиться глазъ. Рядомъ съ казармами пролегало большое кахетинское шоссе, съ безпрерывно тянувшимися по немъ обозами. Трактъ этотъ, и до селѣ еще не совсѣмъ безопасный отъ мелкихъ разбойничьихъ шаекъ, пролегаетъ по довольно безлюднымъ, обнаженнымъ равнинамъ плоской возвышенности, окаймленной съ сѣвера живописнымъ хребтомъ верхней Кахетіи, который постепенно, уступами, понижается къ безводной Ширакской степи. За этими горами стоятъ Царскіе-Колодцы. Возвышенная мѣстность открыта всѣмъ вѣтрамъ, напомнившимъ Нижегородцамъ разсказы старыхъ людей о ихъ чиръ-юртовской стоянкѣ съ ея ураганами. Здѣсь также по цѣлымъ мѣсяцамъ не прекращались эти ураганы, засыпавшіе всѣхъ пылью, щебнемъ и мелкими каменьями. Въ добавокъ, почва, гдѣ стоятъ казармы, глинистая и при дождѣ растворялась въ топкую, липкую грязь, образовывавшую настоящую трясину.

Ко времени прибытія полка, всѣ передѣлки въ казармахъ были окончены, и конюшни готовы, за исключеніемъ шестого эскадрона, которому пришлось простоять еще цѣлый мѣсяцъ въ коновязи, подъ открытымъ небомъ. Но къ наступленію холодовъ, конюшня и для шестого эскадрона была готова. Полковое офицерское собраніе было устроено заботами самихъ офицеровъ; и ихъ же усердію и посильнымъ жертвамъ обязана была своимъ возникновеніемъ небольшая, но прекрасно устроенная домовая полковая церковь,—живая свидѣтельница трудовъ и попеченій новаго полкового священника отца Евфимія Рыбчинскаго. Вообще размѣщеніе полка можно было бы назвать даже удобнымъ, если бы у него былъ водопой. Но водопроводовъ въ казармахъ устроено не было, и лошадей приходилось водить на Куру, до того загрязненную различными отбросами шерстобитныхъ, красильныхъ и другихъ заводовъ, что лошади пили воду только потому, что пить было больше нечего. Это не могло не отзываться на конскомъ составѣ, и число заболѣвшихъ лошадей стало возрастать такъ быстро, что обратило на себя вниманіе даже генералъ-инспектора кавалеріи великаго князя Николая Николаевича.

Не въ лучшемъ положеніи находилась и санитарная часть ниж-

нихъ чиновъ. Съ одной стороны къ казармамъ примыкалъ военный госпиталь, старый, еще Ермоловской постройки, естественно задерживавшій въ своихъ каменныхъ зданіяхъ массу вредныхъ міазмовъ; съ другой—военное навтлугское кладбище; тутъ же не вдалекѣ стоялъ небольшой желѣзнодорожный полустанокъ „Навтлугъ", съ его вѣчнымъ дымомъ и копотью, а въ заключеніе, почти подъ самыя казармы подходилъ городской свалочный оврагъ, куда свозились всѣ нечистоты. При такихъ условіяхъ надо еще удивляться, что процентъ больныхъ и умершихъ нижнихъ чиновъ не превышалъ обычной нормы, хотя и былъ гораздо значительнѣе, нежели въ Пятигорскѣ. Нѣкоторые приписывали это обстоятельство благодѣтельному дѣйствію сильныхъ вѣтровъ, уносившихъ съ собою накоплявшіяся міазмы.

Офицерскихъ помѣщеній въ самомъ расположеніи полка было весьма недостаточно. Посреди громадныхъ казармъ, образовавшихъ собою довольно большую площадь, стоялъ низенькій одноэтажный домикъ полкового командира, вѣчно сырой и холодный. Офицерскій флигель устроенъ былъ только на двѣнадцать квартиръ, непредставлявшихъ притомъ никакихъ удобствъ для жизни, а, между тѣмъ, сколько нибудь сносныхъ квартиръ не было ни въ Навтлугѣ, ни на Авлабарѣ. Поэтому большинству офицеровъ приходилось жить въ самомъ Тифлисѣ, почти въ пяти верстахъ отъ полка, что представляло, разумѣется, большое неудобство.

Другой, еще болѣе важный, вопросъ этой стоянки касался непосредственно самого общества офицеровъ. Надо было приложить не мало трудовъ и усилій, чтобы поддержать и не дать расшататься тѣмъ внутреннимъ бытовымъ устоямъ, которыми полкъ гордился еще съ Екатерининскихъ временъ, когда имъ командовалъ Панинъ. Уже съ тѣхъ поръ въ полку сложился и окончательно окрѣпъ въ самомъ началѣ XIX вѣка, въ командованіе Сталя, тотъ живой, оригинально-привлекательный бытъ, тѣ дружескія, какъ бы семейныя, отношенія между всѣми старшими и младшими чинами полка, которыя дошли до нашего времени. Стоянка въ большомъ своеобразномъ городѣ грозила подорвать эти крѣпкія товарищескія узы. Въ Пятигорскѣ всѣ офицеры жили одною и тою же жизнью, у всѣхъ были однѣ и тѣ же знакомства, всѣ пользовались одними и тѣми же общественными развлеченіями, а потому никакого разъединенія не было и не могло быть. Эта

сплоченность не могла уже не нарушиться въ Тифлисѣ, гдѣ офицеры, разбросанные по цѣлому городу, сходились между собою только во время служебныхъ занятій, а въ остальное время каждый пріобрѣталъ свой обособленный кругъ знакомыхъ, каждый имѣлъ свои развлеченія въ театрахъ, въ клубахъ или въ общественныхъ собраніяхъ. И если Нижегородцы избѣгли этой общей участи полковъ, расположенныхъ въ большихъ городахъ, то этимъ они обязаны были только своимъ вѣковымъ традиціямъ и крѣпкимъ устоямъ, заложеннымъ въ нихъ двухвѣковою историческою ихъ жизнью.

Съ переходомъ на новую стоянку совпали какъ разъ нѣкоторыя измѣненія, послѣдовавшія въ формѣ полкового обмундированія. Такъ взамѣнъ полукафтановъ всѣмъ драгунскимъ полкамъ присвоенъ былъ двухбортный мундиръ съ пуговицами, сшитый въ талію, и съ выпушкой по лѣвому борту изъ цвѣтного сукна, въ Нижегородскомъ полку— малиноваго. Вмѣсто головного убора, прежнихъ барашковыхъ шапокъ, установлены обыкновенныя фуражки малиноваго цвѣта съ темнозеленымъ околышемъ, а въ парадной формѣ къ нимъ прикрѣплялся небольшихъ размѣровъ государственный гербъ. На рубахахъ нижнихъ чиновъ, замѣнявшихъ на Кавказѣ лѣтомъ мундиры, повелѣно имѣть пристегные погоны малиноваго сукна; а нѣсколько позднѣе эскадрону Его Величества присвоены, какъ на эполеты офицеровъ, такъ и на погоны нижнихъ чиновъ, поверхъ нумерной шифровки, императорскій вензель, металлическій, по цвѣту прибора.

Съ переходомъ полка въ Тифлисъ, достигнута была главная цѣль дислокаціи приблизить его къ нашимъ рубежамъ съ Персіей и Турціей; оставалось теперь только провѣрить, насколько полкъ способенъ къ быстрому движенію, на случай экстреннаго вызова его на границу. Съ этою цѣлью начальнику штаба Кавказскаго корпуса генералъ-маіору Маркову приказано было произвести полку 20-го января 1897 года внезапно пробную мобилизацію. Необходимо замѣтить, что при стоянкѣ въ Пятигорскѣ, полкъ по объявленіи мобилизаціи долженъ былъ выступить въ шестидневный срокъ; теперь же требовалось выступленіе полка въ 24 часа. Естественно, что полкъ, только что перешедшій на новыя квартиры, захваченъ былъ въ расплохъ. Онъ не успѣлъ еще разобраться и привести въ порядокъ обозы, цейхгаузы и склады; многія вещи, какъ напримѣръ пироксилинъ, оставались въ Пятигорскѣ;

другія—находились еще въ пути; сухарный запасъ былъ израсходованъ весь при переходѣ черезъ горы и еще не могъ быть пополненъ. Поэтому мобилизацію нельзя было назвать вполнѣ успѣшною; но всѣ недостатки ея были легко исправимы и то, что было на лицо, найдено Марковымъ въ превосходномъ видѣ. „Подводя итогъ произведенной мобилизаціи, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, комиссія пришла къ заключенію, что въ Нижегородскомъ полку имѣются всѣ данныя для того, чтобы въ будущемъ поставить мобилизацію полка на прочныхъ и твердыхъ основахъ". Смотръ закончился общимъ завтракомъ въ офицерскомъ собраніи. Поднимая заздравный бокалъ въ честь полка, Марковъ выразилъ увѣренность, что Нижегородцы во всякое время будутъ готовы выступить въ походъ, куда бы и зачѣмъ ихъ не послали. Въ заключеніе рѣчи онъ произнесъ экспромтомъ слѣдующее стихотвореніе:

Всегда отважны, вѣчно юны
Нижегородскіе драгуны!
Гордится ими весь Кавказъ,
Гордится конница у насъ,
Гордится ими Русь святая,—
И отъ Амура до Дуная,
Отъ карскихъ стѣнъ до карскихъ вратъ
О нихъ съ любовью говорятъ.
Ихъ крѣпко знаютъ на Сулакѣ
Равнины, горы, буераки,
Кипчакъ и памятный Чиръ-Юртъ;
Ихъ шашки помнятъ персъ и курдъ,
Черкесы, турки и лезгинцы,
Шапсуги, горцы, кабардинцы;
Ихъ помнитъ Черная Чечня
И окровавленная Асса;
А турки краснаго лампаса
Боялись больше чѣмъ огня.
Холмы, поля Башъ-Кадыкъ-Лара,
Бегли-Ахмедъ, Кюрюкъ-Дара—
Все это памятно ударомъ
Несокрушимаго полка;
Потомъ и Карсъ и Азаткей,
И Аладжа и Визинкей
Подъ ихъ атакою кровавой

Усугубили страхъ враговъ,
И тѣмъ на тысячу вѣковъ
Покрыли полкъ безсмертной славой.

Славна исторья полковая,
Какъ славный каждый новый бой;
Ея страницы пробѣгая,
Невольно съ каждою главой
Приходишь въ новые восторги,
Въ какой-то бѣшеный азартъ,—
И первой степени Георгій
Не даромъ носитъ ихъ штандартъ!
А сколько тамъ именъ чудесныхъ
Въ строкахъ исторьи полковой:
Два Чавчавадзе, всѣмъ извѣстныхъ,
И рыцарь чести Круковской,
Амилахвари самородный,
И Золотухинъ, и Петровъ,
И Шереметевъ благородный,
И князь Корсаковъ-Дундуковъ.
Какъ много храбрыхъ офицеровъ
Съ почетнѣйшимъ изъ всѣхъ крестовъ,
Какъ много славныхъ кавалеровъ
Изъ нижнихъ доблестныхъ чиновъ!
И крѣпко полкъ въ семью сплотился;
Не знаю я такой примѣръ,
Чтобъ изъ среды ихъ офицеръ
За недостойное судился.
Ну, словомъ, всякій старъ и младъ
Исторьи дали цѣнный вкладъ.

Въ самомъ же началѣ тифлисской стоянки, вскорѣ послѣ пробной мобилизаціи, полку пришлось проститься съ однимъ изъ своихъ выдающихся штабъ-офицеровъ его императорскимъ высочествомъ принцемъ Людовикомъ Наполеономъ. Пробывъ семь лѣтъ въ рядахъ Нижегородцевъ, сначала въ должности эскадроннаго командира, а затѣмъ помощника командира полка по хозяйственной части, онъ былъ назначенъ командиромъ Сѣверскаго полка, все еще расположеннаго тогда во Владикавказѣ ,,Съ грустью разставаясь нынѣ съ его император-

скимъ высочествомъ, писалъ Петровъ въ приказѣ по полку, я отъ имени всѣхъ Нижегородцевъ свидѣтельствую, что счастье совмѣстнаго съ нимъ служенія въ рядахъ полка, глубоко запечатлѣлось въ нашихъ сердцахъ".

5-го февраля 1897 года, для проводовъ принца, полкъ выстроился въ полномъ составѣ со штандартами противъ своихъ казармъ вдоль кахетинскаго шоссе. Принцъ прибылъ въ два съ половиною часа по полудни и, обходя эскадроны, прощался со всѣми офицерами и нижними чинами. Затѣмъ полкъ съ трубачами и пѣсенниками проводилъ его высочество вплоть до его квартиры. Во Владикавказѣ принцъ оставался однако не долго и былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Ея Величества полка, расположеннаго въ Петергофѣ.

Прошла зима. Въ Тифлисъ 13-го марта прибылъ новый командующій войсками генералъ-адъютантъ князь Голицынъ и встрѣченъ былъ Нижегородскимъ полкомъ на городской чертѣ, при самомъ въѣздѣ съ военно-грузинской дороги въ городъ; далѣе, по улицамъ до самаго Сіонскаго собора, расположены были шпалерами остальныя войска. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого командующій войсками, желая ближе ознакомиться со всѣми частями тифлисскаго гарнизона, вызвалъ ихъ по тревогѣ на Дигомское поле. Это было 28 апрѣля въ 6 часовъ утра. Отъ Навтлуга до Дигома будетъ верстъ десять,—и несмотря на то, нижегородцы прискакали первыми; остальныя войска собрались нѣсколько позже. Произведенъ былъ небольшой маневръ, и князь Голицынъ пожаловалъ Нижегородскому полку по чаркѣ водки. Спустя нѣсколько времени послѣ этого, князь Голицынъ внезапно пріѣхалъ въ полкъ одинъ, въ сопровожденіи только своего рейткнехта. Было шесть часовъ утра; въ казармахъ шла утренняя уборка; нѣкоторые эскадроны ушли на водопой, другіе возвращались съ водопоя и никто не ожидалъ пріѣзда командующаго войсками. Князь, между тѣмъ, вызвалъ дежурнаго трубача и приказалъ трубить тревогу. Не зная еще въ чемъ дѣло, эскадроны, бывшіе на водопоѣ, принеслись въ карьеръ, и ровно черезъ восемь минутъ полкъ уже стоялъ въ полной готовности, принялъ штандарты и ждалъ приказаній. Офицеровъ въ строю почти не было, да они и не поспѣли бы во время, если бы даже ихъ предупредили какимъ нибудь образомъ. Полковникъ Петровъ встрѣтилъ командующаго войсками съ рапортомъ. Полкъ никакимъ образомъ не

могъ быть предупрежденъ или подготовленъ къ тревогѣ; все произошло на глазахъ самаго князя Голицына, наблюдавшаго за сборомъ съ часами въ рукахъ. Быстрота, съ которою полкъ успѣлъ собраться, была по истинѣ изумительна. Командующій войсками выразилъ командиру полка особую благодарность, а нижнимъ чинамъ вторично пожаловалъ по чаркѣ водки.

Начался между тѣмъ періодъ травяного довольствія, далеко уже не такой изобильный, какъ въ Пятигорскѣ. Четыре эскадрона довольствовались полкомъ, а въ остальные два, по желанію ихъ командировъ, отпущены были деньги. Одинъ изъ этихъ эскадроновъ, третій, ротмистра Алтухова, снялъ поемные луга, около ста десятинъ, у Тифлисскаго жителя Шакро Мартирузова, близъ деревни Лило, всего въ верстахъ восьми отъ эскадронной казармы. Съ покосомъ надо было торопиться, такъ какъ трава въ здѣшнихъ мѣстахъ, послѣ періода дождей, выгораетъ чрезвычайно быстро, и эскадронъ могъ рисковать не собрать ничего. Поэтому Алтуховъ назначилъ отъ каждаго взвода по десяти человѣкъ умѣлыхъ, опытныхъ и вполнѣ благонадежныхъ косцовъ. Первая косовица прошла благополучно; но второй, 29 мая, суждено было окончиться страшною, небывалою еще въ лѣтописяхъ полка катастрофою. Въ этотъ день отправлено было изъ третьяго эскадрона на покосъ 34 человѣка на двухъ большихъ троечныхъ фургонахъ, подъ командою унтеръ-офицера Скоропудова. Косьбу окончили во время и команда разсчитывала вернуться въ полкъ еще до вечерней зари, но вышло не такъ, какъ предполагали.

Вечеромъ, 29 мая, надъ Тифлисомъ внезапно разразилась страшная буря, причинившая городу и населенію много вреда и убытковъ не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ. Передъ самымъ закатомъ солнца, послѣ чрезвычайно знойнаго дня, съ юго-запада вдругъ показалась свинцовая туча, которая быстро росла, ширилась и захватила весь небосклонъ. Хлынулъ небывалый ливень. Съ горъ понеслись по улицамъ цѣлыя рѣки, опрокидывая и унося за собою все, что попадалось на пути: много фаэтоновъ было изломано, много лошадей и скота, попавшихъ въ водоворотъ, было сбито напоромъ воды, и потомъ найдено мертвыми; нѣсколько человѣкъ унесены были въ Куру и тамъ погибли. Въ это-то самое время возвращалась съ косовицы команда Нижегородскаго полка.

НИЖЕГОРОДЦЫ ВЪ ТИФЛИСѢ.

Два троечные фургона ѣхали одинъ за другимъ; на переднемъ сидѣло пятнадцать драгунъ и въ томъ числѣ Скоропудовъ; на заднемъ девятнадцать человѣкъ и при нихъ вице-унтеръ-офицеръ Ситниковъ. Выѣхали они съ покоса еще засвѣтло, когда туча только что показалась, и ливень захватилъ ихъ на дорогѣ. Начало быстро темнѣть, и въ восемь часовъ вечера, несмотря на лѣтнее время, наступила уже темная ночь, освѣщаемая только сверканіемъ молніи, да блескомъ, стоявшихъ на дорогѣ лужъ. На переѣздѣ черезъ полотно желѣзной дороги, у шлагбаума, фургоны пропустили свободно и ни тамъ, ни встрѣтившіеся съ ними потомъ аробщики, никто не предупредилъ драгунъ, людей, въ этомъ краѣ новыхъ, о той опасности, которая могла ихъ встрѣтить, при переѣздѣ лощины пересѣкавшей кахетинскій трактъ. Нужно сказать, что вся эта мѣстность вообще имѣетъ характеръ овражистый и при томъ покатый, съ значительнымъ уклономъ отъ Авлабарскихъ горъ къ Курѣ. Черезъ одинъ изъ такихъ овраговъ перекинутъ желѣзнодорожный мостъ, а отъ него, для огражденія отъ порчи рельсоваго пути, когда при сильныхъ дождяхъ оврагъ наполняется водою, устроенъ каменный лотокъ, пересѣкающій кахетинское шоссе не вдалекѣ отъ Нижегородскихъ казармъ. Лотокъ этотъ выложенъ мѣстами плитнякомъ, а мѣстами булыжникомъ или тесаннымъ камнемъ и въ концѣ имѣетъ глубокій колодецъ, сообщающійся съ Курой. Для предохраненія людей и скота, колодецъ окруженъ каменнымъ парапетомъ и, кромѣ того, со стороны шоссе огражденъ еще желѣзными рельсами, поставленными вертикально.

Когда передній фургонъ спустился въ лотокъ, послѣдній уже былъ заполненъ водою, которая неслась съ такою быстротою, что напоромъ ея сразу оторванъ былъ задокъ у кузова фургона. Увидѣвъ опасность, рядовой Гуторинъ ударилъ по лошадямъ, и добрая тройка дружно вынесла фургонъ на шоссе. Предупредить заднихъ, чтобы они обождали, не ѣхали дальше, уже не было времени; они ѣхали тутъ-же вслѣдъ и едва спустились въ лотокъ, какъ съ горъ хлынули новыя волны, фургонъ опрокинуло и понесло къ колодцу; желѣзныя рельсы ограждавшія его, были сбиты, и фургонъ, перекинутый стремительнымъ потокомъ черезъ парапетъ, въ одну минуту исчезъ съ людьми и лошадьми. Все это случилось въ какихъ нибудь четырехстахъ саженяхъ отъ казармъ, когда уже были видны ихъ освѣщенныя окна.

Скоропудовъ со своими людьми бросился было къ колодцу, но тамъ, кромѣ бурлившей воды, ничего уже не было. Такъ погибло девятнадцать драгунъ *) и двѣ лошади; только одна пристяжная, оторвавшаяся какимъ-то образомъ отъ фургона, была спасена, но страшно искалѣчена камнями.

Не смотря на всѣ старанія и поиски, въ первое время найденъ былъ только одинъ трупъ, выброшенный потокомъ, около Мамуковской деревни. Потомъ найдено было еще девять труповъ, и всѣ они перенесены въ полковыя казармы. Торжественные похороны ихъ на Навтлугскомъ кладбищѣ состоялись 31-го мая, и, при отпѣваніи въ полковой церкви, присутствовали великій князь Николай Михаиловичъ, генералитетъ, губернскія власти и представители города. Всѣ десять гробовъ несли до самаго кладбища на рукахъ офицеры Нижегородскаго, Мингрельскаго и Тифлисскаго полковъ. На могилѣ погибшихъ иждивеніемъ полка поставленъ скромный памятникъ, а на самомъ мѣстѣ катастрофы, съ благословенія экзарха Грузіи, воздвигнутъ чугунный крестъ, огражденный такою же рѣшеткой. Впослѣдствіи найдены были еще четыре трупа, но они уже такъ разложились, что ихъ пришлось похоронить на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они были найдены.

Вѣсть о гибели девятнадцати Нижегородцевъ быстро разнеслась по городу и вызвала глубокое сочувствіе въ обществѣ. На другой же день одинъ изъ видныхъ представителей его, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, прислалъ въ редакцію газеты „Кавказъ“ сто рублей, въ пользу семействъ погибшихъ. Сообщая объ этомъ публикѣ, редакторъ Кавказа, прибавилъ слѣдующія теплыя строки: „Отъ всей души благодаримъ неизвѣстнаго жертвователя за добрый починъ; присоединяемъ свою лепту въ томъ же размѣрѣ и надѣемся, что наше общество дружно откликнется на этотъ призывъ. Кавказъ—неоплатный должникъ этого славнаго полка, который не можетъ не знать, что горе его—семейное горе цѣлаго края“. Собрано было всего 574 р. 60 коп., а къ этой суммѣ командующій войсками округа прибавилъ отъ себя еще 300 руб.

*) Вотъ списокъ нижнихъ чиновъ, погибшихъ 29-го мая: вице унтеръ-офицеръ Александръ Ситниковъ, рядовые: Иванъ Довгилисъ, Павелъ Дьяченко, Яковъ Яхневъ, Василій Евдокимовъ, Денисъ Бутовъ, Иванъ Хадыкинъ, Устинъ Казинецъ, Викторъ Журавлевъ и Павелъ Говоровъ. Вовсе не отысканы тѣла рядовыхъ: Антона Очимего, Трофима Сопова, Ивана Губарева, Евдокима Лень, Михаила Юхневича, Петра Антоненко, Ѳедора Поминова, Ѳедора Скорина и Михаила Ахтырскаго.

Такое же сочувствіе встрѣтили Нижегородцы со стороны своихъ боевыхъ товарищей.

„Узнавъ сейчасъ о несчастіи, постигшемъ дорогихъ кунаковъ, кабардинцы выражаютъ искреннее свое соболѣзнованіе по поводу случившагося".

„Только что узналъ о страшномъ случаѣ въ братскомъ полку— телеграфировалъ командиръ Сѣверскаго полка полковникъ Грязновъ: Прими и передай Нижегородцамъ мои самыя искреннія и глубоко сердечныя соболѣзнованія".

Была также телеграмма изъ Душета отъ туземной стрѣлковой дружины, еще такъ недавно дѣлившей хлѣбъ-соль съ Нижегородцами. Были и другія заявленія, показывавшія на сколько имя Нижегородскаго полка и его судьбы близки и дороги ихъ кавказскимъ товарищамъ.

Формальное слѣдствіе не прибавило ничего новаго къ тому, что нами разсказано. Оно установило только фактъ, что фургонъ, переѣзжая оврагъ съ большимъ уклономъ къ колодцу, при сильномъ напорѣ воды свободно могъ попасть въ колодецъ. Увѣчья и раны, оставшіяся на трупахъ, большею частью въ формѣ разбитыхъ головъ, ясно показываютъ, что люди могли погибнуть отъ ударовъ объ каменное дно, а потомъ черезъ трубу, по каменнымъ уступамъ выката, могли быть вынесены въ Куру". Прокурорскій надзоръ, найдя, что несчастный случай, имѣвшій мѣсто 29 мая, произошелъ исключительно отъ неожиданнаго и страшнаго ливня, а не былъ послѣдствіемъ какого либо упущенія со стороны начальствующихъ лицъ, постановилъ дальнѣйшее производство дѣла прекратить.

Послѣ травяного довольствія начались обычныя лѣтнія занятія. Спеціальный кавалерійскій сборъ назначенъ былъ въ этомъ году подъ Джелалъ-Оглы, куда полкъ выступилъ изъ Тифлиса 12-го іюля. Джелалъ-Оглы хорошо были знакомы нашимъ Нижегородцамъ, простоявшимъ въ нихъ три года послѣ послѣдней турецкой войны. Тамъ, упоенные славой минувшаго похода, они получили свои георгіевскіе штандарты первой степени, и тамъ пережили же скорбныя минуты при вѣсти о мученической смерти своего царя-благодѣтеля.

Самые Джелалъ-Оглы Нижегородцы нашли такими же, какими покинули ихъ 19 лѣтъ тому назадъ: тѣ же сумрачныя казармы, въ

которыхъ они провели три года, тотъ же Армянскій базаръ, отъ котораго идутъ широкія улицы, обстроенныя одноэтажными низенькими домиками русскихъ поселенцевъ; ту же армянскую часть города, раскинутую надъ самымъ обрывомъ, а въ ней тѣ же безпорядочныя, дымныя сакли, но только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ появились стеклянныя окна и деревянные полы —признаки начинающейся цивилизаціи.

Во время спеціальнаго сбора обычныя занятія прерваны были на нѣсколько дней внезапнымъ смотромъ помощника генералъ-инспектора кавалеріи генералъ-лейтенанта Тутолмина. Старый начальникъ кавказскихъ драгунъ прибылъ 29-го іюля и встрѣченъ былъ всѣми офицерами и эстандартъ юнкерами дивизіи. На другой день онъ смотрѣлъ каждый полкъ отдѣльно и затѣмъ бригадныя ученья съ тактическою цѣлью, а 31-го іюля—ученье дивизіи. Въ общемъ смотръ далъ прекрасные результаты: содержаніе лошадей было заботливое, втянутое и при горячихъ ученіяхъ лошади не давали мыла; всѣ построенія исполнялись быстро, отчетливо и правильно; замѣчаніе Тутолмина коснулось только не вполнѣ удовлетворительной постановки во всѣхъ полкахъ одиночнаго обученія. „Верховая ѣзда, доносилъ онъ великому князю, втиснута въ тѣсныя, узкія рамки смѣнной ѣзды и замѣчается чрезвычайная робость разнообразить ее; главное вниманіе поэтому обращается на равномѣрность въ исполненіи командъ и на дистанціи, а не на посадку и управленіе лошадью“.

Замѣчаніе это касалось впрочемъ не одной кавказской дивизіи, но и всѣхъ другихъ, осмотрѣнныхъ въ этомъ году Тутолминымъ. Другое замѣчаніе, и тоже общее, относилось къ тому, что при спеціальныхъ сборахъ обращалось слишкомъ много вниманія на строевую подготовку частей, въ ущербъ ихъ полевыхъ занятій.

„Могу себѣ объяснить это послѣднее обстоятельство, писалъ генералъ-инспекторъ въ своемъ приказѣ, тѣмъ, что начальники кавалерійскихъ частей были введены въ заблужденіе моими первыми смотрами, на которыхъ я обращалъ особенное вниманіе на строевую отчетливость эволюцій, а потому, въ ожиданіи смотровъ, больше всего занялись этимъ отдѣломъ. Считаю поэтому необходимымъ разъяснить, что строевая подготовка не должна исключить достиженія успѣха въ остальныхъ отрасляхъ обученія; строевая подготовка должна служить лишь средствомъ къ успѣшному достиженію боевого назначенія кон-

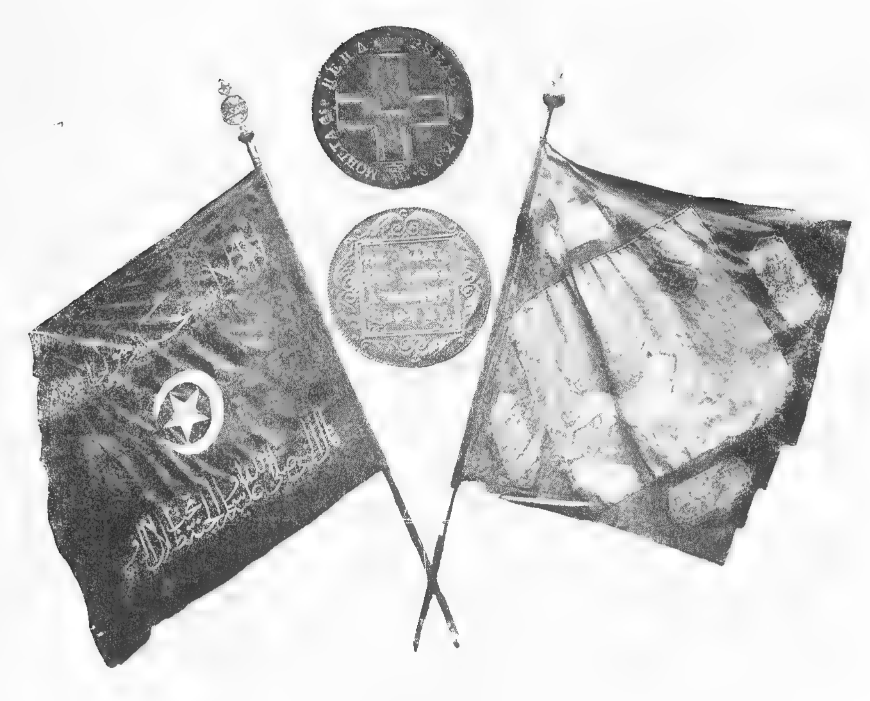
ницы вообще, а не должна быть поставлена цѣлью обученія. На это предлагаю обратить особое вниманіе при лѣтнихъ занятіяхъ и помнить, что боевая готовность конницы не терпитъ односторонняго увлеченія, а требуетъ распредѣленія и прохожденія различныхъ отдѣловъ, соотвѣтственно ихъ важности и значенія. Затѣмъ, на основаніи личнаго доклада моего помощника генерала Тутолмина, приношу начальнику кавказской кавалерійской дивизіи, бригаднымъ и полковымъ командирамъ и всѣмъ офицерамъ, мою душевную признательность, а молодцамъ, кавказскимъ драгунамъ, объявляю мое сердечное спасибо".

Джелалъ-оглинскій сборъ закончился призовою офицерскою ѣздою и скачками на призы военнаго министра. На ѣзду выѣхало по нѣсколько офицеровъ отъ каждаго полка, но призы получили только Нижегородцы. Первый призъ достался корнету князю Мхейдзе, а второй—штабсъ-ротмистру князю Ратіеву. На скачкахъ первый призъ и золотой жетонъ получилъ корнетъ Шмитъ, а третій присужденъ былъ корнету Рудневу.

22-го августа полкъ возвратился въ Тифлисъ и поступилъ въ общій сборъ войскъ, закончившійся большимъ трехдневнымъ маневромъ. Памятнымъ эпизодомъ этого сбора остался товарищескій обѣдъ, который грузинцы и эриванцы, не участвовавшіе въ минувшемъ году, при встрѣчѣ Нижегородцевъ въ Тифлисѣ, устроили имъ теперь въ загородномъ саду „Фантазія". Нижегородцы отвѣтили тѣмъ же, а затѣмъ особый обѣдъ устроенъ былъ полкомъ въ честь великаго князя Николая Михаиловича, какъ начальника кавказской гренадерской дивизіи, съ которой нижегородцы давно уже побратались на поляхъ и Персіи и Азіатской Турціи.

Другимъ памятнымъ эпизодомъ было посѣщеніе полка двумя офицерами германской арміи и военнымъ агентомъ Японіи, артиллеріи подполковникомъ Учіяма. Всѣ они хотѣли видѣть маневры, но это не было разрѣшено, и посѣщеніе ихъ окончилось только осмотромъ нижегородскихъ казармъ и офицерскаго собранія, а затѣмъ такимъ гомерическимъ пиршествомъ, устроенномъ въ старо-кавказскомъ духѣ и стилѣ, какого наши гости на своей родинѣ, разумѣется, никогда не видѣли. Думали ли тогда Нижегородцы, подымая свою азарпешу въ честь японскаго агента, что пройдетъ лишь нѣсколько лѣтъ и этотъ самый Учіяма явится нашимъ врагомъ въ кровавыхъ бояхъ на Даль-

немъ Востокѣ, и что представителямъ Нижегородскаго полка, добровольно ставшимъ подъ знамена манджурской арміи, быть можетъ придется встрѣтиться съ нимъ уже не за дружеской брашней, при звукахъ заздравныхъ чашъ, трубъ и пѣсенъ, а на смертномъ полѣ, при иной музыкѣ и при иныхъ уже пѣсняхъ.



V.

ТИФЛИССКАЯ СТОЯНКА ПОЛКА.

Проводы 2-го эскадрона, назначеннаго въ составъ вновь формируемаго Ново-Миргородскаго полка.—Полковой праздникъ 27-го ноября 1897 года. Молебствіе по случаю чуда, совершеннаго въ Курскѣ иконою Знаменія Божіей Матери, и связь этого событія съ исторіей полкового образа.—Внутренняя жизнь полка: трагическая смерть корнета Руднева; недоразумѣніе, возникшее при оцѣнкѣ строевой подготовки полка; проводы бригаднаго командира генерала Козловскаго.—Походъ въ Царскіе Колодцы.—Воспоминаніе о прошломъ.—Лагерная жизнь.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, никто не помышлялъ еще о возможности какихъ либо осложненій на Дальнемъ Востокѣ. Тамъ было все тихо, спокойно и, казалось, что этой тишинѣ и этому спокойствію, недвижнаго Китая, не будетъ конца. Еще менѣе думали тогда о маленькой Японіи. Все наше вниманіе устремлено было на западъ, и мы усиливали на тамошней границѣ войска, осо-

бенно кавалерію. Въ минувшемъ году сформированы были два новые драгунскіе полка: Черниговскій и Нѣжинскій; а въ 1897 году предположено было сформировать Ново-Архангельскій и Ново-Миргородскій. Для образованія послѣдняго рѣшено было отдѣлить по эскадрону отъ шести полковъ: С.-Петербургскаго, Смоленскаго, Бугскаго, Изюмскаго, Украинскаго и, наконецъ, отъ Нижегородскаго. Такимъ образомъ, старый кавказскій полкъ долженъ былъ также выдѣлить изъ своей среды надежный кадръ, для сформированія новаго кавалерійскаго полка.

Извѣстіе объ этомъ получено было еще во время общаго сбора, и тогда же потребованы были въ главный штабъ списки поэскадронно офицерамъ и нижнимъ чинамъ, а также опись лошадямъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ назначенія одного изъ эскадроновъ, никакихъ переводовъ и ни подъ какимъ предлогомъ изъ него не допускалось. Всѣ съ затаеннымъ трепетомъ ожидали, кому-то выпадетъ жребій покинуть родной Нижегородскій полкъ, проститься съ его историческими штандартами, снять золотыя петлицы — памятники Кюрюкъ-Дара — и промѣнять свою завѣтную шашку на шашку въ простой мѣдной оправѣ драгунскаго образца. Всѣ эти предметы въ понятіяхъ каждаго Нижегородца были священны, и разставаться съ ними было тяжело.

Жребій палъ на долю второго эскадрона, ротмистра Годжіева.

„Второй эскадронъ ввѣреннаго мнѣ полка, писалъ полковникъ Петровъ въ приказѣ по полку отъ 16-го сентября, назначенъ на сформированіе новаго 54-го Ново-Миргородскаго драгунскаго полка. Тяжело, грустно намъ разстаться, но такова служебная необходимость, къ которой мы, проникнутые сознаніемъ долга, отнесемся безропотно, сохраняя въ сердцахъ нашихъ взаимную, искреннюю, сердечную, братскую дружбу, завѣщанную намъ памятью нашихъ дѣдовъ и отцовъ.

Надѣюсь, что чины второго эскадрона, вливаясь въ среду Ново-Миргородскаго полка, останутся тѣми же достойными Нижегородцами и свято сохранятъ принятую ими подъ нашими штандартами присягу быть вѣрными защитниками престола и родины. Да будетъ же имя ваше, второй эскадронъ, гремѣть далеко за предѣлами Кавказа на радость и гордость Нижегородскаго полка. Считаю обязанностью выразить мою сердечную благодарность ротмистру Годжіеву за его примѣрную 16-ти-лѣтнюю службу въ Нижегородскомъ полку и смѣло могу сказать, что въ лицѣ его полкъ лишается одного изъ выда-

ющихся своихъ эскадронныхъ командировъ. Благодарю всѣхъ г. г. офицеровъ второго эскадрона, а нижнимъ чинамъ объявляю сердечное спасибо за службу въ Нижегородскомъ полку и жалую по чаркѣ водки".

Второй эскадронъ приготовленъ былъ къ походу въ составѣ пяти офицеровъ: командиръ эскадрона ротмистръ Годжіевъ, штабсъ-ротмистръ фонъ-Братке *) и корнеты князь Чегодаевъ, князь Мхейдзе и Фидлеръ; изъ нижнихъ чиновъ: одинъ старшій вахмистръ, 12 унтеръ-офицеровъ, три трубача и 120 конныхъ рядовыхъ по полному 15-тирядному составу; строевыхъ лошадей назначено было 129. Кромѣ того, при эскадронѣ состояли квартирмейстеръ, одинъ унтеръ-офицеръ и 20 рядовыхъ пѣшихъ и семь нестроевыхъ **).

17-го сентября вынесены были полковые штандарты, и второй эскадронъ простился съ ними уже навсегда. Въ тотъ же день утромъ состоялся прощальный обѣдъ уходящимъ нижнимъ чинамъ, а въ 7 часовъ вечера обѣдъ офицерамъ въ полковомъ собраніи. Поднимая прощальную азарпешу, штабсъ-ротмистръ Бербасовъ сказалъ прекрасное и глубоко-прочувствованное стихотвореніе:

Не жаркій бой отнялъ у насъ
Шестую часть полка;
То въ мирный день пришелъ приказъ,
Пришелъ изъ далека.
Растетъ отчизна съ каждымъ днемъ,
Съ ней вмѣстѣ крѣпнетъ рать;
Ей надо пулей и конемъ
Покой оберегать.
Собрались быстро въ дальній путь
Сто сорокъ удальцовъ,
Чтобы къ товарищамъ примкнуть
У западныхъ краевъ.
Всѣ молодцы, какъ на подборъ —
Друзья однѣхъ примѣтъ:

*) Фонъ-Братке разжалованъ былъ въ 1896 году изъ штабсъ рортмистра Бѣлогородскаго драгунскаго полка въ рядовые, съ назначеніемъ въ Нижегородскій полкъ, а въ 1897 году по высочайшему повелѣнію ему возвращенъ прежній штабсъ-ротмистрскій чинъ, съ оставленіемъ на службѣ въ Нижегородскомъ полку.

**) Изъ числа нестроевыхъ были: писарь, фельдшеръ, ветеринарный ученикъ, кузнецъ, шорникъ, портной и обозный.

Могучій духъ, орлиный взоръ,
И на устахъ — привѣтъ.
Тоскуетъ полкъ — тяжелъ нарядъ,
Суровъ такой удѣлъ...
До смерти жаль своихъ ребятъ,
Что дѣлать: — Царь велѣлъ.
Нижегородцу все равно,
Гдѣ правдой ни служить;
Въ немъ завѣщаніе одно
Во вѣки будетъ жить.
Съ нимъ будетъ жить въ иномъ краю
Священный честный долгъ;
Онъ будетъ чтить, какъ мать свою,
Родимый старый полкъ.
Въ своей душѣ, въ умѣ, въ крови,
На шашкѣ боевой
Онъ сохранитъ печать любви
Ко славѣ полковой.
И если онъ въ тревожный часъ
Пойдетъ на бранный пиръ,
То не забудетъ про Кавказъ,
Гдѣ силой созданъ миръ
И полный кубокъ за Царя,
За насъ, — нашъ дальній братъ, —
Двадцать седьмого ноября
Подыметъ много кратъ.

Такъ, пышное дерево, расцвѣтшее цвѣтами яркой славы въ бояхъ Кавказа, дало теперь отъ себя новую поросль. Дай Богъ расти и процвѣтать этому молодому отпрыску и внести съ собою въ новую часть славныя традиціи полка, своего родоначальника.

19-го сентября второй эскадронъ выступилъ изъ Тифлиса въ городъ Коло Калишской губерніи гдѣ формировались Новомиргородцы, и полкъ проводилъ его, подъ звуки полкового марша, до Бѣлаго духана.

1-го октября эскадронъ прошелъ мимо своей старой стоянки Пятигорска, и, несмотря на ранній часъ утра, былъ встрѣченъ на станціи Минеральныхъ водъ всѣми офицерами Осетинскаго дивизіона. Это былъ послѣдній прощальный привѣтъ ему отъ Сѣвернаго Кавказа.

На мѣсто ушедшаго сформированъ былъ въ полку новый второй

эскадронъ, для образованія котораго отдѣлено было отъ прочихъ эскадроновъ необходимое число людей и лошадей; происшедшій же отъ того общій некомплектъ въ полку пополненъ былъ переводомъ 116-ти нижнихъ чиновъ и 86-ти лошадей, поровну отъ полковъ Сѣверскаго и Тверского; кромѣ того въ дополнительный ремонтъ этого года назначено было еще 129 лошадей изъ кавалерійскихъ кадровъ и государственнаго коннозаводства, которыя и предназначались, для приведенія строевыхъ лошадей Нижегородскаго полка до полнаго штата. Командиромъ новаго 2-го эскадрона назначенъ былъ штабсъ-ротмистръ Де-Шмиденъ-Ковальскій.

Едва проводили эскадронъ, ушедшій въ далекій путь, какъ пришлось встрѣчать сѣверцевъ, проходившихъ черезъ Тифлисъ на свои новыя квартиры въ Александрополь. Сѣверцы провели въ Нижегородскомъ полку три дня, среди радушныхъ братскихъ угощеній, и 26-го сентября двинулись дальше къ берегамъ Арпачая.

1897 годъ закончился въ полку двумя обычными празднествами: 13-го октября полкъ чествовалъ день рожденія великаго князя Михаила Николаевича и удостоился получить отъ него слѣдующую телеграмму:

„Отъ души благодарю любимыхъ и доблестныхъ однополчанъ за доброе пожеланіе и поздравленіе. Жалѣю, что давно васъ не видѣлъ. Михаилъ“.

Затѣмъ 27 ноября былъ полковой праздникъ. Это былъ праздникъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Въ минувшемъ году Нижегородскій полкъ, только что прибывшій съ похода, не могъ отблагодарить хлѣбомъ и солью тифлисское общество за радушную сердечную встрѣчу и отложилъ это до будущаго года. Теперь приглашены были всѣ войсковыя части, всѣ представители администраціи и городского управленія, редакторы газетъ, почетнѣйшія лица Тифлиса. Много съѣхалось гостей привѣтствовать въ этотъ день Нижегородцевъ. Праздникъ, какъ всегда, начался молитвою. Величаво стояли Нижегородскіе штандарты у самаго аналоя; тихо, едва колеблемыя вѣтромъ, качались ихъ широкія георгіевскія ленты, заканчивавшіяся внизу массивными бѣлыми крестами и золотыми георгіевскими звѣздами; широкимъ полукружіемъ расположились возлѣ нихъ семнадцать серебряныхъ трубъ, обвитыхъ такими же георгіевскими лентами. И взоры

присутствующихъ невольно останавливались на этихъ регаліяхъ, нѣмыхъ свидѣтелей боевыхъ заслугъ Нижегородцевъ. Полковой священникъ, отецъ Евфимій, произнесъ передъ молебствіемъ краткое слово, приковавшее къ себѣ вниманіе слушателей. Онъ говорилъ о томъ, какое значеніе имѣетъ для полка икона Знаменія Божіей Матери, чествуемая полкомъ въ день его полкового праздника Онъ говорилъ о чудесахъ, совершаемыхъ этою иконою, и о дивномъ спасеніи ею великаго Новогорода въ смутное время братоубійственныхъ войнъ и междуусобицъ. И если вспомнить, что Новгородъ былъ колыбелью Нижегородскаго полка, что эта икона, одаренная чудотворною силой ею-же „дивную побѣду даровала еси", какъ говоритъ церковная пѣсня, сопровождала полкъ съ первыхъ шаговъ его боевого поприща, то невольно приходитъ мысль и о незримомъ покровительствѣ Божіей Матери въ бояхъ и нашему полку, чествующему ея святую икону. Такова была тема, взятая почтеннымъ духовникомъ Нижегородцевъ.

Послѣ молебствія парадъ принималъ генералъ-отъ-кавалеріи князь Захарій Чавчавадзе, а другой ветеранъ, тоже генералъ-отъ-кавалеріи, князь Амилахвари проходилъ на правомъ флангѣ полка. Тутъ же передъ фронтомъ прочитана была царская телеграмма:

„Поздравляю отъ души Моихъ дорогихъ Нижегородцевъ съ полковымъ праздникомъ и пью за здоровье полка. Николай".

Великій князь Михаилъ Николаевичъ также привѣтствовалъ полкъ телеграммой.

„Искреннее спасибо славнымъ Нижегородцамъ. Поздравляю дорогихъ однополчанъ съ нашимъ полковымъ праздникомъ. Буду угощать товарищей у себя. Михаилъ".

Были телеграммы и отъ другихъ высочайшихъ особъ: отъ наслѣдника цесаревича, отъ генералъ-инспектора кавалеріи, отъ великихъ князей Николая и Георгія Михаиловичей. Послѣ чтенія телеграммъ начались тосты за здравія Государя Императора, за августѣйшаго однополчанина великаго князя Михаила Николаевича, за высочайшихъ особъ, почтившихъ полкъ своими поздравленіями, за всѣхъ начальниковъ, за доблестный Нижегородскій полкъ и за маститыхъ князей Чавчавадзе и Амилахвари.

Когда все, что входило въ программу военнаго празднества, было

окончено, и эскадроны разошлись по своимъ казармамъ, присутствующіе перешли въ полковое собраніе, гдѣ снова читались телеграммы отъ частныхъ и офиціальныхъ лицъ, отъ цѣлыхъ полковъ и учрежденій, отъ боевыхъ кунаковъ, отъ старыхъ однополчанъ. А одна телеграмма была даже съ самой далекой русской окраины, съ восточной Сибири, отъ одного изъ его линейныхъ баталіоновъ, телеграмма, заслуживающая вниманія, какъ отголосокъ той громкой славы, которая пронеслась о Нижегородцахъ по всему лицу великой русской земли. Обѣденный столъ уже былъ готовъ, роскошно сервированный завѣтнымъ полковымъ серебромъ, гдѣ каждая вещь имѣла свое историческое значеніе. Но какъ ни хороши и ни дороги были всѣ эти памятники минувшихъ дѣяній Нижегородцевъ, самымъ лучшимъ и дорогимъ украшеніемъ стола все же служила та задушевность, то традиціонное радушіе, которое гости видѣли со стороны своихъ хозяевъ Нижегородцевъ.

Военные кавказскіе обѣды имѣютъ ту характерную особенность, что по какому бы поводу они не состоялись - всегда пробуждаютъ отрадныя сердцу боевыя воспоминанія. Ходитъ азарпеша вокругъ пирующихъ, какъ планета, разливающая вокругъ себя свѣтъ и теплоту, а вмѣстѣ съ нею идутъ живые разсказы и передаются славныя полковыя преданія. Такъ было всегда, такъ было и въ настоящемъ случаѣ. И рѣчи и тосты, смѣнявшіеся одни другими, не умолкали. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ нѣсколько словъ о великомъ значеніи для полка тѣхъ историческихъ памятниковъ, которые окружаютъ его въ самомъ Тифлисѣ, и указалъ на кавказскій военно-историческій музей, гдѣ среди персидскихъ знаменъ, осѣняющихъ входъ въ картинную галлерею, есть и знамена, добытыя кровью Нижегородцевъ. Вспомнили затѣмъ знаменитый кавалерійскій бой подъ Ачхоемъ, и подвиги Нижегородцевъ въ минувшую турецкую войну: говорили о Бегли-Ахметѣ, два главные участника котораго, полковники Кусовъ и Керимъ бекъ Наврузовъ, находились тутъ же на обѣдѣ; вспомнили, какъ Нижегородцы на коняхъ взяли рядъ визинкевскихъ укрѣпленій, передавались разсказы о безумно-смѣлой атакѣ 3-го эскадрона маіора Витте, о Гассанъ-Кала, гдѣ палъ доблестный командиръ перваго эскадрона Тетютскій, о Халиль-чаушскомъ дѣлѣ Карангозова.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ разсказовъ, поднялся

съ бокаломъ въ рукѣ редакторъ газеты „Кавказъ“ В. Л. Величко и произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Души завѣтнѣйшія струны
Священнымъ трепетомъ полны,
При видѣ васъ, цари войны —
Нижегородскіе драгуны.
Вы налетали, какъ буруны
Летятъ на вражьи берега,
Вы — слава друга и врага
Нижегородскіе драгуны.
Пускай гремятъ, гремятъ перуны,
И пѣснь летитъ подъ небеса:
Вы русской арміи краса
Нижегородскіе драгуны.

Много переживалось хорошихъ минутъ среди этихъ воспоминаній, и трогательна была картина, когда въ обѣденную залу вошли сѣдые вахмистры, чтобы отъ имени всѣхъ нижнихъ чиновъ благодарить и привѣтствовать гостей, посѣтившихъ ихъ полковой праздникъ.

Послѣ обѣда время въ дружной семьѣ Нижегородцевъ стало еще оживленнѣе. Пошелъ пиръ на весь міръ. Гремѣли трубачи, пѣли пѣсенники, плясали драгуны. И какія чудныя пѣсни пѣли Нижегородцы! Въ большинствѣ эти пѣсни сложены извѣстнымъ ветераномъ Нижегородцемъ В. А. Петровымъ (отцомъ нынѣшняго командира), потомъ Протопоповымъ и, наконецъ, молодымъ Нижегородскимъ поэтомъ Бербасовымъ. Это цѣлый циклъ пѣсенъ, и полкъ бережетъ ихъ, какъ лучшее воспоминаніе всего пережитаго. Онѣ такъ характерны, что, слушая ихъ, видишь передъ собою всю боевую и бытовую стороны жизни Нижегородцевъ. Поздно разъѣхались гости, унося съ собою самыя сердечныя воспоминанія о праздникѣ, данномъ драгунами.

Годъ закончился новымъ даромъ великаго князя Михаила Николаевича, пожаловавшаго полку свой большой фотографическій портретъ, изображающій его высочество на конѣ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ и бѣлой барашковой папахѣ. Подъ портретомъ собственноручная подпись: „Михаилъ 1897 г.“. Этотъ драгоцѣнный даръ нынѣ украшаетъ собою полковое офицерское собраніе.

Наступилъ новый 1898 годъ—годъ начавшійся необычайнымъ событіемъ, выходящимъ изъ ряду нашихъ обыденныхъ, будничныхъ интересовъ. Еще рѣчь полкового священника, произнесенная имъ 27-го ноября о великомъ историческомъ значеніи чудотворныхъ иконъ въ православной Россіи, была у всѣхъ въ памяти, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе о новомъ чудѣ, явленномъ въ Курскѣ тою же иконою Знаменія Божіей Матери, которую споконъ вѣковъ чествуютъ Нижегородцы.

Такъ какъ событіе это имѣетъ непосредственную связь съ полковымъ образомъ Нижегородскаго полка, который есть только точный снимокъ съ Курской иконы, то небезъинтересно будетъ сообщить о ней нѣкоторыя историческія свѣдѣнія. За 600 лѣтъ до нашего времени, именно въ 1295 году, когда удѣльная Русь была обуреваема внутренними смутами и княжескими усобицами, икона эта была обрѣтена лежащею на корнѣ стараго дерева, и потому получила въ народѣ названіе „Коренной". По имени этой иконы стали называть Коренной и ярмарку подъ Курскомъ, до послѣднихъ временъ игравшую для центральной Россіи такую же значительную роль, какъ для Поволжья—Макарьевская.

Извѣстность этой иконы въ народѣ была такъ велика, что даже Димитрій самозванецъ, желая привлечь къ себѣ православныхъ, велѣлъ перенесть ее въ свой станъ и вмѣстѣ съ нею вошелъ въ Москву. Затѣмъ, какъ извѣстно, наступило на Руси „Лихолѣтіе", явился второй самозванецъ, и Курскъ былъ обложенъ поляками. Городъ доведенъ былъ до крайности, но куряне не падали духомъ и искали спасенія въ молитвѣ. И вотъ, воочію всѣхъ, надъ стѣнами осажденной крѣпости, явилась Богоматерь съ лучезарною иконой въ рукѣ и осѣнила ею городъ. Жители тогда же дали обѣтъ, если Господь поможетъ имъ отстоять родную землю, воздвигнуть монастырь въ честь Пресвятой Богородицы. Осада дѣйствительно была снята, монастырь возникъ и чудотворная икона повелѣніемъ царя Михаила Θедоровича перенесена изъ Москвы обратно въ Курскъ. Тогда же престольный праздникъ въ честь ея установленъ монастыремъ 27-го ноября, въ одинъ день съ Нижегородцами. Когда царь Петръ Алексѣевичъ началъ войну со шведами, онъ приказалъ снять копію съ чудотворной Курской иконы и всегда имѣть ее при войскахъ во время

походовъ. Кто знаетъ, не отсюда ли получилъ начало праздникъ Нижегородскаго полка въ день Знаменія Божіей Матери, такъ какъ полкъ формировался тогда въ Новогородѣ, одинаково съ Курскомъ, чтившемъ эту святую икону. Такой же снимокъ отправленъ былъ впослѣдствіи, во время отечественной войны, въ русскую армію, по требованію князя Кутузова.

Подробности событія, совершившагося въ Курскѣ, телеграммы передавали слѣдующимъ образомъ: „Какой то неизвѣстный святотатецъ, въ безумной злобѣ рѣшившійся на тяжкое оскорбленіе народной святыни, незамѣтно подложилъ подъ сѣнь ея значительное количество пороха, и, въ два часа ночи, 8-го марта, весь городъ разбуженъ былъ громомъ оглушительнаго взрыва. Всѣ бросились къ монастырскому храму и были поражены потрясающимъ зрѣлищемъ: вся стѣна, возлѣ которой стояла икона, сѣнь, покрывающая ее, чугунныя ступени, рѣшетка—все было разрушено взрывомъ, и только среди груды обломковъ и развалинъ стояла неповрежденною одна святая икона. Народъ въ благоговѣйномъ ужасѣ упалъ передъ нею ницъ и возблагодарилъ Богоматерь, оградившую чудесной силой Свое изображеніе. Слушая это извѣстіе, вспоминая историческія событія и сопоставляя ихъ съ чудеснымъ спасеніемъ Новгорода тою же иконой, Нижегородцы были потрясены и возмущены до глубины души святотатственнымъ преступленіемъ, выходившимъ по своей чрезвычайности изъ ряда самыхъ тяжкихъ преступленій. Изъ всей русской арміи одни Нижегородцы празднуютъ день Знаменія Божіей Матери, а потому впечатлѣнія и скорбь здѣсь были острѣе и глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Явное покровительство Богоматери, не допустившей до истребленія завѣтной русской святыни вызвало умиленіе во всѣхъ вѣрующихъ сердцахъ, и 20 марта, на другой день по полученіи извѣстія, въ церкви Нижегородскаго полка отслужена была божественная литургія, а затѣмъ передъ полковымъ образомъ совершенъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ.

Въ этомъ же году, 5-го апрѣля, въ первый день Свѣтлаго праздника, полкъ былъ потрясенъ новымъ извѣстіемъ о внезапной смерти корнета Руднева, лишившаго себя жизни въ собственной своей квартирѣ. Онъ жилъ въ казармахъ въ офицерскомъ флигелѣ, занимая помѣщеніе вмѣстѣ съ штабсъ-ротмистромъ Баевымъ и корнетомъ ба-

рономъ Мейндорфомъ. Баевъ въ это время находился въ отпуску заграницей; барона Мейндорфа не было дома, и потому никто не могъ разъяснить обстоятельствъ, предшествовавшихъ его роковому рѣшенію. Вѣстовые, находившіеся въ офицерскомъ флигелѣ, показали только, что корнетъ весь день находился въ какомъ то особенно нервномъ и возбужденномъ состояніи. Проходя въ пятомъ часу пополудни мимо его комнаты, одинъ изъ нихъ услышалъ страшный хрипъ и, пріотворивъ дверь, увидѣлъ корнета, лежащаго на полу и залитаго кровью. Испуганный вѣстовой тотчасъ далъ знать объ этомъ дежурному по полку, корнету Шмиту. Собравшіеся офицеры застали Руднева еще въ предсмертной агоніи: тотчасъ распорядились послать за докторомъ, но прибывшій врачъ константировалъ только смерть. Похороны его, со всею подобающею военною почестью, состоялись на пасхальной недѣлѣ, когда торжественный перезвонъ и гулъ церковныхъ колоколовъ такъ не гармонировалъ съ мрачными тонами погребальнаго марша. Офицеры проводили гробъ на Навтлугское кладбище, гдѣ скромный памятникъ и понынѣ указываетъ его одинокую, но незабытую могилу.

За семейнымъ горемъ послѣдовало вскорѣ другое горе, уже служебное, опечалившее всѣхъ суровымъ приговоромъ, произнесеннымъ августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ кавалеріи надъ кавказскою кавалерійскою дивизіею. Великій князь писалъ что изъ отчетовъ начальниковъ дивизій онъ усмотрѣлъ, что не вездѣ правильно поняты его указанія для провѣрки строевыхъ офицеровъ въ искусствѣ верховой ѣзды и въ скачкахъ съ препятствіями. Но въ кавказской кавалерійской дивизіи, прибавлялъ великій князь, они не поняты совершенно и провѣрка исполнена по собственному плану и усмотрѣнію.

Болѣе всѣхъ отзывъ этотъ удивилъ самого начальника дивизіи генерала Ивашкина, который, не отступая ни на шагъ отъ требованій августѣйшаго руководителя, самъ провѣрялъ ѣзду офицеровъ и слѣдилъ за всѣми приготовленіями къ скачкамъ. Дѣло однако вскорѣ разъяснилось тѣмъ, что, въ отсутствіе генерала Ивашкина, начальникъ штаба дивизіи представилъ отчетъ, очевидно составленный наскоро, гдѣ свѣдѣнія изложены были не только съ значительными пропусками, но и совершенно не согласныя съ дѣйствительностью; даже дистанція для скачекъ показана была только въ двѣ версты, тогда какъ она производилась на трехверстномъ разстояніи съ

препятствіями, о которыхъ въ отчетѣ вовсе не было упомянуто. Великій князь имѣлъ полное основаніе приписать кавказскимъ полкамъ самовольное отступленіе отъ установленныхъ правилъ, но тѣмъ пріятнѣе было для обѣихъ сторонъ, когда случайное недоразумѣніе, наконецъ, разъяснилось.

Передъ самымъ полковымъ кампаментомъ полку пришлось разстаться со своимъ бригаднымъ командиромъ генералъ-маіоромъ Козловскимъ, получившимъ 19 мая въ командованіе первую отдѣльную кавалерійскую бригаду *). На мѣсто его назначенъ былъ генералъ-маіоръ Голощаповъ, командовавшій до того Бѣлорусскимъ драгунскимъ полкомъ. Обладая отличнымъ служебнымъ тактомъ, привѣтливостью къ подчиненнымъ и ровнымъ характеромъ, Павелъ Александровичъ Козловскій заслужилъ общую любовь и уваженіе бригады. Проводы были теплые и задушевные. Нижегородцы поднесли ему художественной работы серебряную икону Знаменія Божіей Матери, какъ память и благословеніе полка. Вотъ что отвѣчалъ на это Козловскій, прибавляя своимъ письмомъ лишнюю черточку къ характеристикѣ Нижегородскаго полка.

„Сегодня, писалъ онъ, я испыталъ величайшую радость, получивъ икону, какъ благословеніе полка всегда дорогихъ и близкихъ моему сердцу Нижегородцевъ. Не нахожу словъ высказать, какъ глубоко цѣню, какъ дорого мнѣ и семьѣ моей выраженное намъ вниманіе. Куда бы судьба не закинула насъ, славная добрая семья горячо любимыхъ Нижегородцевъ будетъ близка намъ, будетъ жить въ нашихъ сердцахъ. Глубоко вѣрую, что благословеніе чудной семьи доблестнѣйшихъ Нижегородцевъ принесетъ намъ счастіе Еще разъ прошу всю дорогую, незабвенную Нижегородскую семью принять нашу искреннюю душевную благодарность за все вниманіе, которымъ мы такъ широко пользовались во время моей службы съ нею“.

За лѣтнимъ кампаментомъ послѣдовалъ спеціальный кавалерійскій сборъ въ Царскихъ Колодцахъ, куда Нижегородцы прибыли 22 іюля. Никого изъ старыхъ магиканъ, о которыхъ передавали полковыя преданія, они уже не застали. Стоялъ по прежнему памятникъ

*) Генералъ-маіоръ Козловскій назначенъ былъ командиромъ бригады изъ командировъ Ямбургскаго полка и вступилъ въ командованіе ею лѣтомъ 1896 года, вмѣсто генералъ-маіора Ермолина, назначеннаго состоять въ распоряженіи командующаго войсками округа.

на полях Карагача, бѣлѣла въ углу церковной ограды часовня Маріи Дегужи, но другой дочери полка, Сатанаисы, впослѣдствіи Екатерины Григорьевны Нечволодовой, имѣвшей въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія такое громадное вліяніе на весь общественный складъ полковой жизни, уже не было на свѣтѣ: она покоилась на общемъ кладбищѣ рядомъ со своимъ мужемъ, старымъ Суворовскимъ ветераномъ. Самые Царскіе Колодцы давно уже утратили типичныя черты старыхъ Кавказскихъ штабъ-квартиръ, но дорогіе образы не меркнутъ въ памяти Нижегородцевъ: надъ ними безсильны и время и самыя могилы.

Къ занятіямъ приступили 24-го іюля и кончили ихъ 28-го августа. Призовая ѣзда и скачки съ препятствіями произведены были 14 августа подъ личнымъ наблюденіемъ начальника дивизіи, и побѣдителями на этихъ состязаніяхъ явились опять Нижегородцы. Первый призъ за ѣзду получилъ ротмистръ Ягминъ; второй—корнетъ Таучеловъ.

На скачкѣ первый призъ въ 900 рубл. и золотой жетонъ взялъ корнетъ Кубатіевъ, а второй въ 500 руб. достался корнету Таучелову. Въ этомъ же году императорскій призъ за стрѣльбу получилъ штабсъ-ротмистръ Де-Шмиденъ-Ковальскій.

Занятія, строго исполнявшіяся по расписанію, прерваны были однако на три дня по случаю празднованія столѣтняго юбилея Тверскимъ драгунскимъ полкомъ, въ которомъ приняли горячее участіе и Нижегородцы и Сѣверцы, впервые побратавшіеся съ Тверцами на кровавомъ кюрюкъ-даринскомъ полѣ, гдѣ много-много легло и Тверцовъ и Нижегородцевъ.

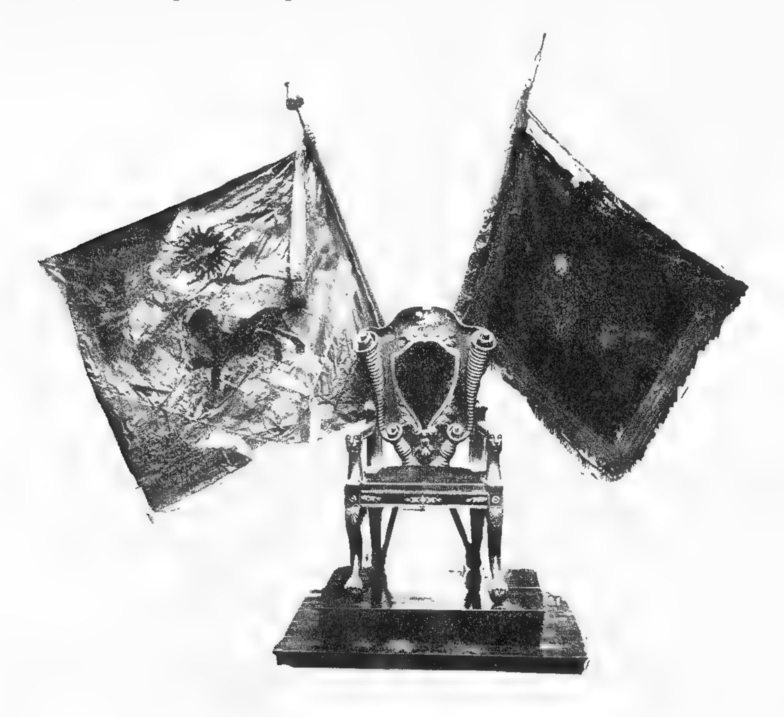
Накануне, 19-го августа, совершенъ былъ обрядъ прибивки новаго полкового штандарта, при чемъ присутствовали депутаціи отъ многихъ кавказскихъ полковъ, прибывшія изъ далека, а отъ Нижегородцевъ и Сѣверцевъ ихъ полковые командиры и всѣ штабъ-офицеры. Послѣ церемоніи состоялся ужинъ, отличавшійся большимъ оживленіемъ, и полный былыхъ воспоминаній.

Бойцы вспоминали минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

На слѣдующій день, 20-го августа, былъ большой парадъ съ освященіемъ вновь пожалованнаго полку штандарта, а затѣмъ обычный

обѣдъ съ кавказскими тостами за дружбу, единеніе, и боевую славу. Невольно обращалъ на себя вниманіе одинъ старикъ, отставной солдатъ, явившійся на праздникъ въ старой николаевской формѣ, въ колетѣ съ голубымъ воротникомъ и черною петлицею. Это былъ послѣдній могиканъ изъ тѣхъ Тверцовъ, которые прибыли въ 1854 году вмѣстѣ съ полкомъ на Кавказъ изъ Бѣлгорода, Курской губерніи, и участвовали въ кюрюкъ-даринскомъ бою въ знаменитой атакѣ полка на турецкую батарею. Къ сожалѣнію, витязь Кавказскихъ войнъ, генералъ отъ кавалеріи князь Чавчавадзе, долго командовавшій Тверцами въ бояхъ и съ тѣхъ поръ не снимавшій съ себя мундира Тверского полка, не могъ присутствовать на праздникѣ лично и почтилъ полкъ телеграммой. На слѣдующій день, 21 августа, торжество закончилось баломъ въ офицерскомъ собраніи, фейерверкомъ и ужиномъ.

А черезъ недѣлю послѣ этого праздника, 28-го августа, Нижегородцы выступили обратно въ Тифлисъ, гдѣ уже собирались войска для общаго лагернаго сбора.



VI.

ДВА ПАМЯТНЫЕ СМОТРА ВЪ ТИФЛИСѢ.

Великій Князь МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ въ Тифлисѣ.—Смотръ войскамъ на Дидубійскомъ полѣ.—Празднованіе въ полку 50-ти лѣтняго юбилея службы Его Высочества.—Полковой праздникъ 1898 года.—Неразрывная связь полка съ его прошлымъ и старыми сослуживцами.—Вторая пробная мобилизація.—Кавказская кавалерійская дивизія входитъ въ составъ 2-го Кавказскаго корпуса.—Лѣтнія занятія 1899 года.—Обученіе плаванію.—Эпизодъ изъ прошлаго.—Большіе маневры подъ Александрополемъ.—Двѣ смерти: корнета Мейснера и вахмистра Клюшникова.—Полковой праздникъ 1900 года.—Нижегородцы на смотру Персидскаго шаха.—Лѣтніе сборы въ 1900 году.—Смотръ генерала Тутолмина.—Особенность полкового праздника.

Общій сборъ войскъ подъ Тифлисомъ въ 1898 году остался памятнымъ смотромъ августѣйшаго фельдмаршала великаго князя Михаила Николаевича.

„Завтра, 17-го сентября, въ день Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи—(Мудрость) говорилось въ передовой статьѣ „Кавказа“—пріѣзжаетъ въ Тифлисъ царственный гость, одно имя котораго воплощаетъ въ себѣ всѣ эти христіанскіе символы. Оно говоритъ намъ и о великомъ трудѣ на поприщѣ гражданской жизни, и о слав-

ныхъ побѣдахъ, и о надеждахъ на новые пышные всходы всего, что было посѣяно имъ на благо нашему краю.

„Теперь великій князь, облеченный высокимъ званіемъ предсѣдателя государственнаго совѣта, далеко отъ Кавказа и не часто имѣетъ досугъ среди своихъ безконечныхъ трудовъ посѣщать любимую окраину. Но далекою звѣздою сіялъ и сіяетъ намъ величественный образъ старѣйшаго представителя царской семьи, и весь Кавказъ устремляетъ свои взоры на сѣверъ, на эту народную звѣзду: онъ вѣритъ въ нее, онъ возлагаетъ на нее всѣ свои упованія“.

Съ такими именно чувствами ожидали и войска и все населеніе Тифлиса своего бывшаго стараго намѣстника и главнокомандующаго. Народъ и не называлъ его иначе, какъ „нашъ великій князь“.

17-го сентября въ 8 часовъ утра лейбъ эскадронъ Нижегородцевъ со штандартомъ и хоромъ трубачей выстроился на дебаркадерѣ желѣзной дороги. Черезъ часъ подошелъ и великокняжескій поѣздъ. Великій князь принялъ почетный караулъ и, обратившись къ полковому командиру, сказалъ: „Почетный караулъ блестящій“ и пожаловалъ 150 р., для раздачи нижнимъ чинамъ. Затѣмъ драгуны прошли церемоніальнымъ маршемъ и поспѣшили примкнуть къ войскамъ, которыя уже ожидали на Дидубійскомъ полѣ прибытія великаго князя. Въ строю находилось: 25 баталіоновъ пѣхоты, вся кавказская кавалерійская дивизія и 60 орудій, подъ общимъ начальствомъ корпуснаго командира генерала Зеземана.

Прямо съ вокзала великій князь проѣхалъ въ Дидубе среди тысячныхъ массъ народа, привѣтствовавшаго его восторженными криками. Сѣвъ на коня и объѣхавъ длинныя линіи войскъ, великій князь сталъ передъ серединою фронта, скомандовалъ „на-караулъ“, и звучнымъ, громкимъ голосомъ произнесъ:

„Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ передать вамъ, ребята, его царскій поклонъ“. Могучее „ура“, смѣшавшееся со звуками народнаго гимна, было отвѣтомъ кавказскихъ богатырей на этотъ привѣтъ державнаго вождя русской земли. Затѣмъ начался церемоніальный маршъ. Кавалерія въ первый разъ прошла по-эскадронно, развернутымъ фронтомъ, шагомъ; во второй разъ—перемѣнными аллюрами; Нижегородцамъ довелось идти полевымъ галопомъ, а нѣкоторые эскадроны пропущены были въ карьеръ.

Великій Князь Генералъ Фельдмаршалъ.

По окончаніи парада великій князь милостиво принялъ завтракъ, предложенный командующимъ войсками округа отъ лица всѣхъ кавказскихъ войскъ. Посреди скакового круга построенъ былъ обширный павильонъ, покрытый толстыми брезентами. Крыша павильона поддерживалась шестьюдесятью столбами, обвитыми георгіевскими лентами, а внутреннія стѣны, задрапированныя красной матеріей, убраны были національными флагами, цвѣтами и гирляндами изъ свѣжей зелени; весь полъ былъ устланъ богатыми персидскими коврами. Надъ павильономъ развѣвался штандартъ великаго князя.

По срединѣ этого громаднаго шатра стоялъ круглый столъ на 42 куверта, за которымъ помѣстился великій князь, августѣйшія дѣти его, весь генералитетъ и начальники отдѣльныхъ частей; всѣ офицеры, участвовавшіе въ парадѣ, заняли мѣста за остальными столами, накрытыми на 640 приборовъ.

Послѣ тоста за Государя Императора, великій князь обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

„Старый главнокомандующій вашъ счастливъ, что на старости лѣтъ смогъ пріѣхать и увидѣть снова свои несравненныя кавказскія войска. Никогда не забуду тѣхъ 18 лѣтъ, когда я имѣлъ счастье стоять во главѣ кавказской арміи. Ей, и только ей, повторяю, а не моимъ личнымъ заслугамъ обязанъ я тѣми боевыми отличіями, которыми покойному Государю Императору Александру II благоугодно было украсить мою грудь. Молю Бога, чтобы молодые кавказцы и впредь слѣдовали примѣру ихъ руководителей, старыхъ товарищей. Отъ всей души пью за здоровье славныхъ кавказскихъ войскъ!“.

Эти знаменательныя слова, встрѣченныя громовымъ „ура“, тутъ же подхваченнымъ народомъ, покрывавшимъ все поле, проникли въ душу каждаго изъ присутствующихъ и воскресили вновь завѣтное воспоминаніе о славномъ незабвенномъ прошломъ.

Въ отвѣтъ на это командующій войсками округа провозгласилъ тостъ за здоровье генералъ-фельдмаршала великаго князя Михаила Николаевича. И снова взрывъ общаго единодушнаго восторга, звенятъ кубки, гремитъ могучее „ура“, и всѣ, какъ одинъ, чувствуютъ всю глубокую искренность, всю жизненную правду только что прозвучавшаго тоста.

По окончаніи завтрака, великій князь, сопровождаемый блестя-

щимъ экскортомъ всѣхъ кавалерійскихъ офицеровъ, отбылъ во дворецъ, среди ликующаго тифлисскаго населенія, энтузіазмъ котораго не поддается описанію.

Вечеромъ, въ этотъ день, его высочество великій князь Георгій Михаиловичъ посѣтилъ офицерское собраніе Нижегородскаго полка, гдѣ былъ устроенъ „кавказскій“ ужинъ съ трубачами и пѣсенниками. Два дня провели царственные гости въ Тифлисѣ, а 19-го сентября великій князь Михаилъ Николаевичъ съ августѣйшими дѣтьми отбылъ въ свое боржомское имѣніе. По отъѣздѣ его высочества общій сборъ подъ Тифлисомъ былъ законченъ трехдневнымъ маневромъ въ окрестностяхъ Авлабара, и 24-го сентября войска были распущены.

Затѣмъ въ полку начинается цѣлый рядъ празднествъ, которыми закончился памятный 1898 годъ.

13 октября полкъ праздновалъ 35-тилѣтнюю годовщину со дня зачисленія въ списки полка великаго князя Михаила Николаевича, а 8-го ноября день его тезоименитства, совпавшій въ этомъ году съ 50-тилѣтнимъ юбилеемъ высокаго служенія его высочества родинѣ и четыремъ монархамъ. Передъ полкомъ прочитанъ былъ приказъ Государя Императора, который, въ своемъ вниманіи къ государственнымъ заслугамъ великаго князя, повелѣлъ всей гвардейской артиллеріи отдавать ему тѣ же самыя почести, которыя по уставу присвоены только императору.

„Въ вашей выдающейся, продолжительной и разнообразной дѣятельности — сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя великаго князя — ваше высочество неизмѣнно были достойнымъ выразителемъ лучшихъ свойствъ русскаго человѣка: отваги въ бою, свѣтлаго ума въ дѣлахъ государственныхъ и добраго сердечнаго отношенія къ людямъ. Россія справедливо оцѣнила ваше высочество за эти прекрасныя душевныя качества и останется навсегда вамъ благодарной, памятуя ваше имя на ряду съ именами лучшихъ и полезнѣйшихъ своихъ дѣятелей.“

По окончаніи молебствія и парада у полкового командира былъ большой обѣдъ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ и великій князь Николай Михаиловичъ. Затѣмъ, съ обычною торжественностью, полкъ чествовалъ завѣтный день 27 ноября, и, какъ всегда, былъ осчастливенъ царскимъ привѣтомъ державнаго шефа.

„Искренно поздравляю моихъ молодцовъ Нижегородцевъ съ пол-

ковымъ праздникомъ. Пью за славу и процвѣтаніе полка. Николай".

Великій князь Михаилъ Николаевичъ на принесенное поздравленіе также отвѣтилъ слѣдующею телаграммой:

„Славный Нижегородскій полкъ поздравляю съ полковымъ праздникомъ. Со старыми Нижегородцами будемъ пить за здоровье нашего полка и товарищей. Ура! Михаилъ".

Годъ закончился для полка новою радостною вѣстью: старѣйшій изъ всѣхъ Нижегородцевъ, витязь кавказской войны, генералъ-отъ-кавалеріи князь Захарій Гульбатовичъ Чавчавадзе, 6-го декабря, въ память столѣтняго юбилея Тверского полка, которымъ онъ командовалъ, назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ. Нижегородцы сердечно праздновали этотъ день въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу, потому что имя князя Чавчавадзе тѣсно слито съ ихъ полковою славой и занимаетъ выдающееся мѣсто на страницахъ его исторіи.

По поводу именно этого сердечнаго чествованія будетъ умѣстно отмѣтить одну характерную черту Нижегородскаго полка—это глубокое уваженіе къ славнымъ дѣяніямъ предковъ, независимо отъ тѣхъ іерархическихъ ступеней, на которыхъ стояли они въ рядахъ Нижегородцевъ. Конечно, отдѣльныя личности на высокихъ постахъ имѣютъ огромное вліяніе и украшаютъ собою списки, какъ звѣзды первой величины украшаютъ небо; но первенствующее значеніе принадлежитъ не имъ однимъ; въ сокровищницѣ полковыхъ преданій хранятся имена и тѣхъ невысокихъ чиномъ, но великихъ своимъ героизмомъ людей, которые также своими руками созидали исторію полка. Люди рано или поздно сходятъ со сцены, цѣлыя поколѣнія смѣняются, а традиціи полка, его преданія, остаются вѣчно—онѣ не умираютъ. Все это припоминается невольно по поводу одного маловажнаго, но весьма характернаго случая, имѣвшаго мѣсто въ полку вскорѣ послѣ 1898 года.

Въ полку лѣтъ за 50 передъ тѣмъ служилъ вольноопредѣляющимся нѣкто Сапѣга-Ольшевскій. Однажды, когда Нижегородцамъ приходилось идти въ Чечнѣ по берегу Рошни, заросшей дремучимъ лѣсомъ, горцы открыли по нимъ пушечный огонь. Одинъ изъ снарядовъ упалъ какъ разъ передъ вторымъ эскадрономъ, и Сапѣга съ головы до ногъ былъ осыпанъ землею.—Это ядро, сказалъ ѣхавшій рядомъ съ нимъ юнкеръ.—Граната, хладнокровно отозвался Сапѣга.—Нѣтъ, ядро.—А я тебѣ говорю: граната.—Давай пари.—„Изволь". Сапѣга соскочилъ съ

лошади и, схвативъ вертѣвшійся еще снарядъ, поднесъ его прямо къ носу товарища. Тотъ въ ужасѣ отшатнулся: въ рукахъ Сапѣги дѣйствительно оказалась граната.—„Увѣрился?“ хладнокровно спросилъ Сапѣга и отшвырнулъ ее въ сторону. Граната лопнула и осколки прошипѣли въ воздухѣ. Князь Воронцовъ, до котораго стороною дошелъ слухъ о невинномъ развлеченіи драгунскихъ юнкеровъ,—разсмѣялся.—„Такія оригинальныя пари даже англичанамъ не приходили въ голову“, сказалъ онъ весело и приказалъ имѣть Сапѣгу въ виду, для награжденія при первомъ случаѣ знакомъ отличія военнаго ордена. Потомъ Сапѣга былъ произведенъ въ офицеры, перевелся въ Россію, и Нижегородцы потеряли его изъ виду; но имя его не затерялось въ полку, и Нижегородцы, спустя 50 лѣтъ, случайно узнали изъ газетъ о его мѣстопребываніи въ Челябинскѣ. Тотчасъ же отправлена была ему отъ полка слѣдующая телеграмма:

„Владиславу Фердинандовичу Сапѣга-Ольшевскому. Нижегородцы, случайно узнавъ о праздновaніи вами пятидесятилѣтняго юбилея вашей службы, приносятъ вамъ, старому однополчанину, сердечное поздравленіе. Пьемъ за ваше здоровье, вспоминая берега Рошни“.

„Ваша телеграмма, отвѣчалъ на это Сапѣга, вызвала самое отрадное воспоминаніе о славной боевой службѣ Нижегородцевъ на Кавказѣ. Она воскресила въ памяти былые дни, былыя дѣла въ Дагестанѣ съ Хаджи-Муратомъ, лихіе набѣги Нижегородцевъ въ Чечнѣ, походы подъ начальствомъ Барятинскаго, Меллера-Закомельскаго, Вревскаго и атамана Круковскаго, убитаго на чеченскихъ завалахъ. При взятіи этихъ заваловъ я былъ въ охотникахъ, и Барятинскій тутъ же, на самыхъ завалахъ, поздравилъ меня георгіевскимъ кавалеромъ. Съ чувствомъ глубокаго уваженія прошу славныхъ Нижегородцевъ, поддерживающихъ преданія и славу стараго полка, принять отъ меня самую сердечную благодарность за память и поздравленіе“.

Этотъ случай важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что еще разъ показываетъ, какая существуетъ тѣсная связь въ полку между его настоящимъ и прошлымъ. Нижегородцы знаютъ свою исторію; они умѣютъ цѣнить ее,—и въ этомъ то скрывается та несокрушимость преданій, которыя незримо живутъ въ полку и, пока онѣ сохранятся, полкъ будетъ шествовать всегда только по пути къ новымъ отличіямъ, къ побѣдамъ и славѣ.

Но возвратимся къ настоящему.

Перемѣна дислокаціи и близость границъ, обязывавшія полкъ быть въ ежеминутной готовности къ выступленію въ 24 часа, требовала напряженной дѣятельности всѣхъ органовъ полка къ поддержанію въ исправности всего, что могло такъ или иначе содѣйствовать успѣшной мобилизаціи. Съ этою цѣлью, въ концѣ 1898 года, сдѣланъ былъ опытъ: 15-го декабря въ 9 часовъ утра, въ полковыя казармы неожиданно прибыла комиссія и вручила командиру полка секретный пакетъ. Черезъ сутки, въ 9 часовъ утра 16-го числа, полкъ сидѣлъ уже на коняхъ, имѣя въ первыхъ четырехъ эскадронахъ по 14-ти, а въ двухъ остальныхъ по 15 рядовъ во взводахъ; запряженный обозъ 1-го разряда стоялъ тутъ же въ полной готовности къ выступленію. Комиссія, провѣривъ все, что полагалось имѣть при мобилизаціи, пришла къ заключенію, что работа въ эскадронахъ производилась безъ всякой суеты, въ замѣчательномъ порядкѣ и доказываетъ полную подготовленность къ этому дѣлу какъ людей, такъ и начальниковъ.

На другой день, 17-го сентября, на станціи Навтлугъ была произведена пробная посадка эскадроновъ въ поѣздъ желѣзной дороги, при чемъ выяснилось, что при расторопности людей эшелонъ въ два эскадрона съ обозомъ 1-го разряда и съ запасомъ продовольствія для пути можетъ быть посаженъ въ одинъ часъ времени. Наконецъ, 20-го декабря, произведена была мобилизація обоза 2-го разряда, который сдѣлалъ проѣздку отъ штабъ-квартиры полка черезъ весь городъ до артиллерійскихъ казармъ на Верѣ. Въ оба пути, туда и назадъ, слѣдовательно на хорошемъ переходѣ для войскъ, всѣ повозки, упряжь, вещи—все оказалось прочнымъ и въ блестящемъ порядкѣ. Единственно, что замѣтила комиссія—это недостатокъ въ полку теплой зимней одежды; она нашла необходимымъ, въ виду быстроты мобилизаціи, чтобы полкъ имѣлъ постоянно полное число полушубковъ, не смотря на то, что въ мирное время, по климатическимъ условіямъ, они будутъ лежать безъ употребленія. Въ общемъ комиссія признала полкъ прекрасно подготовленнымъ къ мобилизаціи, и выступленіе его и обозовъ, при томъ въ полномъ порядкѣ и въ указанные сроки,—вполнѣ обезпеченнымъ.

Другимъ послѣдствіемъ, естественно вытекавшимъ изъ новой дислокаціи, была перемѣна въ общей организаціи войскъ кавказскаго округа, которыя въ апрѣлѣ 1899 года вновь сведены были въ два армейскія корпуса. Въ первый изъ нихъ, занимавшій передовую линію, назначены были 20 и 39 пѣхотныя дивизіи вмѣстѣ съ двумя дивизіями кавказскихъ казаковъ, а во второй, болѣе удаленный отъ границъ, вошли кавказская стрѣлковая бригада, гренадерская и 21 пѣхотная и кавказская кавалерійская дивизіи. Командиромъ 1-го корпуса назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Амираджиби, а командиромъ 2-го, куда входила кавказская кавалерійская дивизія, генералъ-лейтенантъ Announcements Зеземанъ. Штабъ-квартирами для обоихъ корпусовъ назначенъ Тифлисъ.

Первое знакомство свое съ войсками корпуса генералъ Зеземанъ началъ 7-го мая со смотра Нижегородскаго полка. Онъ нашелъ его въ отличномъ видѣ: „Лошади, говорилось въ приказѣ по корпусу, превосходно содержаны и въ отличныхъ тѣлахъ, особенно хорошо то, что въ этомъ отношеніи въ полку нѣтъ никакой разницы между эскадронами.“ Стрѣльбу на этотъ разъ онъ не смотрѣлъ, такъ какъ полкъ только что представлялся на смотръ, командированному по высочайшему повелѣнію генералу Рехенбергу, и по результатамъ стрѣльбы поставленъ былъ въ разрядъ отличныхъ. Особенное вниманіе инспектора заслужило прекрасное содержаніе въ полку оружія.

Спеціальный кавалерійскій сборъ былъ въ этомъ году также въ Царскихъ-Колодцахъ и продолжался съ 1 по 23 іюля, когда, въ заключеніе его, произведено было испытаніе офицеровъ въ ѣздѣ и въ скачкахъ Въ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ году, первые призы достались Нижегородцамъ: за скачку получилъ штабсъ-ротмистръ Кобіевъ, а за ѣзду корнетъ Таучеловъ; второй призъ за ѣзду достался штабсъ-ротмистру Бербасову.

Изъ Царскихъ-Колодцевъ перешли въ общій сборъ подъ Тифлисомъ, гдѣ, между прочими полевыми занятіями, произведенъ былъ опытъ переправы вплавь цѣлою дивизіей, черезъ Куру, на мѣстѣ, выбранномъ около Навтлуга у церкви „Дальней Варвары“. Кура очень быстра; она опрокидываетъ и уноситъ даже громоздкія арбы; къ тому же рѣка изобилуетъ водоворотами, поглощающими ежегодно не мало жертвъ. Поэтому для перваго опыта лошадей пускали вплавь разсѣдланными, а люди, тоже раздѣтые, плыли держась за хвосты или гривы.

Переправились нѣсколько разъ благополучно. Нельзя не вспомнить при этомъ одного характернаго эпизода изъ старой жизни Нижегородцевъ. Было это въ 1848 году въ Чечнѣ, гдѣ Нижегородцы появились тогда еще впервые, даже вопреки желанія начальника чеченскаго отряда, опасавшагося, что избалованная регулярная кавалерія будетъ только помѣхой въ его дѣйствіяхъ. 1-й дивизіонъ, маіора Золотухина, подошелъ къ Сунжѣ уже передъ вечеромъ и увидѣлъ на противоположномъ берегу ея чеченскій отрядъ. Наканунѣ прошелъ ливень, и бушевавшая Сунжа была въ разливѣ; переправы не было. Адъютантъ Золотухина кое-какъ переправился на лодкѣ съ опытными гребцами, и, явившись къ начальнику отряда, просилъ разрѣшенія переночевать на томъ берегу, разсчитывая, что за ночь вода спадетъ и откроются броды.—„А кто васъ будетъ прикрывать?“ спросилъ генералъ.—„Мы сами себя прикроемъ,“ отвѣтилъ адъютантъ.—„А я за васъ буду въ отвѣтѣ, если чеченцы нападутъ и изрубятъ васъ на половину“, возразилъ генералъ? „Нѣтъ, уже переправляйтесь вплавь“. Извѣстіе это нѣсколько озадачило дивизіонера; однако онъ скоро успокоился. „Ну что-же такое, разсуждалъ онъ: драгуны не боятся, когда ихъ посылаютъ въ огонь; они не должны бояться и воды. Правда, нѣкоторые не умѣютъ плавать, да это не бѣда. Нижегородцы должны стоять выше человѣческихъ слабостей“. И дивизіонъ переплылъ черезъ бушующую рѣку. Съ этого дня репутація Нижегородцевъ въ Чечнѣ была установлена.

Полевыя занятія въ этомъ году закончились общимъ движеніемъ всѣхъ войскъ, собранныхъ въ Закавказьѣ, къ Александрополю. Это былъ подвижной сборъ, какого, по своимъ грандіознымъ размѣрамъ, еще не видѣлъ Кавказъ. Часть 2-го корпуса: гренадерская и кавказская кавалерійская дивизія съ шестью батареями, шли отъ Тифлиса; весь 1-й корпусъ, въ полномъ составѣ, усиленный еще стрѣлковою бригадой, наступалъ изъ Карса. На тифлисскія войска возложена была задача защищать Александрополь отъ нападенія трехъ сильныхъ отрядовъ со стороны Ардагана, Карса и Саракамыша. Маневры начались 12-го августа, какъ только войска вышли изъ Тифлиса. Пока они маневрировали въ окрестностяхъ Кодъ и Екатеринфельда, получено было извѣстіе, что противникъ приближается уже къ Александрополю, и тифлисскій корпусъ двинулся туда же форсиро-

ваннымъ маршемъ черезъ Воронцовку, Джелалъ-Оглы и Безобдальскій хребетъ. 28-го августа карсскій отрядъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе и, подступивъ къ Александрополю, 29-го числа началъ усиленную подготовку штурма, при чемъ противъ Александропольскихъ фортовъ выставлено было болѣе ста пѣшихъ и конныхъ орудій. 31 августа послѣдовалъ наконецъ рѣшительный штурмъ, и защитники фортовъ вынуждены были уступить побѣду своему многочисленному противнику.

Значительное количество войскъ и обширность пространства, занятаго маневрирующими войсками, въ связи съ крайнимъ разнообразіемъ мѣстности и различными свойствами дорогъ, дѣлали этотъ маневръ весьма поучительнымъ. Общій районъ, дѣйствительно, обнималъ собою большую часть Карсской области и смежные уѣзды Тифлисской и Эриванской губерній, охватывая все пространство отъ Тифлиса до Саганлугскаго хребта, и отъ Боржома до Эривани.

„Подвижной сборъ въ нынѣшнемъ году, говоритъ генералъ Зееманъ, руководившій общимъ ходомъ маневра, принесъ войскамъ несомнѣнную пользу, поставивъ ихъ въ условія, совершенно близкія къ обстановкѣ военнаго времени. Войска совершенно втянулись въ походную жизнь, ходили отлично и своею неутомимостью показали себя достойными преемниками старыхъ кавказскихъ бойцовъ“. Замѣчанія генерала Зеемана коснулись только кавалеріи, которая, по отзывамъ его, на ровныхъ мѣстахъ дѣйствовала стройно и хорошо, но въ мѣстахъ гористыхъ бывали случаи, когда эскадроны, нарвавшись на пѣхотныя части, спѣшивались и открывали огонь, тогда какъ имъ оставалось одно—броситься въ шашки или, какъ можно скорѣе, уходить назадъ, дабы избѣжать напрасной потери.

Помимо того, нельзя не отмѣтить, что маневры происходили на поляхъ, столь знаменитыхъ въ нашей военной исторіи. Карсская область, окраина, еще такъ недавно завоеванная у турокъ, полна историческихъ памятниковъ, которые служатъ нѣмыми свидѣтелями прошлаго; ея поля, ея горы, обагренныя кровью русскаго солдата, много говорятъ русскому сердцу. Тутъ передъ вашими глазами подымаются Аладжинскія высоты, Большія и Малыя Ягны и Авліяръ, синѣютъ холмы Башъ-Кадыкъ-Лара и стоитъ Караялъ, какъ стражъ кюрюкъдаринскаго поля. Сколько воспоминаній! Здѣсь разрушенныя турецкія

укрѣпленія, тамъ русскія братскія могилы... Все это напоминаетъ о быломъ, старомъ времени, о походахъ Паскевича, о крымской войнѣ и послѣдней турецкой кампаніи. Молодой солдатъ и молодой офицеръ, побывавъ на этихъ мѣстахъ, видѣли ихъ воочію и слѣдовательно глубже прочувствовали разсказанное имъ отцами и дѣдами. Старый офицеръ пережилъ много-много воспоминаній, посѣтивъ опять тѣ самыя поля, гдѣ онъ, — тогда еще молодой, полный здоровья и силъ, — сражался и проливалъ свою кровь.

Подъ этимъ живымъ впечатлѣніемъ, вспоминая минувшіе подвиги, совершенные въ этихъ мѣстахъ за 22 года передъ тѣмъ, подъ личнымъ предводительствомъ августѣйшаго генералъ - фельдмаршала великаго князя Михаила Николаевича, кавказская кавалерійская дивизія прямо съ маневреннаго поля отправила его высочеству привѣтственную депешу.

„Очень тронутъ, отвѣтилъ великій князь, теплымъ привѣтомъ молодцовъ Сѣверцевъ, Нижегородцевъ и Тверцовъ. Сердечно благодарю дорогихъ мнѣ кавказскихъ драгунъ, что не забываютъ стараго главнокомандующаго и товарища, по гробъ имъ преданнаго. Михаилъ“.

Въ самомъ началѣ этихъ маневровъ, въ полку случилось одно печальное происшествіе. Молодой корнетъ Мейснеръ, юноша только въ минувшемъ году выпущенный изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, внезапно заболѣлъ на позиціи дифтеритомъ и хотя немедленно отправленъ былъ въ Тифлисскій военный госпиталь, въ сопровожденіи фельдшера, но болѣзнь приняла такой тяжелый характеръ, послѣдствіемъ котораго явился смертельный исходъ. Въ ожиданіи распоряженій полкового командира относительно похоронъ, тѣло Мейснера было набальзамировано и поставлено въ госпитальной часовнѣ. Похороны состоялись 20-го августа, въ отсутствіе полка, но со всѣми военными почестями. Изъ людей, оставшихся въ Тифлисѣ, сформированъ былъ конный полуэскадронъ, подъ командой штабсъ-ротмистра Шереметева 2-го, который и проводилъ его до Навтлугскаго кладбища. Мать Мейснера хлопотала о дозволеніи перевезти тѣло его въ Петергофъ въ фамильный склепъ, но это не было разрѣшено, въ виду заразительной болѣзни, отъ которой онъ скончался.

Пришлось въ этомъ году похоронить и другого товарища штабсъ-ротмистра Баева, скончавшагося далеко отъ полка, въ Берлинѣ, гдѣ

онъ лечился отъ чахотки. Умеръ и старѣйшій ветеранъ полка вахмистръ 4-го эскадрона Клюшниковъ, кавалеръ четырехъ Георгіевъ, прослужившій въ полку 31 годъ. Еще въ октябрѣ минувшаго года, въ немъ стали замѣчаться признаки умственнаго разстройства, и онъ отправленъ былъ въ психіатрическое отдѣленіе владикавказскаго военнаго госпиталя. Болѣзнь не поддалась однако врачебному уходу, и Клюшниковъ, уволенный въ отставку, отвезенъ на родину, гдѣ его помѣстили въ воронежской губернской земской больницѣ. Тамъ онъ и скончался 22-го апрѣля 1899 года отъ прогрессивнаго паралича мозга. 4-го іюня, въ сороковой день послѣ его смерти, въ полковой церкви отслужена была панихида, на которой присутствовали всѣ офицеры полка: четвертый эскадронъ въ полномъ составѣ, а отъ остальныхъ назначено было по десяти нижнихъ чиновъ при унтеръ-офицерѣ. Такъ Нижегородцы почтили память стараго своего ветерана.

27-го ноября, въ день полкового праздника, державный шефъ снова удостоилъ полкъ своею телеграммою:

„Поздравляю искренно моихъ доблестныхъ Нижегородцевъ и пью за славу полка. Николай“.

„Вмѣстѣ съ собравшимися у меня Нижегородцами, телеграфировалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ,—пьемъ за здоровье нашего славнаго дорогого полка и поздравляемъ съ полковымъ праздникомъ.“

Третья телеграмма была отъ великаго князя Николая Михаиловича:

„Вмѣстѣ съ грузинцами до дна осушаю азарпешу за вѣчную славу и процвѣтаніе безсмертныхъ Нижегородцевъ“.

Во время обѣда отправлена была телеграмма боевымъ кунакамъ Эриванцамъ, которые наканунѣ, 26-го ноября, скромно отпраздновали у себя дома столѣтіе со времени перваго вступленія своего полка въ Тифлисъ. Никакихъ офиціальныхъ празднествъ по этому поводу не было и задушевный тостъ Нижегородцевъ, кажется, былъ единственнымъ откликомъ на историческое событіе, положившее начало окончательному присоединенію къ Россіи царства грузинскаго. Нижегородцы и Эриванцы прибыли на Кавказъ въ одномъ и томъ же 1783 году и начали службу вмѣстѣ подъ стягомъ Суворова. Съ тѣхъ поръ они рука въ руку и прошли тяжелый, кровавый путь Кавказской войны.

Къ концу года политическій горизонтъ сталъ заволакиваться мрачными тучами; вездѣ говорили о возможности разрыва съ Англіей, и кавказская стрѣлковая бригада получила приказаніе передвинуться въ Закаспійскую область. Нижегородцы съ обычнымъ радушіемъ встрѣчали каждый отъѣзжавшій баталіонъ на желѣзнодорожномъ полустанкѣ „Навтлугъ" и провожали его хлѣбомъ и солью. Поѣздъ отходилъ при громѣ драгунскихъ трубачей, и долго-долго еще неслись вслѣдъ за нимъ и звуки народнаго гимна и русское „ура", провожавшіе товарищей, быть можетъ на поле чести и славы. Всѣмъ рисовались боевыя картины, всѣ были въ приподнятомъ состояніи духа, вездѣ говорили о войнѣ, и Нижегородцы жадно прислушивались къ этимъ слухамъ, полные вѣры въ себя, въ свою старую Кавказскую мощь. Но война разразилась за самою отдаленною окраиной русской имперіи, за холодною Сибирью, „у стѣнъ недвижнаго Китая",—и русскія знамена внесены были въ Пекинъ. До Нижегородцевъ не дошла боевая очередь; ихъ шашки остались въ ножнахъ, и только черезъ четыре года доблестнымъ представителямъ полка пришлось обнажить ихъ, но уже въ кровавой и безпощадной войнѣ съ Японіей.

Полевыя занятія въ 1900 году утверждены были тѣ же, что и въ минувшемъ, т. е. спеціальный сборъ подъ Царскими-Колодцами, а общій—въ Тифлисѣ. Но прежде, чѣмъ приступить къ этимъ занятіямъ, полку пришлось представиться еще на смотръ его величеству персидскому шаху. Одно извѣстіе, что высокій повелитель Ирана Музафферъ-Эддинъ, проѣздомъ въ Петербургъ, посѣтитъ Тифлисъ, взволновало весь городъ, привыкшій встрѣчать персидскихъ шаховъ только съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ Аги-Магометъ-Хана, приходившаго съ огнемъ и мечомъ, Музафферъ-Эддинъ былъ первымъ шахомъ, вступавшимъ въ древнія стѣны Тифлиса не съ грознымъ бряцаніемъ оружія, а съ пальмовою вѣтвью дружественной намъ державы. И городъ готовилъ ему торжественную встрѣчу.

Шахъ прибылъ въ Тифлисъ 15-го мая въ 10 часовъ утра, и встрѣченъ былъ на вокзалѣ желѣзной дороги почетнымъ карауломъ отъ Тифлисскаго гренадерскаго полка; другой почетный караулъ стоялъ у дворца. Здѣсь былъ лейбъ-эскадронъ Нижегородцевъ со штандартомъ

и хоромъ трубачей; остальные эскадроны въ полномъ составѣ расположились вдоль всей желѣзной дороги, по обѣимъ сторонамъ ея, отъ Навтлуга до арсенала, что на Авлабарѣ.

Около полудня пушечные выстрѣлы съ Арсенальной горы, звуки персидской музыки и отдаленный гулъ восторженныхъ криковъ дали знать о приближеніи шаха. Вслѣдъ затѣмъ изъ-за тріумфальной арки, перекинувшейся черезъ Головинскій проспектъ, показался скакавшій въ карьеръ казачій эскортъ съ распущеннымъ значкомъ, а за нимъ его величество шахъ въ открытой коляскѣ, запряженной парой сѣрыхъ рысаковъ. Раздалась команда „на-караулъ“: тихо, величаво склонились штандарты, привѣтствуя царственнаго гостя, грянуло „ура“, и величавые звуки похода смѣшались со звуками національнаго персидскаго гимна. Шахъ принялъ рапортъ и, поздоровавшись съ карауломъ, пропустилъ его мимо себя церемоніальнымъ маршемъ.

За одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, возвращаясь изъ своего путешествія по Европѣ, шахъ посѣтилъ Владикавказъ, гдѣ князь Амилахвари, командовавшій тогда драгунской дивизіей, представилъ ему полки: Нижегородскій, Сѣверскій и Переяславскій; (Тверцы въ этомъ году въ сборѣ не участвовали). Шахъ вспомнилъ этотъ блестящій парадъ и пожелалъ опять увидѣть Нижегородцевъ. Смотръ назначенъ былъ 17-го мая. Къ пяти часамъ по полудни все поле, гдѣ должно было производиться ученіе Нижегородцевъ, покрылось несмѣтными толпами народа. Для шаха приготовленъ былъ красивый шатеръ, задрапированный шелковыми персидскими матеріями, а внутреннія стѣны, потолокъ и полъ—все было убрано дорогими коврами. У входа стояли два богатоубранныя кресла, а въ глубинѣ виднѣлся сервированный столъ, перевитый гирляндами живыхъ цвѣтовъ и уставленный восточнымъ досторханомъ. Возлѣ этого шатра раскинуто было нѣсколько палатокъ для дамъ и почетныхъ гостей. Полкъ длинною, развернутою линіею стоялъ фронтомъ къ навтлугскому полустанку, откуда ожидали прибытія его величества. Бѣлыя рубахи драгунъ рѣзко выдѣлялись на свѣжей зелени, еще не выгорѣвшаго поля, и еще рѣзче оттѣнялись они отъ темной масти коней, стоявшихъ неподвижно. Хорошъ и грозенъ былъ полкъ въ своей неподвижности, въ боевомъ строю, осѣненный массивными штандартами.

Какъ только шахскій поѣздъ остановился у дебаркадера, полкъ

Школа трубаческихъ учениковъ.

отдалъ честь, и трубачи заиграли персидскій гимнъ. Шахъ въ коляскѣ прослѣдовалъ мимо полка къ своему шатру и отсюда послалъ передать полку свое привѣтствіе. Дружное „здравія желаемъ, ваше шахское величество“ прокатилось по полю. Затѣмъ полкъ карьеромъ перемѣнилъ фронтъ на лѣво и сталъ лицомъ къ шахской палаткѣ.

Началось живое кавалерійское ученіе. Полкъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ перестроеній, производилъ атаки и спѣшивался на полевомъ галопѣ. Смотръ закончился церемоніальнымъ маршемъ, сперва въ конномъ строю по-эскадронно, а потомъ въ пѣшемъ, при чемъ прошли церемоніальнымъ маршемъ и коноводы. Затѣмъ полкъ снова сѣлъ на коней и, по желанію шаха, еще разъ произвелъ небольшіе маневры, закончивъ ихъ атакой съ мѣста въ карьеръ.

Его величество неоднократно выражалъ полку свою благодарность и въ заключеніе пропустилъ его мимо себя съ музыкой и пѣснями. Лихіе эскадроны потянулись въ Навтлугъ, а шахъ по желѣзной дорогѣ отбылъ обратно въ Тифлисъ.

На другой день, 18 мая, послѣдовалъ отъѣздъ шаха изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ во Мцхетъ, гдѣ его встрѣтилъ снова почетный караулъ отъ второго эскадрона со штандартомъ и трубачами. Дальнѣйшее путешествіе шаха продолжалось уже по военно-грузинской дорогѣ.

О блестящемъ состояніи Нижегородскаго полка шахъ лично телеграфировалъ Государю Императору и вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ въ полкъ слѣдующія награды:

Орденъ Льва и Солнца второй степени полковникамъ: Петрову, Фурдуеву и подполковнику князю Церетели.

Третьей степени ротмистрамъ: Дикмизу, князю Туманову, Ягмину, Де-Шмиденъ-Ковальскому и Эфендіеву; штабсъ-ротмистрамъ: Бербасову, князю Ратіеву, Шереметеву 1-му, Шереметеву 2-му, Якимиди и Кобіеву.

Четвертой степени поручикамъ: Кесареву, Шмиту, Ханъ-Зіатъ-Ханову, Кубатіеву, князю Эристову, князю Амилахвари, барону Мейндорфу, Махатадзе, и Дену; корнетамъ: князю Чавчавадзе 1-му, князю Трубецкому, графу Апраксину, Тону, Смѣкалову, Быкову, Люксу и Рыльскому.

Пятой степени вахмистрамъ: Шмагоржевскому, Кононову, штабсъ-трубачу Березняку и полковому писарю Константинову.

Послѣ шахскаго смотра, 6-го іюня, полку произведенъ былъ по

высочайшему повелѣнію смотръ стрѣльбы командиромъ 2-й бригады 1-й гренадерской дивизіи генералъ-маіоромъ барономъ Розеномъ. По результатамъ стрѣльбы съ измѣренныхъ разстояній залпами Нижегородскій полкъ поставленъ былъ въ разрядъ хорошій, а по стрѣльбѣ боевой—въ отличный. Содержаніе винтовокъ найдено было также въ отличномъ видѣ.

Теперь полку предстояло перейти къ полевымъ занятіямъ; но предварительно ему пришлось принять участіе еще въ торжественномъ чествованіи двухсотлѣтнихъ юбилеевъ въ Грузинскомъ и Апшеронскомъ полкахъ, съ которыми связывало его старинное куначество. 18-го іюня юбилей этотъ праздновали грузинцы, а 25-го апшеронцы. Привѣтствовать апшеронцевъ, старыхъ чиръ-юртовскихъ сосѣдей, былъ посланъ полковникъ князь Церетели, а въ Грузинскій полкъ отправилась депутація въ лицѣ полковника Фурдуева, ротмистра Ковальскаго, поручика князя Амилахвари, корнетовъ: Мейндорфа и Тона и полкового священника отца Евфимія. Съ этой депутаціей отправился и хоръ трубачей. Къ этому дню Нижегородцы заказали большую серебряную застольную чашу, для поднесенія Грузинцамъ въ память почти столѣтняго куначества, начатаго еще въ до-ермоловское время на Лезгинской линіи, когда оба эти полка стояли безсмѣннымъ стражемъ Кахетіи, а затѣмъ скрѣпленнаго въ цѣломъ рядѣ побѣдоносныхъ войнъ и въ Персіи и въ Азіатской Турціи. Къ сожалѣнію, подарокъ ко дню юбилея не былъ готовъ, и потому, для поднесенія его Грузинцамъ, назначена была позднѣе другая депутація въ лицѣ ротмистра князя Туманова и корнета барона Мейндорфа.

Спеціальный сборъ въ Царскихъ-Колодцахъ, начавшійся 22-го іюня, остался памятенъ вторичнымъ смотромъ помощника генералъ-инспектора кавалеріи генераломъ-отъ-кавалеріи Тутолминымъ. Онъ нашелъ дивизію въ прекрасномъ видѣ и остался доволенъ исполненіемъ новаго устава полевой службы, въ которомъ, какъ выразился онъ въ своемъ докладѣ, не было ошибокъ, несмотря на трудности, вызывавшіяся измѣненіемъ общепринятой терминологіи. „Вниманіе на ученіи, писалъ онъ великому князю, совершенное; стройность отчетливая; на ходу спокойствіе и достаточная правильность интерваловъ; въ строю тишина; направленіе движеній вѣрное; построенія проворны; сборъ не суетливый и не мѣшковатый; тактическая распорядительность началь-

никовъ въ большинствѣ случаевъ своевременна. Что же касается до конскаго содержанія, то оно вездѣ хорошо, но изъ всей дивизіи выдался своимъ блестящимъ состояніемъ 4-й эскадронъ Нижегородскаго полка ротмистра князя Туманова.

Къ недостаткамъ Тутолминъ отнесъ: тѣсноту въ рядахъ, ибо стоятъ колѣно къ колѣну, а не стремя къ стремени; ѣзду офицеровъ на стременахъ длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и, наконецъ, не твердое умѣнье владѣть шашкой въ полѣ, такъ какъ тѣ же люди, которые вполнѣ хорошо рубятъ и колятъ въ манежѣ, въ открытомъ полѣ не умѣютъ примѣниться къ обстоятельствамъ и дѣлаютъ частые промахи. Къ этому можно прибавить, писалъ онъ далѣе, желаніе, чтобы разъѣзды и дозоры имѣли большую подвижность въ розыскѣ противника, быстрѣе доставляли донесенія и дѣлали болѣе опредѣленные доклады о свойствахъ мѣстности, задерживающей въ пути движеніе полковъ и батарей. Практика войны въ горахъ, говоритъ онъ далѣе, трудна особенно для конницы, но опытный офицеръ на всякой мѣстности сумѣетъ оцѣнить ея достоинство и опредѣлить то вліяніе, которое оно можетъ оказать на дѣйствія части, чему свидѣтельствомъ служитъ все прошлое полковъ кавказской кавалерійской дивизіи.

Сборъ въ этомъ году закончился общею тревогою въ 5 часовъ утра 8-го августа, и Нижегородцы, несмотря на то что стояли дальше другихъ, прибыли черезъ 9 минутъ на мѣсто первыми въ полномъ порядкѣ.

Затѣмъ, послѣ кавалерійскаго сбора послѣдовалъ общій сборъ подъ Тифлисомъ, при чемъ Нижегородцы расположены были уже не въ главномъ лагерѣ, а отдѣльно на Авлабарѣ, вблизи своихъ казармъ, откуда и высылали эскадроны для маневрированія съ другими войсками. Что касается до испытанія въ строевой ѣздѣ, то первый призъ получилъ Нижегородскаго полка корнетъ Тонъ; но на скачкахъ первый призъ впервые не достался Нижегородцамъ; его взялъ офицеръ Сѣверскаго полка, а Нижегородскаго корнетъ Люксъ, получилъ второй призъ, отставъ отъ сѣверца только на три секунды.

Въ этомъ году Нижегородцы также въ первый разъ не справляли своего полкового праздника обычнымъ порядкомъ, ибо деньги на этотъ предметъ пожертвованы были ими въ пользу семействъ убитыхъ и раненныхъ на китайскомъ театрѣ войны. Не имѣя возможности быть

вкладчиками въ эту священную лотерею своею жизнью и кровью, Нижегородцы откликнулись на нее по крайней мѣрѣ посильной матеріальной жертвой. День полкового праздника ознаменовался только парадомъ, при чемъ прочитана была и царская телеграмма:

„Отъ души поздравляю моихъ молодцовъ Нижегородскихъ драгунъ съ ихъ полковымъ праздникомъ. Пью за здоровье и за славу моего доблестнаго полка. Николай".

Телеграмма отъ великаго князя Михаила Николаевича въ этотъ день была слѣдующая:

„Искренно благодарю за теплый привѣтъ и поздравляю славный Нижегородскій полкъ съ праздникомъ. Пью за здоровье моихъ дорогихъ однополчанъ. Михаилъ".

VII.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ЮБИЛЕЙНОМУ ПРАЗДНИКУ.

Начало 1901 года.—Празднованіе 200-лѣтняго юбилея Владимирскаго полка.—Лагерный сборъ подъ Александрополемъ.—Смотръ августѣйшаго генералъ-инспектора кавалеріи.—Двухъ-вѣковое доблестное служеніе Нижегородскаго полка.—Приготовленія къ юбилейнымъ празднествамъ.—Канунъ юбилея.—Конецъ двухсотлѣтняго юбилея полка.—Прибытіе въ Тифлисъ Великаго Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА.—Новый полковой штандартъ.

Наступилъ знаменательный 1901-й годъ, когда Нижегородскій Его Величества полкъ, уже въ апогеѣ славы, готовился вступить въ третье столѣтіе своей исторической жизни.

Какъ минувшій, такъ и настоящій года были, можно сказать, годами преимущественно юбилейными. Большая часть полковъ, создан-

ныхъ Великимъ Петромъ въ эпоху борьбы нашей со шведами, ведутъ свое начало именно съ этого времени. Это были первые русскіе полки, положившіе основаніе регулярной арміи тогда еще небольшой, но впослѣдствіи развившейся въ могучую, неодолимую силу. Въ прошломъ году Нижегородцы приняли дѣятельное участіе въ юбилейныхъ празднествахъ двухъ старыхъ кавказскихъ полковъ: Грузинскаго и Апшеронскаго. Теперь на очереди стояли сами Нижегородцы; но предварительно имъ нужно было отпраздновать еще двухвѣковой юбилей Владимирскихъ драгунъ, когда-то вмѣстѣ съ ними составлявшихъ на Кавказѣ одну кавалерійскую бригаду. Вмѣстѣ, подъ начальствомъ Суворова, рубились они съ ногайцами; съ Гудовичемъ ходили на приступъ Анапы; съ Зубовымъ брали Дербентъ и завоевали все каспійское побережье. Но ходъ военныхъ событій скоро разлучилъ между собою эти оба полка: Нижегородцы ушли съ кавказской линіи въ Грузію, а Владимирцы, въ эпоху отечественной войны, вызваны были въ Россію. Судьбы полковъ съ тѣхъ поръ были уже совершенно иныя.

Привѣтствовать владимирцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ маститаго шефа ихъ великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго въ то же время и августѣйшимъ однополчаниномъ Нижегородцевъ, отъ полка послана была особая депутація въ составѣ подполковника князя Церетели, штабсъ-ротмистра Шереметева 2-го, поручика барона Мейндорфа и вахмистра Кононова.

Депутація эта отправилась въ Ново-Минскъ Варшавской губерніи и тамъ имѣла счастіе представиться великому князю Михаилу Николаевичу, лично прибывшему на праздникъ владимирцевъ. Желая еще болѣе сблизить оба полка и закрѣпить между ними вѣковую дружбу, его высочество на торжественномъ актѣ прибивки новаго штандарта вызвалъ депутатовъ Нижегородскаго полка и предоставилъ имъ честь вбить гвозди въ древко вновь пожалованнаго владимирцамъ штандарта.

Въ самый день чествованія, 21-го мая, Нижегородцы отправили слѣдующую телеграмму на имя командира Владимирскаго полка полковника Сухомлинова:

„Съ гордостью вспоминая 25-ти-лѣтнюю совмѣстную боевую службу съ доблестными владимирцами на поляхъ Сѣвернаго Кавказа, Ниже-

городскій полкъ пьетъ за славу полка, за его командира, офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Сожалѣя, что полки не проводятъ этотъ день вмѣстѣ, какъ сто лѣтъ назадъ, утѣшаемъ себя мыслію, что среди васъ, въ знаменательный день 200-лѣтняго юбилея, находятся наши товарищи, которые выразятъ наши чувства и провозгласятъ славу полка на многіе годы".

Вторая телеграмма послана была на имя великаго князя: „Нижегородцы, живя памятью своихъ дѣдовъ и отцовъ, въ день двухъсотлѣтняго юбилея доблестнаго имени вашего императорскаго высочества Владимирскаго драгунскаго полка, слава котораго и понынѣ гремитъ на поляхъ Сѣвернаго Кавказа, осмѣливаются повергнуть къ стопамъ возлюбленнаго шефа ихъ, нашего августѣйшаго однополчанина, выраженія чувства самой беззавѣтной любви и поздравляютъ по случаю счастія владимирцевъ именовать ваше императорское высочество, маститаго полководца кавказской арміи, 50 лѣтъ шефомъ своего полка. Нижегородцы молятъ Бога продлить это счастіе на многія, многія лѣта на пользу отечества и во славу русскаго оружія"

Великій князь отвѣчалъ на это слѣдующею депешею:

„Окруженный моими владимирцами, я поднялъ бокалъ за славныхъ боевыхъ Нижегородцевъ, нашихъ многолѣтнихъ сподвижниковъ кавказской войны, сражавшихся рядомъ подъ знаменами Суворова. Большую радость сдѣлали намъ присылкою своихъ представителей, которыхъ присоединяемъ къ своей семьѣ".

А полковая жизнь Нижегородцевъ шла между тѣмъ своимъ чередомъ. 8-го мая полкъ участвовалъ въ общемъ майскомъ парадѣ, произведенномъ тифлисскому гарнизону на Александердорфскомъ полѣ; потомъ начались обычные смотры; отбыли полковой кампаментъ и, наконецъ, участвовали въ стрѣльбѣ, произведенной въ этомъ году по высочайшему повелѣнію генералъ-маіоромъ Нечаевымъ, причемъ Нижегородцы остались въ первомъ разрядѣ.

Исполнивъ все, что было предназначено ему по программѣ, полкъ выступилъ 14-го іюля въ спеціальный кавалерійскій сборъ, назначенный опять подъ Александрополемъ. Тамъ уже собраны были остальные драгунскіе полки и двѣ казачьи дивизіи. Прошли старымъ, знакомымъ уже путемъ на Воронцовку и Безабдальскій перевалъ, гдѣ ходили въ былые дни богатыри Паскевича и Бебутова. 23-го Іюля

полкъ прибылъ въ Александрополь, и съ обычнымъ радушіемъ былъ встрѣченъ хозяевами-Сѣверцами.

Мы не будемъ останавливаться на ходѣ строевыхъ занятій, такъ какъ они шли по разъ утвержденной программѣ, и только отмѣтимъ, что за ѣзду первый призъ въ этомъ году получилъ прикомандированный къ Нижегородскому полку Приморскаго драгунскаго полка корнетъ Новосильцевъ, а второй—корнетъ Тонъ. Первый призъ за скачки получилъ корнетъ Рыльскій: второй призъ достался офицеру Сѣверскаго полка, а третій Нижегородскаго полка штабсъ-ротмистру князю Гирею.

Послѣ испытанія офицеровъ, полки начали готовиться къ смотру августѣйшаго генералъ-инспектора кавалеріи. Его ожидали съ бодрымъ духомъ, такъ какъ всѣ предшествовавшія занятія давали полное право надѣяться, что полки представятся въ отличномъ видѣ. Корпусный командиръ, незадолго передъ тѣмъ смотрѣвшій Нижегородцевъ, писалъ въ своемъ приказѣ: „Что видъ полка молодецкій, бравый; равненіе отличное, движенія быстры и стройны. Несмотря на усиленную работу за послѣднее время, лошади въ хорошихъ тѣлахъ; есть нѣсколько перепавшихъ, но онѣ не портятъ общаго пріятнаго впечатлѣнія. Полкъ представился, какъ я и ожидалъ, въ блестящемъ состояніи—значитъ зимнія занятія велись правильно и дали отличные результаты".

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ нечего было задумываться передъ предстоявшимъ испытаніемъ. Но смотръ—дѣло удачи, и не всегда трудъ, усердіе и ревность вѣнчаются надлежащимъ успѣхомъ.

Великій князь прибылъ въ Александрополь 12-го Августа утромъ и въ тотъ же день произвелъ ученіе каждому полку отдѣльно; 13-го было ученіе дивизіи, а 14-го смотръ казаковъ. Въ первые два дня погода стояла ужасная; вѣтеръ гудѣлъ по всей александропольской равнинѣ и неистово трепалъ полковые штандарты, поднималъ гривы лошадей и вздымалъ тучи песку и пыли, буквально залѣплявшія глаза. Въ свистѣ вѣтра, въ густыхъ облакахъ пыли сигналы не доходили по назначенію и вызывали ошибки. Сосѣдніе эскадроны не видѣли другъ друга, полки держали невѣрные аллюры, разрывались, теряли интервалы, мѣшали другъ другу. Смотръ былъ неудачный, и въ результатѣ его явился слѣдующій приказъ по кавалеріи:

„Въ уставной подготовкѣ полковъ кавказской кавалерійской дивизіи я замѣтилъ нѣкоторые пробѣлы: аллюры не во всѣхъ полкахъ

вывѣрены, рысь не темписта, галопомъ шли въ нѣкоторыхъ случаяхъ размѣромъ меньше уставнаго (Тверской полкъ), и галопъ вовсе не настильный. Хотя условія смотра, въ особенности въ первый день, изъ за сильнаго порывистаго вѣтра были тяжелы, но при большемъ вниманіи ошибки были бы рѣже и исправлялись бы сноровистѣе...

„Сомкнутость и стройность движеній нерѣдко нарушались ошибками отдѣльныхъ эскадроновъ и не соблюденіемъ уставныхъ интерваловъ. Тоже замѣчалось въ ученьяхъ первой бригады и цѣлой дивизіи. Сборъ въ составѣ бригады и дивизіи исполнялся нехорошо. Полки другъ другу мѣшали и сборъ не выходилъ. На устраненіе этихъ пробѣловъ предлагаю командирамъ полковъ, бригадъ и начальнику дивизіи обратить особое вниманіе.

„Казачьи части представились прекрасно и съ тѣми оттѣнками, которые присущи Кавказскимъ казакамъ".

Августѣйшій инспекторъ кавалеріи однако милостиво отнесся къ этимъ недостаткамъ, вызваннымъ въ драгунскихъ полкахъ главнымъ образомъ неблагопріятными стихійными условіями, и передъ отъѣздомъ осчастливилъ своимъ присутствіемъ скромный офицерскій завтракъ. На этотъ завтракъ явились Нижегородскіе пѣсенники, и пѣли такъ хорошо, что великій князь тутъ же пожаловалъ лихому запѣвалѣ Бармину серебряные часы съ собственнымъ портретомъ.

Черезъ три дня послѣ отъѣзда великаго князя, Нижегородцы выступили обратно въ Тифлисъ, чтобы вмѣстѣ съ Сѣверцами, разбившими свой бивуакъ возлѣ казармъ Нижегородскаго полка, приготовиться къ торжественному празднованію двухъ-сотлѣтняго юбилея обоихъ полковъ.

Двѣсти лѣтъ старикамъ,
А гляди, какъ моложавы!
Знать конца не будетъ намъ,
Какъ конца нѣтъ нашей славы!—

Такъ говоритъ Нижегородская пѣсня.

Наступившее празднество общество офицеровъ Нижегородскаго полка встрѣтило далеко уже не въ томъ составѣ, въ которомъ прибыло сюда изъ Пятигорска. За послѣдніе четыре года, во время стоянки въ Тифлисѣ, много выбыло изъ него старыхъ офицеровъ —и въ ихъ числѣ полковники Карангозовъ и Панчулидзевъ, назначенные коман-

дирами драгунскихъ полковъ: первый Астраханскаго, а второй Нѣжинскаго. Это были послѣдніе георгіевскіе кавалеры, и съ ихъ уходомъ въ полку не осталось уже никого.

Оставляя позади себя два вѣка безупречнаго служенія русской землѣ и ея государямъ, Нижегородскій полкъ съ сознаніемъ исполненнаго долга могъ сказать, что тѣ великіе нравственные устои, которыми руководились всѣ сословія соименнаго ему Нижняго-Новгорода въ тяжелую минуту лихолѣтія; что тѣ патріотическія чувства, которыя выдвинули изъ среды ихъ Минина и Пожарскаго,—всѣцѣло перешли къ Нижегородскому полку вмѣстѣ съ гербомъ Нижегородской провинціи. Какъ по библейскимъ преданіямъ пророкъ Илія передалъ свою великую духовную силу ученику Елисею въ одеждѣ, такъ и Нижній-Новгородъ передалъ Нижегородскому полку свои высокія историческія преданія въ своемъ славномъ собственномъ имени.

Нижній-Новгородъ не былъ однако колыбелью полка. Колыбелью его былъ великій Новгородъ съ его знаменитыми пятинами, съ боярскими дѣтьми и помѣстнымъ дворянствомъ. Потомки исторически-знаменитой вольницы, прожившей цѣлые вѣка среди военныхъ бурь, приходившихъ съ запада и съ сѣвера, они внесли и въ новый полкъ тѣ же духовно-нравственныя силы, какими жили сами. Борьба, начатая Петромъ I-мъ со шведами, имѣла для нихъ свой особенный смыслъ—ея театромъ были тѣ самыя поля, гдѣ издавна лилась новгородская кровь, гдѣ древніе великіе князья Новгорода, и среди ихъ величавый герой русскаго сѣвера святой Александръ Невскій, полагали начало тому самому великому дѣлу, которому предстояло завершиться теперь.

Такова была родина нашего молодого полка, но при святомъ крещеніи на ратныхъ поляхъ желѣзомъ и кровью, Нижній-Новгородъ далъ ему свое историческое имя, и полкъ въ теченіи двухвѣковой своей жизни всегда находился на стражѣ русскихъ рубежей, всегда въ передовыхъ войскахъ, которымъ родина ввѣряла самые дорогіе, священные интересы.

Всматриваясь въ длинную историческую панораму прошлаго, слѣдя за длиннымъ пройденнымъ полкомъ путемъ, невольно останавливаешься на тѣхъ моментахъ, когда доблесть полка, вспыхивая особенно ярко, озаряла свѣтлыми пятнами тотъ общій, мрачный фонъ

картины, который набрасывался кровавыми штрихами среди непрерывныхъ походовъ и битвъ.

Прежде всего изъ глубины минувшихъ вѣковъ встаетъ передъ нами величавый образъ Петра, давшаго бытіе Нижегородцамъ въ знаменательный моментъ государственной жизни, когда Россія, начавъ великую Сѣверную войну, поставила на карту все свое будущее. Сформированный въ 1701 году, этотъ юный полкъ впервые появляется въ бояхъ при вторичной осадѣ Нарвы и затѣмъ при взятіи Ніеншанца, будущаго Петербурга, столицы и резиденціи великаго царя. Такимъ образомъ Нижегородскому полку, на самой зарѣ его исторіи, выпало исключительное счастье быть участникомъ величайшаго въ XVIII вѣкѣ событія, имѣвшаго неотразимое вліяніе на всѣ дальнѣйшія судьбы русскаго государства. „Небывалое бываетъ"—вотъ лаконическая надпись, начертанная Петромъ I-мъ на боевой медали, которая украсила собою грудь Нижегородскаго драгуна. Въ длинномъ ряду послѣдующихъ медалей—это была первая.

Въ полтавскомъ бою первое шведское знамя, взятое въ жестокой кавалерійской сѣчѣ, было добыто Нижегородскимъ полкомъ. Съ тѣхъ поръ берега Балтійскаго моря, Померанія, Пруссія, Польша, Финляндія, Молдавія, прославленныя поля Кагула и Ларги, крѣпость Святого Креста у горъ Дагестана, Дунай и Крымъ—видѣли его штандарты и были свидѣтелями его подвиговъ. Изъ конца въ конецъ исходилъ онъ Россію, побывалъ въ широкихъ Оренбургскихъ степяхъ, истребляя пугачевскія шайки, гонялся за калмыками въ низовьяхъ Волги и, наконецъ, въ 1783 году, вмѣстѣ съ Суворовымъ является онъ на Кавказѣ,—и съ тѣхъ поръ его уже не покидаетъ. На Кавказѣ и въ Закавказьѣ, въ Персіи и въ Азіатской Турціи не много мѣстъ, гдѣ бы не было пролито крови Нижегородскихъ драгунъ, могильныхъ холмовъ, подъ которыми бы не покоились ихъ кости. Только одна холодная Сибирь, только одинъ Дальній Востокъ не видѣли его штандартовъ,—но это уже дѣло будущаго.

Съ этимъ то славнымъ прошлымъ Нижегородскій полкъ и вступалъ въ третье столѣтіе своего существованія.

Сначала празднованіе юбилея пріурочено было ко дню полкового праздника, т. е. къ 27 ноября, но такъ какъ Сѣверскому полку, выдѣленному изъ Нижегородскаго сравнительно въ недавнее время, при-

ходилось бы въ этомъ случаѣ праздновать свой юбилей 8-го сентября, слѣдовательно, ранѣе Нижегородскаго, что не соотвѣтствовало смыслу старшинства частей, то Государю Императору благоугодно было повелѣть праздновать юбилей обоихъ полковъ одновременно 8-го сентября. Это было удобно еще въ томъ отношеніи, что по расписанію лѣтнихъ занятій, оба полка должны были находиться въ это время въ Тифлисѣ и, слѣдовательно, могли провести этотъ знаменательный день вмѣстѣ. Въ то же время Государь соизволилъ утвердить юбилейный жетонъ, составленный по рисунку художника А. П. Сафонова; жетонъ былъ одинъ и тотъ же для обоихъ полковъ, какъ эмблема ихъ неразрывнаго единенія. На одной сторонѣ, принадлежавшей Нижегородцамъ, изображены были на малиновой эмали золотые аксессуары: копье съ бѣлымъ георгіевскимъ крестомъ, перевитое широкою георгіевскою лентою, а надъ копьемъ вензеля двухъ императоровъ Петра I-го и Николая II-го; посрединѣ жетона щитъ съ изображеніемъ льва, какъ эмблемы мужества, а по сторонамъ его надпись: 1701—1901 года; внизу шитье офицерскаго мундира. Жетонъ Сѣверскаго полка отличается только тѣмъ, что аксессуары на немъ были серебряные, и не было щита, а вмѣсто него надпись 1701—1901 года.

Одновременно съ тѣмъ великій князь Михаилъ Николаевичъ въ высокомъ вниманіи къ полку выразилъ желаніе, чтобы командиръ полка заблаговременно представилъ проектъ, чѣмъ бы желали Нижегородцы ознаменовать торжественный день своего юбилея съ тѣмъ, что проектъ этотъ будетъ повергнутъ имъ на высочайшее воззрѣніе.

Полковникъ Петровъ отъ имени полка выразилъ слѣдующія желанія:

1) Учредить при тифлисскомъ кадетскомъ корпусѣ стипендію имени Нижегородскаго полка.

2) Какъ видимое проявленіе радости служившихъ и служащихъ въ полку офицеровъ поднести отъ ихъ имени въ офицерское собраніе серебряную вазу на вѣчное воспоминаніе объ этомъ событіи.

3) Всѣхъ нижнихъ чиновъ благословить иконами Знаменія Божіей матери, искони чествуемой Нижегородцами, и каждому изъ нихъ дать кружку и угощеніе въ платкѣ, на которомъ будутъ изображены отличія полка и

4) Въ знакъ неразрывной братской дружбы поднести Сѣверскому полку подарокъ.

Средствомъ для осуществленія этого проекта, писалъ полковникъ Петровъ, являются частныя пожертвованія старыхъ и новыхъ служащихъ въ полку офицеровъ, и ходатайство по командѣ объ отпускѣ полку пяти тысячъ изъ экономическаго капитала.

Государь Императоръ соизволилъ утвердить проектъ, повелѣвъ при этомъ, чтобы избраніе кандидатовъ на стипендію при тифлисскомъ корпусѣ предоставлено было командиру полка*); вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было принять заведеніе юбилейныхъ кружекъ на свои личныя средства, пожаловать полку на юбилейныя празднества пять тысячъ рублей изъ собственнаго кабинета,

*) Первымъ стипендіаторомъ въ томъ же 1901 году былъ избранъ Георгій Танутровъ, сынъ стараго Нижегородца подполковника Танутрова.

и выразить желаніе, чтобы исторія Нижегородскаго полка была продолжена до юбилейнаго дня.

Но было у Нижегородцевъ еще одно завѣтное желаніе: въ полку уже около полутораста лѣтъ хранились, вмѣстѣ съ полковыми регаліями, серебряныя литавры и 20-ть длинныхъ серебряныхъ трубъ-тромбоновъ, входившихъ въ царствованіе Екатерины Великой въ число музыкантскихъ инструментовъ, положенныхъ по штату. Онѣ пожертвованы были полку въ 1767 году однимъ изъ его полковыхъ командировъ полковникомъ Панинымъ, съ которымъ полкъ пережилъ много знаменательныхъ минутъ въ славнѣйшихъ бояхъ Екатериненскаго вѣка.

Шли годы, трубы-тромбоны вышли изъ употребленія, литавры были отмѣнены, но панинскій даръ—свидѣтель той заповѣдной годины, когда только что всходила еще яркая звѣзда Нижегородской славы, полкъ сумѣлъ сохранить у себя въ теченіе цѣлыхъ полутораста лѣтъ, передавая его отъ одного поколѣнія къ другому. И чѣмъ далѣе отодвигалась отъ насъ та эпоха, тѣмъ эти массивныя, украшенныя двуглавыми орлами, литавры пріобрѣтали все болѣе и болѣе историческое значеніе, какъ единственный предметъ, на которомъ еще уцѣлѣло изображеніе старинаго полкового герба.

А были дни, когда эти самыя литавры и трубы, сопровождая полкъ въ строю, побѣдно гремѣли подъ стѣнами Бара и Кракова, на валахъ Журжи, на берегахъ Дуная, на поляхъ Кагула и Ларги. Одного имени „Кагулъ" уже достаточно, чтобы оправдать желаніе Нижегородцевъ обратить эти забытые остатки сѣдой старины въ живую хартію славнаго прошлаго. „Литавры и трубы, писалъ полковникъ Петровъ въ рапортѣ, неразлучно находились съ полкомъ, вывозились въ строй, и были свидѣтелями боевой славы Нижегородцевъ. Теперь, приближаясь къ двухсотлѣтнему юбилею, не признается ли возможнымъ повергнуть къ стопамъ державнаго шефа полка просьбу, узаконить ихъ причисленіемъ къ полковымъ регаліямъ и выносить въ строй *), дабы они, напоминая дѣянія предковъ, служили-бы полку залогомъ его дальнѣйшаго будущаго".

*) Въ настоящее время два армейскіе драгунскіе полка С.-Петербургскій и Орденскій сохранили у себя въ строю старинные литавры.

Но этому желанію не суждено было осуществиться. Представленіе, сдѣланное офиціальнымъ путемъ по командѣ, не было пропущено, какъ заключавшее въ себѣ ходатайство внѣ правилъ и закона.

Заканчивая говорить о приготовленіяхъ полка къ юбилейному дню, остается добавить, что къ этому же времени на средства полка издана была особая прекрасная „Памятка“ для нижнихъ чиновъ, подъ названіемъ „Доблесть Нижегородца“, составленная прикомандированнымъ къ полку генеральнаго штаба полковникомъ Чернозубовымъ. Помимо царскихъ кружекъ съ портретами двухъ императоровъ Петра I-го и Николая II-го, полкомъ заведены были для нижнихъ чиновъ еще фарфоровые кружки съ изображеніемъ на нихъ знаковъ отличій, заслуженныхъ полкомъ въ его исторической жизни *).

Для увѣковѣченія же памяти о двухъ-вѣковомъ юбилеѣ въ семействахъ офицеровъ, учрежденъ золотой дамскій жетонъ, — гербъ Нижегородской губерніи, съ изображеніемъ надъ нимъ вензелеваго имени двухъ императоровъ подъ короной, и надпись: „200 лѣтъ“.

Для полкового собранія изготовлена на средства офицеровъ громадная серебряная ваза для цвѣтовъ, чеканная, въ стилѣ Людовика XVI-го, съ тремя конными фигурами драгунъ, съ барельефами, съ гербами въ щитахъ и гравированными подписями всѣхъ офицеровъ.

Для Сѣверскаго полка приготовленъ былъ подарокъ — большая серебряная ваза, украшенная лошадиными головами; посрединѣ — олень, старинный гербъ Нижегородцевъ. Пьедесталъ окруженъ рельефными изображеніями: георгіевскихъ штандартовъ, трубъ, ружей и шашекъ. Наверху—конная фигура Сѣверскаго драгуна со штандартомъ въ рукѣ.

Теперь перейдемъ къ описанію кануна самого празднества.

Чествованіе великаго юбилейнаго дня началось еще 7-го сентября заупокойною литургіею по убитымъ и скончавшимся; самая же панихида совершилась въ присутствіи всего полка, собраннаго на площади передъ своими казармами. Въ строй были вынесены и полковые штандарты. Коротка, но полна глубокаго значенія была рѣчь полкового священника отца Евфимія на тему „больше сія любве никто же имать, да кто

*) Эти кружки замѣнили собою предложенныя сначала платки съ тѣми же самыми изображеніями.

душу свою положитъ за други своя". Вѣдь именно такую то любовь и проявили Нижегородцы, честно сложившіе свои головы въ безчисленныхъ бояхъ, защищая своихъ братьевъ, отечество, святую церковь. Онъ говорилъ насколько священны должны быть для насъ завѣты и самыя имена усопшихъ, которые, отходя въ вѣчность отъ нашей временной жизни, оставляли полку ничѣмъ незапятнанное имя и славу, добытую ими собственною кровью. Они оставили намъ доброе наслѣдство, и мы должны сохранить его, подражая въ мужествѣ предкамъ, дабы, когда прійдетъ часъ, и насъ помянули въ молитвахъ потомки.

Невыразимо трогательно звучали молитвы священника объ усопшихъ благовѣрныхъ царяхъ и царицахъ, о вòинахъ, положившихъ животъ свой на брани и въ мірѣ скончавшихся, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ.

Пропѣли вѣчную память и начался другой священный обрядъ—прощаніе Нижегородцевъ со старыми штандартами. Эти штандарты уже отслужили свой срокъ; они не поведутъ Нижегородцевъ въ битвы и мирно будутъ стоять передъ святымъ алтаремъ, какъ хартіи, на которыхъ начертаны въ поученіе потомству „дѣла стародавнихъ минувшихъ временъ, преданья не вянущей славы".

Справа по одному подходили драгуны къ святому кресту, и священникъ каждому изъ нихъ вручалъ на память наступающаго юбилея небольшую икону Знаменія Божіей Матери. Принявъ благословеніе, драгуны подходили къ наклоненнымъ штандартамъ и, поклонившись имъ до земли, цѣловали ихъ полотнища.

Въ тотъ же день въ 5 часовъ дня всѣ офицеры и эстандартъ-юнкера Нижегородскаго и Сѣверскаго полковъ, всѣ вахмистра, штабсъ-трубачи, по одному унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ отъ каждаго эскадрона, собрались во дворецъ командующаго войсками, чтобы присутствовать при торжественной церемоніи, прибивкѣ къ древкамъ ихъ новыхъ штандартовъ.

Въ дворцовой залѣ на двухъ столахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, возлежали эти два новые развернутые штандарты—Нижегородскій и Сѣверскій. Оба они были одинаковы: на бѣломъ полотнищѣ, окаймленномъ широкимъ малиновымъ бордюромъ съ золотыми надписями, съ одной стороны выткана икона Спаса Нерукотвореннаго, съ другой—императорскій вензель.

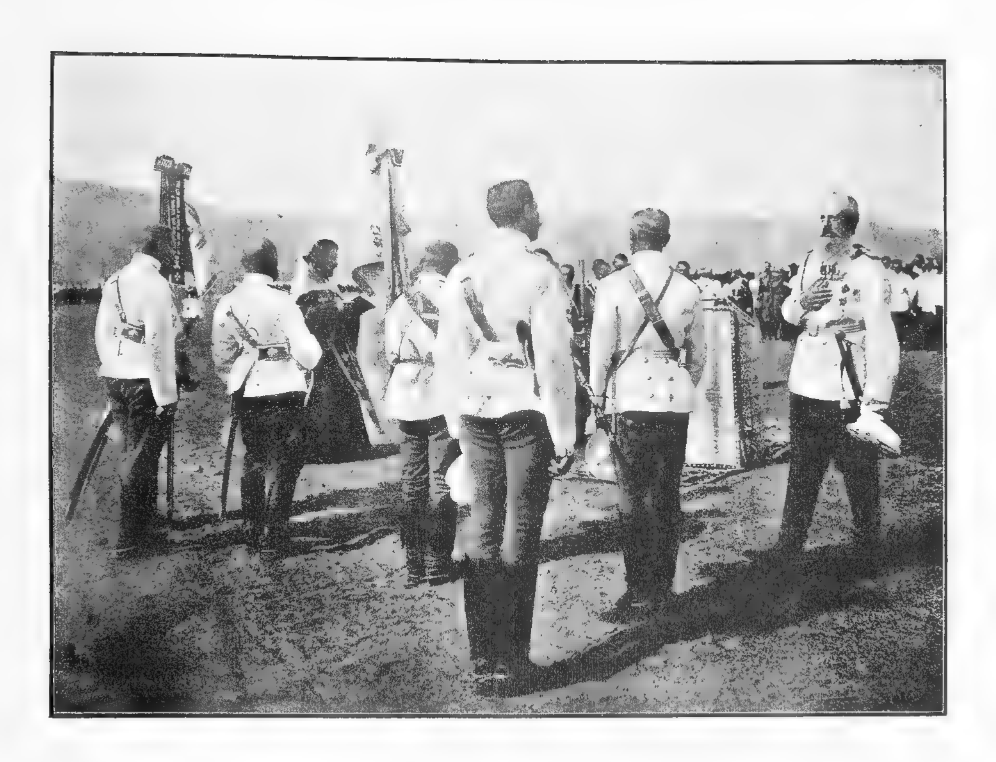
Полковая серебряная ваза.

Въ 7 часовъ вечера съ экстреннымъ поѣздомъ изъ Боржома прибылъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Благоговѣйная тишина царила въ залахъ, когда великій князь фельдмаршалъ вошелъ въ мундирѣ Нижегородскаго полка, сопровождаемый королевою эллиновъ Ольгой Константиновной, великимъ княземъ Георгіемъ Михаиловичемъ съ его августѣйшею супругою Маріей Георгіевной, великою княжною Еленой Владимировной и греческими королевичами Андреемъ и Христофоромъ Георгіевичами. Поздоровавшись со всѣми присутствующими, его высочество немедленно приступилъ къ великому военному обряду,—къ прибивкѣ священныхъ хоругвій къ ихъ древкамъ. Принявъ поднесенный ему серебряный молотокъ и осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, великій князь вбилъ первый гвоздь въ Нижегородскій штандартъ; за нимъ исполнили тотъ же обрядъ королева эллиновъ, прочіе члены царской фамиліи, начальствующія лица, бывшіе командиры полка, собравшіеся въ Тифлисѣ на это торжество и, наконецъ, офицеры и нижніе чины—представители эскадроновъ. Такой же обрядъ совершенъ былъ и надъ штандартомъ Сѣверскаго полка. Когда послѣдній гвоздь былъ вбитъ, великій князь собственоручно подвязалъ къ штандартамъ юбилейныя, а потомъ широкія георгіевскія ленты, и, снова осѣнивъ себя крестомъ, поднялъ штандарты и вручилъ ихъ двумъ унтеръ-офицерамъ, старѣйшимъ ветеранамъ полковъ.

Затѣмъ великій князь вызвалъ офицеровъ Нижегородскаго полка и вошелъ съ ними въ сосѣдній залъ, гдѣ на особомъ столѣ красовалась великолѣпная братина — даръ полку его державнаго шефа. Великій князь отъ имени Государя передалъ Нижегородцамъ поздравленіе Его Величества и собственноручно вручилъ имъ царскій подарокъ. Эта громадная позолоченная братина имѣетъ видъ древней славянской ладьи, украшенной двуглавыми орлами, а кругомъ на такомъ же серебряномъ вызолоченномъ подносѣ 42 чарки—всѣ изъ чистаго золота съ тонкою художественною чеканкой и эмалью. На братинѣ надпись: „Офицерскому собранію Нижегородцевъ отъ ихъ Шефа. 1701—1901 г. г.“. Затѣмъ слѣдуетъ перечень всѣхъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ полкъ на Кавказѣ.

Первый актъ юбилейнаго празднества былъ законченъ. А мечты присутствующихъ невольно уносились далеко-далеко, въ то давно ми-

нувшее время, когда за 73 года передъ этимъ въ томъ же самомъ дворцѣ, быть можетъ въ той же самой залѣ, происходила точно такая же церемонія, и тѣ же Нижегородцы—дѣды нынѣшняго поколѣнія, тѣснились вокругъ стола, на которомъ лежали три новые георгіевскіе штандарта. Это были первыя реликвіи, заслуженныя полкомъ въ персидскую войну,—и первый гвоздь въ ихъ древкѣ былъ вбитъ рукою графа Паскевича-Эриванскаго.



VIII.

ДВУХСОТЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ПОЛКА.

День 8-го сентября 1901 года.—Парадъ и освященіе штандарта.—Царскія милости полку.—Подарки и адреса.—Двухъ-дневныя юбилейныя празднества.—Столѣтній юбилей присоединенія Грузіи.—Депутація Нижегородскаго полка въ Петербургѣ.—Полковой праздникъ 1901 года.

Съ ранняго утра, 8-го сентября, на полковомъ плацу, за церковью „Дальней Варвары“, стали собираться массы народа; сюда же съѣзжались генералы, начальники отдѣльныхъ частей и учрежденій, офицеры тифлисскаго гарнизона, депутаціи отъ разныхъ кавказскихъ полковъ, представители тифлисскаго дворянства, во главѣ со своимъ предводителемъ, городской голова съ членами управы, иностранные консулы и проч. и проч. По срединѣ поля устроенъ былъ красивый

павильонъ, убранный коврами, восточными тканями и зеленью. Надъ шатромъ развѣвались русскіе и греческіе флаги. У входа въ павильонъ стояли одѣтые въ мундиры старыхъ образцовъ Нижегородцы. Каждая форма имѣла своего представителя, такъ что передъ зрителями проходили всѣ эпохи, пережитыя полкомъ отъ Петра до нашего времени. Нѣсколько поодаль стоялъ аналой, а возлѣ него небольшой наметъ, предназначенный для высочайшихъ особъ на время богослуженія.

Прекрасную картину военнаго поля дополняла темная масса двухъ кавалерійскихъ полковъ, стоявшихъ неподвижно развернутымъ фронтомъ. Правѣе—Нижегородцы на гнѣдыхъ, лѣвѣе—сѣверцы на вороныхъ коняхъ. Раздалась команда: „Смирно г.г. офицеры"!—и трубачи затрубили „походъ",—вдали показались старые штандарты, свидѣтели славнаго боевого прошлаго обоихъ полковъ. Это была уже послѣдняя торжественная встрѣча ихъ, и штандарты шагомъ проѣхали вдоль фронта, какъ бы давая драгунамъ время проститься съ ними навсегда.

Въ началѣ 10 часа утра прибылъ августѣйшій фельдмаршалъ, въ сопровожденіи прочихъ высочайшихъ особъ. Какъ только королева эллиновъ, великая княгиня Марія Георгіевна и великая княжна Елена Владимировна вышли изъ экипажей, имъ поднесены были роскошные букеты изъ живыхъ цвѣтовъ съ малиновыми лентами, на которыхъ вышито было шелками: „Нижегородскіе и Сѣверскіе драгуны". Сопровождавшимъ ея величество статсъ-дамѣ и фрейлинѣ также поднесены были букеты, перевитые малиновыми лентами, на которыхъ вышиты были монограммы обоихъ полковъ. Затѣмъ греческой королевѣ и ихъ высочествамъ были представлены дамы, приглашенныя въ ту же ротонду.

Въ то же время великій князь верхомъ, окруженный огромной свитой, и сопровождаемый могучимъ „ура", которымъ кавказскія войска привыкли встрѣчать своего любимаго вождя, объѣзжалъ полки и поздравлялъ ихъ съ юбилеемъ. Но вотъ его высочество, окончивъ объѣздъ, остановился передъ срединой фронта и среди наступившей тишины, раздался его звучный голосъ: „Государь Императоръ поручилъ мнѣ поздравить васъ съ двухсотлѣтнимъ юбилеемъ. Его Величеству благоугодно было въ этотъ день возстановить въ Нижегород-

скомъ полку георгіевскія петлицы на обшлагахъ нижнихъ чиновъ и зачислить себя въ списки Сѣверскаго полка". Когда смолкло новое „ура", великій князь подозвалъ къ себѣ генерала-отъ-кавалеріи князя Амилахвари и объявилъ, что Государь Императоръ поручилъ поздравить его, какъ старѣйшаго Нижегородца, генералъ-адъютантомъ. Онъ обнялъ передъ войсками своего стараго боевого сподвижника и тутъ же передалъ ему генералъ-адъютантскіе эксельбанты.

Снова раздалась команда: „Смирно! подъ штандарты". И старые полковые клейноды, отдѣлившись отъ фронта, медленно, въ сопровожденіи взводовъ, пошли со смотрового поля. Эти штандарты осѣняли собою ряды полка въ смертельныхъ бояхъ; они истрепаны временемъ, непогодой, окурены пороховымъ дымомъ — на нихъ благородная кровь Нижегородцевъ. Всѣ слѣдили глазами, какъ они, слегка колеблемые вѣтромъ, удалялись съ поля, чтобы занять почетное мѣсто передъ святымъ алтаремъ въ полковой церкви.

Когда они скрылись изъ виду, вдали показался новый развернутый штандартъ, предшествуемый полковымъ адъютантомъ ротмистромъ княземъ Ратіевымъ. Онъ сталъ передъ аналоемъ, куда въ то же время подошелъ штандартъ и Сѣверскаго полка.

Хороши, красивы были эти клейноды, но присутствующимъ невольно приходила въ голову мысль: придетъ время, и эти, теперь еще такіе новенькіе, блестящіе штандарты въ свою очередь примутъ огненное крещеніе, окурятся порохомъ, истрепятся въ клочья и временемъ и вражескими пулями, а Нижегородцы и Сѣверцы, глядя на нихъ, будутъ говорить съ гордостью:

Тебя разили вражьи пули,
А ты вился въ бояхъ.
И не сломили, не согнули
Тебя у насъ въ рукахъ.

Штандарты не были встрѣчены военными почестями: для нихъ еще не настало время—ожидалось благословеніе церкви и царское слово, узаконявшее ихъ стать въ число полковыхъ реликвій. И вотъ, снова раздалась команда: „Гг. офицеры!"—и полковые командиры прочитали передъ фронтомъ высочайшія грамоты.

Вотъ грамота, пожалованная Нижегородскому полку:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

Мы, Николай Вторый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

И прочая, и прочая, и прочая.

44-му Драгунскому Нижегородскому Имени Нашего полку.

По случаю совершенія нынѣ двухсотъ лѣтъ со времени учрежденія Императоромъ Петромъ I Великимъ, въ 1701 году, драгунскаго Морелія полка, названнаго затѣмъ Нижегородскимъ драгунскимъ и, по присоединеніи къ нему драгунскаго князя Ивана Львова Астраханскаго полка, переименованнаго впослѣдствіи въ 44-ый драгунскій Нижегородскій Имени Нашего полкъ, Всемилостивѣйше жалуемъ полку сему препровождаемый при семъ новый Георгіевскій Штандартъ съ надписью: „1701—1901", съ сохраненіемъ и прежней на штандартѣ надписи „за отличіе", оказанное въ Персидскую войну 1826, 1827 и 1828 гг., за отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851 г. и въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24 Іюля 1854 года. Повелѣваемъ штандартъ сей, освятивъ по установленію, употреблять на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

„Николай".

Начался чинъ освященія. Торжествененъ и великъ этотъ обрядъ. Среди глубокой тишины раздавалась только молитва священника: „Всѣсильный и Превѣчный Боже, молилъ онъ, призри на молитву нашу и на сіи хоругви, юже на дѣло брани приготовлены. Небеснымъ Твоимъ благословеніемъ осѣни, благослови и освяти ихъ. Да будутъ вѣрному Твоему воинству на супротивные языки побѣда и одолѣніе, и да бѣгутъ передъ ними всѣхъ супостатовъ нашихъ полки“. Благоговѣйно склоняя головы, слушали всѣ эту молитву и глубоко западало въ душу каждое слово священника. Послѣ благословенія и окропленія святою водою штандартовъ, полковой священникъ Нижегородскаго полка произнесъ прекрасную рѣчь, сказавъ: „Да объединятъ эти священныя хоругви, украшенныя ликомъ всемилостивѣйшаго Спаса, всѣхъ васъ доблестныхъ воиновъ въ самоотверженномъ исполненіи своего патріотическаго долга. Страшныя врагамъ Россіи, да будутъ онѣ вамъ въ знаменіе помощи отъ Бога, дабы во славу Его путемъ православной вѣры, добра и правды, мужественно, не взирая ни на какія преграды, служить къ благоденствію, величію и славѣ царя и дорогой родины. Да разумѣютъ языцы, яко съ нами Богъ“.

Началась присяга. Всѣ громко повторяли за священникомъ каждое слово. Полковые командиры придерживали рукою полотнища штандартовъ. Церковный обрядъ окончился при словахъ священника, обращенныхъ къ великому князю: „Прими хоругвь сію, небеснымъ благословеніемъ освященную. Буде же та врагамъ христіанскаго рода страшна и ужасна, и да дастъ ти Господь благодать ко славѣ пресвятаго имени Своего, да тою не вредимъ и мужественъ пройдеши вражіи ополченія“. Великій князь, осѣнивъ себя крестомъ, принялъ изъ рукъ его освященныя хоругви и, поцѣловавъ ихъ, передалъ колѣно-преклоненнымъ полковымъ командирамъ; тѣ, въ свою очередь, передали ихъ унтеръ-офицерамъ, и новые штандарты, гордо развѣваясь въ воздухѣ, двинулись къ полкамъ, впервые встрѣтившихъ ихъ военными почестями. Не удержимое „ура“ неслось къ нимъ на встрѣчу, и этотъ русскій побѣдный кличъ не прекращался, пока штандарты, по объѣздѣ полковъ, не стали на свои мѣста. Послѣ этого драгунская бригада прошла церемоніальнымъ маршемъ и направилась въ свои казармы. Торжественный актъ заключился телеграммой, посланной Нижегородскимъ полкомъ своему державному шефу:

„Въ высоко-торжественный день двухсотлѣтняго юбилея полка, Нижегородцы, вознеся горячія молитвы о здравіи и благоденствіи своего возлюбленнаго шефа, повергаютъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства беззавѣтной любви и преданности, и подъ сѣнію новаго штандарта приносятъ клятву служить вѣрой и правдой обожаемому монарху и дорогому отечеству“.

Между тѣмъ всѣ высочайшія особы и приглашенные гости прибыли къ казармамъ Нижегородскаго полка, гдѣ подъ особымъ навѣсомъ приготовлены были большіе столы, съ разставленными на нихъ полковыми подарками. Но прежде, чѣмъ приступить къ ихъ осмотру, оба полковые командира встрѣтили великаго князя Михаила Николаевича и, какъ августѣйшему однополчанину, поднесли золотой юбилейный жетонъ. Принимая его, великій князь выразилъ сожалѣніе, что его подарокъ, приготовленный полкамъ, еще не прибылъ въ Тифлисъ. Это были двѣ чеканныя шашки, по одной на полкъ, которыя должны были надѣваться штандартными унтеръ-офицерами каждый разъ, когда штандарты вывозились въ строй.

Обойдемъ же вмѣстѣ со всѣми этотъ длинный рядъ столовъ и посмотримъ, чѣмъ именно обогатилась въ этотъ день полковая сокровищница Нижегородцевъ.

Первое мѣсто и по своему значенію, и по цѣнности, и по роскоши отдѣлки, конечно, занималъ царскій подарокъ, о которомъ мы говорили. Затѣмъ изъ другихъ подарковъ выдѣлялась прекрасная аллегорическая группа, поднесенная полку отъ сѣверцевъ. Она изображаетъ скалу, увѣнчанную двумя конными фигурами: старый Нижегородецъ передаетъ молодому сѣверцу полковой штандартъ. Поднося эту группу, командиръ Сѣверскаго полка полковникъ Битный-Шляхто сказалъ глубоко прочувствованную рѣчь: „Сердечный привѣтъ и высокую честь примите, славные Нижегородцы, отъ братьевъ вашихъ сѣверскихъ драгунъ въ знаменательный день безпримѣрно доблестнаго двухъ-вѣковаго служенія царямъ и дорогой отчизнѣ. Не прошло еще полувѣка, какъ сѣверцы были тѣми же Нижегородцами. 156 лѣтъ громкая слава ихъ неустанно вырубалась острою Нижегородскою шашкою на древкахъ вражескихъ знаменъ, и много, много этихъ знаменъ, добытыхъ вашею честною кровью, стоятъ на святой Руси и въ храмахъ Божіихъ и въ ея музеяхъ.

„Но Русь крѣпчала, ширилась и множилось число ея враговъ. Ей стали нужны новые полки. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всемъ, Нижегородцы сослужили отечеству добрую службу. Вы разстались тогда съ цѣлою половиною вашей единодушной, кровью спаянной семьи. Вы отдѣлили отъ себя молодецкіе эскадроны, которые въ грозной кюрюкъ-даринской битвѣ одни отстояли нашъ лѣвый флангъ, которые по завѣту отцовъ своихъ легли костьми, но не пустили впередъ вражескіе баталіоны. Изъ этихъ эскадроновъ вы создали новаго, вѣрнаго служаку царю и отечеству—полкъ Сѣверскій. Вмѣстѣ съ вашими георгіевскими штандартами, вы щедро передали ему вашъ мощный несокрушимо-доблестный Нижегородскій духъ. И сѣверцы не зарыли въ землю унаслѣдованнаго отъ васъ таланта. На кровавомъ пиру, на поляхъ Аравартана, они напомнили міру, что составляютъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови славныхъ Нижегородцевъ. Широкія ленты ордена святого Георгія І-го класса, повязанныя на наши штандарты собственоручно августѣйшимъ побѣдоноснымъ вождемъ побѣдоносной кавказской арміи, служатъ живымъ доказательствомъ, что завѣты старшаго брата сохранены нами свято.

„Прими же, старшій братъ нашъ, въ знакъ непоколебимой преданности и искренняго стремленія подражать тебѣ въ службѣ царской, наше подношеніе, какъ нерушимый залогъ нашего духовнаго единенія“.

Изъ другихъ подарковъ также выдѣлялся по мысли и исполненію—подарокъ Грузинскаго полка. Группа изображаетъ русскій колодецъ съ висячею бадьею и корытомъ; Нижегородскій драгунъ подъѣзжаетъ на усталомъ конѣ и поитъ его, не слѣзая съ сѣдла, а грузинецъ въ походной формѣ подаетъ напиться самому драгуну.

Городъ Нижній-Новгородъ, въ память доблестнаго служенія полка, который въ теченіи почти двухъ вѣковъ съ такою славою носилъ имя этого историческаго города, поднесъ образъ Спасителя, серебряную братину, адресъ, напечатанный золотыми буквами, и большихъ размѣровъ альбомъ съ Нижегородскими видами. Богатая массивная братина съ двѣнадцатью чарками, поставленная на такомъ же массивномъ подносѣ съ гербомъ Нижняго-Новгорода, имѣетъ надпись: „Празднику златъ вѣнецъ, а хозяину пить на доброе здоровье“. Поднося эти вещи, членъ нижегородской управы между прочимъ сказалъ:

„На страницы безпримѣрной исторіи полка занесены дѣла, отъ которыхъ вѣетъ геніемъ Великаго Петра и могучимъ животворящимъ духомъ великаго патріота Нижегородца Косьмы Минина. Вотъ почему Нижегородскій Его Величества полкъ—полкъ героическій, славный, непобѣдимый во вѣки. Да благословитъ васъ, славные Нижегородцы, Господь вседержитель, священный ликъ котораго вручаетъ вамъ представитель города на вѣчную крѣпость духа и силы, и да хранитъ Онъ полкъ на славу дорогого всѣмъ намъ отечества. Въ знакъ братскаго единенія насъ-обывателей и васъ героевъ примите эту братину; альбомъ же пусть познакомитъ васъ съ внѣшними видами города".

Эриванцы поднесли серебряный ковшъ, на которомъ вычеканены знаки ордена св. Георгія I-ой степени, офицерское шитье на мундирахъ и старый полковой гербъ Нижегородцевъ. Отъ офицеровъ кавказской гренадерской артиллерійской бригады изящную подставку для меню. Командиръ полка полковникъ Петровъ пожертвовалъ серебряныя вызолоченыя чарки для водки, а полковыя дамы поднесли офицерскому собранію четыре великолѣпныя серебряныя вазы для фруктовъ.

Затѣмъ слѣдовали подарки отъ бывшихъ полковыхъ командировъ и старыхъ Нижегородцевъ: отъ князя Васильчикова большой серебряный походный приборъ для питья; отъ генерала Бибикова серебряная братина съ вылитою на ней фигурой коннаго драгуна въ формѣ 1898 года; отъ генерала Кусова серебряная осетинская чаша; отъ ротмистра Алтухова кубокъ; отъ полковника Шишкова маска Петра Великаго, какъ основателя полка; отъ полковника Панчулидзева икона святого Георгія Побѣдоносца.

Причтъ адмиралтейскаго собора въ городѣ Николаевѣ: протоіерей Дормидонтъ Твердый и священникъ Александръ Рыбчинскій (отецъ полкового священника) поднесли икону Касперовской Божіей Матери въ серебряной вызолоченой ризѣ, украшенной короной и каменьями.

Затѣмъ генералъ-лейтенантъ графъ Ностицъ пожертвовалъ полку 3 тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты съ него, въ количествѣ 128 рублей должны выдаваться ежегодно: половина нижнимъ чинамъ, имѣ-

ющимъ знакъ отличія военнаго ордена; изъ остальной половины двѣ трети вахмистрамъ и штабъ-трубачу, а остальную треть четыремъ взводнымъ унтеръ-офицерамъ 3-го эскадрона, въ память взятія ими, подъ командой графа Ностица, орудія Шамиля на хуторѣ Дольце. Наконецъ отъ наслѣдниковъ извѣстнаго тифлисскаго благотворителя, Константина Яковлевича Зубалова, получено было письмо слѣдующаго содержанія: „Покойный отецъ нашъ служилъ около десяти лѣтъ въ Нижегородскомъ полку. Желая увѣковѣчить память его въ полку, службой въ которомъ онъ такъ гордился, мы вносимъ капиталъ въ 5 тысячъ рублей, дабы проценты съ него расходовались слѣдующимъ образомъ: въ день смерти отца нашего 26 марта ежегодно процентъ съ тысячи рублей выдавать одному или двумъ достойнымъ унтеръ-офицерамъ 5-го эскадрона; остальные проценты идутъ въ пользу нижнихъ чиновъ или дѣтей ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ призы, преміи и стипендіи носили имя штабсъ-капитана Зубалова“. Письмо подписали дѣти покойнаго Петръ, Леванъ, Степанъ и Яковъ Зубаловы.

Въ заключеніе полку поднесены были въ роскошныхъ переплетахъ адреса отъ города Пятигорска, отъ общества пятигорскихъ врачей и отъ полковъ: Ширванскаго и Апшеронскаго.

По осмотрѣ подарковъ всѣ присутствующіе приглашены были къ обѣденному столу. Въ особомъ шатрѣ былъ сервированъ столъ на 30 кувертовъ. По срединѣ его заняла мѣсто королева эллиновъ, имѣя справа великаго князя Николая Михаиловича, а слѣва начальника края генералъ-адъютанта князя Голицына. Напротивъ королевы занялъ мѣсто великій князь Михаилъ Николаевичъ, имѣя справа Нижегородца-генералъ-адъютанта князя Амилахвари, а слѣва сѣверца-полковника Битнаго-Шляхто. Тутъ-же за этимъ столомъ сидѣли высочайшіе особы, почетные гости и старые командиры полковъ — Нижегородскаго: генералы графъ Ностицъ, Малома, князь Васильчиковъ и Бибиковъ. Сѣверскаго — генералъ Грязновъ. Всѣ остальные приглашенные гости размѣстились въ особыхъ шатрахъ, а для нижнихъ чиновъ столы поставлены были на открытомъ воздухѣ.

Послѣ заздравнаго тоста за Государя Императора и королеву эллиновъ, великій князь, вмѣстѣ съ ея величествомъ вышелъ къ ниж-

нимъ чинамъ и поднялъ бокалъ за оба славные драгунскіе полка, на что старѣйшій изъ драгунъ вахмистръ Нижегородскаго полка Шмагоржевскій отвѣтилъ тостомъ за великаго князя Михаила Николаевича. Первую застольную рѣчь говорилъ графъ Иванъ Григорьевичъ Ностицъ.

„Ваше королевское величество, ваше императорское высочество и дорогіе товарищи мои!

„По не зависящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я сорокъ лѣтъ не былъ на Кавказѣ и не видѣлъ дорогого полка. Но я пытливо слѣдилъ за его подвигами въ минувщую войну, и мое сердце билось отъ радости, видя, что „шайтанъ-драгуны“, какъ называлъ насъ Шамиль, остались тѣми же удальцами, какими были ихъ отцы подъ Кюрюкъ-Дара и Башъ-Кадыкъ-Ларомъ. Да иначе и не могло быть. И пока свѣтъ будетъ свѣтомъ, Нижегородцы останутся тѣми же Нижегородцами, коихъ адатъ въ кровавой сѣчѣ говоритъ: „Съ нами Богъ, и если нужно ляжемъ костьми, но не постыдимся во-вѣки“.

Долгомъ считаю упомянуть о бывшихъ полковыхъ командирахъ со времени командованія мною полкомъ. Я начну съ князя Амилахвари, который былъ у меня лучшимъ эскадроннымъ командиромъ. Слово „лучшій“ знаменательно, потому что были въ полку образцовые эскадронные командиры, были тогда Макаровы, Батіевскіе, Калмыковы, Андреевы и другіе, кои отличались своею отвагою и знаніемъ дѣла, и тѣмъ не менѣе, князь Амилахвари былъ изъ нихъ лучшимъ. Если нужно было совершить отважный набѣгъ, въ родѣ движенія въ долину Хулхулау съ тѣмъ, что бы сокрушить скопища наиба Османа, тормозившія покореніе Большой Чечни, я командировалъ 3-й эскадронъ. И мы пронеслись по горнымъ тропамъ въ аулъ Дольце, гдѣ отбили Шамилевское орудіе, и затѣмъ послѣдовало замиреніе Чечни.

„Поклонъ доблестному воину, который провелъ всю жизнь свою въ полку, и лозунгъ коего былъ: все для дорогого полка“. Мы видимъ въ настоящее время на погонахъ князя дорогой для насъ вензель нашего Державнаго Шефа. Этотъ вензель и эти царскіе эксельбанты доказываютъ въ сотый разъ правдивость поговорки: „За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“. Генералъ Малома, князь Васильчиковъ, Бибиковъ и нашъ настоящій командиръ, сынъ храбраго

Виктора Александровича Петрова, во время ихъ командованія не обнажали побѣдоносной Нижегородской шашки, но мы всѣ увѣрены, что если бы дѣло дошло до схватки, то каждый изъ нихъ помчался бы на враговъ съ любящими ихъ драгунами и совершилъ бы тѣ же подвиги, къ которымъ Нижегородцы привыкли. Оканчивая мое не хитрое солдатское слово, просилъ бы я васъ дорогіе товарищи, что бы вы вставаніемъ почтили память бывшихъ полковыхъ командировъ, болѣе уже не міра сего. Каждый изъ нихъ, по мѣрѣ силъ своихъ, добавлялъ славную страницу къ увѣнчанной лаврами исторіи нашего полка. Каждый изъ нихъ высоко держалъ штандартъ Нижегородцевъ. Вѣчная память имъ“.

За рѣчью графа Ностица послѣдовало чтеніе адресовъ и телеграммъ отъ разныхъ лицъ, отъ полковъ и учрежденій, отъ города Тифлиса, отъ Кубанскаго казачьяго войска и проч. и проч. Въ заключеніе было прочитано стихотвореніе, написанное подполковникомъ Апшеронскаго полка Осиповымъ. Выслушавъ всѣ адреса, великій князь поручилъ депутату отъ Нижняго-Новгорода г. Глазуновскому благодарить городъ за вниманіе къ Нижегородскому полку, а тифлисскому городскому головѣ Г. Г. Евангулову передать населенію Тифлиса его искреннюю благодарность за радушный пріемъ. Въ началѣ второго часа высочайшія особы отбыли во дворецъ, но празднество въ тѣсномъ кругу Нижегородцевъ и Сѣверцевъ продолжалось до глубокой ночи.

На слѣдующій день, въ четыре часа по полудни, Нижегородцы и Сѣверцы устроили у себя вторичный праздникъ, носившій уже чисто семейный характеръ. Изъ города приглащено было множество дамъ; была офицерская скачка съ препятствіями, были всевозможныя игры нижнихъ чиновъ, была, наконецъ, лихая джигитовка, поражавшая даже знатоковъ этого дѣла лихостью и удалью. Послѣ джигитовки все общество приглашено было въ шатры, гдѣ приготовленъ былъ чай и легкій ужинъ, а затѣмъ начались танцы, прямо на открытомъ воздухѣ, безъ эстрадъ и поркетныхъ половъ. Всѣ веселились отъ души, и только съ разсвѣтомъ разъѣхались гости, унося съ собою самыя сердечныя воспоминанія объ этомъ праздникѣ двухъ братскихъ полковъ.

На другой день, 10-го сентября съ ранняго утра, драгуны уже бы-

ли на маневрахъ, производившихся въ общемъ лагерномъ сборѣ; но лѣтнія занятія въ этомъ году, въ виду наступавшаго столѣтія присоединенія къ Россіи Грузіи, сокращены были на нѣсколько дней и кончились 22-го числа.

Наступавшій юбилей имѣлъ несомнѣнно громадное историческое значеніе въ судьбахъ Россіи и передней Азіи, и мысль эта рельефно была выражена государемъ въ рескриптѣ его на имя великаго князя Михаила Николаевича.

„Въ знаменательный день вѣковой годовщины присоединенія Грузіи къ Россійской Имперіи—говорилось въ немъ.—Я съ удовольствіемъ останавливаюсь на этой страницѣ славнаго прошлаго. Добровольнымъ подчиненіемъ Грузіи положено было начало неразрывному сліянію ея съ нашей имперіей и распространенію русской державы далеко за предѣлы Кавказскаго хребта. Съ тѣхъ поръ грузинскій народъ, и въ особенности грузинское дворянство являютъ неизмѣнно примѣръ вѣрности россійскимъ государямъ и новому своему отечеству. На всѣхъ поляхъ битвъ, гдѣ въ теченіи минувшаго столѣтія наши войска грудью встрѣчали враговъ Россіи, потомки грузинскихъ царей, товадовъ и азнауровъ проливали свою кровь за русское дѣло и своею беззавѣтною храбростью способствовали успѣхамъ нашего оружія. Не мало грузинскихъ княжескихъ и дворянскихъ именъ занесено исторіей въ списки покрывшихъ себя неувядаемою славой вождей русской арміи; такія же имена извѣстны въ числѣ лицъ, стяжавшихъ уваженіе современниковъ и добрую память потомства полезною дѣятельностью по гражданскому управленію.

„Въ справедливомъ вниманіи къ государственнымъ заслугамъ передъ Россіей грузинскаго дворянства, Я выражаю ему Императорское и царское Мое благоволеніе. Видимымъ же знакомъ сего благоволенія да послужитъ избраніе Моимъ представителемъ въ настоящемъ торжествѣ вашего императорскаго высочества, старѣйшаго члена императорскаго дома, сумѣвшаго внушить населенію Грузіи, во время своего долголѣтняго, блестящаго и благожелательнаго управленія кавказской окраиной, — искреннюю къ себѣ любовь и преданность“.

Нижегородскій полкъ, какъ живой свидѣтель этого великаго событія, принялъ въ празнествѣ горячее участіе и былъ вездѣ: и при

торжественномъ въѣздѣ великаго князя въ Тифлисъ, и въ памятномъ крестномъ ходѣ изъ Сіонскаго собора—этого древнѣйшаго представителя православія грузинской земли,—на Гунибскую площадь къ собору Александра Невскаго,—памятнику новой эпохи, уже умиротвореннаго Кавказа. Были они желанными гостями и на народномъ обѣдѣ, даваемомъ грузинами русскому войску, и на театральныхъ представленіяхъ, и на великомъ народномъ праздникѣ, устроенномъ кавказскимъ ветеранамъ безъ различія вѣръ, сословій и народностей.

Торжества эти закончились 27-го сентября, когда великій князь со всѣми августѣйшими особами отбылъ въ Петербургъ. Вслѣдъ за нимъ, 18-го ноября, отправилась туда же и депутація Нижегородцевъ, въ составѣ командира полка полковника Петрова, командира эскадрона Его Величества ротмистра Дикмиса, полкового адъютанта князя Ратіева и вахмистра Кононова. Депутація должна была поднести Государю Императору полковой юбилейный жетонъ и благодарить своего державнаго шефа за милости, оказанныя имъ Нижегородскому полку. Государь принялъ депутацію въ Царскомъ Селѣ и удостоилъ своимъ разговоромъ каждаго изъ ея представителей, милостиво вспоминая то время, когда онъ, еще Наслѣдникъ престола, назначенъ былъ шефомъ полка и провелъ съ нимъ памятный день въ Пятигорскѣ. Вахмистру Кононову государь пожаловалъ весьма рѣдкую золотую монету въ 25 рублей серебромъ и сказалъ: „Сохрани ее на память“.

Новая царская милость оказана была государемъ и генералъ-адъютанту князю Амилахвари, находившемуся въ Петербургѣ, въ качествѣ депутата отъ грузинскаго дворянства. Когда князь Иванъ Гивичъ въ первый разъ представился государю въ генералъ-адъютантской формѣ, Его Величество изволилъ замѣтить: „Я привыкъ видѣть васъ, князь, всегда въ шашкѣ Нижегородскаго полка, и прошу васъ носить ее при всѣхъ формахъ и во всѣхъ случаяхъ, какъ память доблестнаго служенія вашего въ полку“.

Между тѣмъ въ отсутствіи своихъ депутатовъ, Нижегородскій полкъ отпраздновалъ свой полковой праздникъ, осчастливленный и на этотъ разъ высокомилостивою телеграммой Государя Императора:

„Сердечно поздравляю моихъ лихихъ Нижегородцевъ съ ихъ праздникомъ. Искренно сожалѣю, что не могъ присутствовать на празд-

нованіяхъ ихъ двухъ-вѣкового юбилея. Пью за здоровье славнаго полка. Николай".

„Спасибо славнымъ Нижегородцамъ за любезный привѣтъ и поздравляю дорогихъ однополчанъ, телеграфировалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ: Собравъ сегодня всѣхъ наличныхъ Нижегородцевъ, пьемъ за здоровье нашего незабвеннаго полка, который болѣе двухсотъ лѣтъ былъ грозою враговъ. Увѣренъ, что и въ будущемъ онъ будетъ такимъ же оплотомъ своему отечеству".

IX.

1902-ой годъ.

Трагическая смерть корнета графа Апраксина.—Внезапная смерть полковника Петрова.—Новый командиръ полка князь Багратіонъ-Мухранскій.—Перемѣна въ начальствующихъ лицахъ.—Назначеніе начальникомъ дивизіи его императорскаго высочества принца Наполеона, и командиромъ 2-го кавказскаго корпуса генералъ-лейтенанта Фаддѣева.—Программа командованія принца Наполеона, изложенная имъ въ приказѣ по дивизіи.—Лагерь въ Александрополѣ.—Нападеніе на часового въ Тифлисѣ.—Подвижной сборъ между Тифлисомъ, Душетомъ и Тіонетами.—50-ти лѣтній юбилей князя Амилахвари и столѣтній юбилей Куринскаго полка.—Памятныя событія 1877 года.—Карсскія торжества.—Высочайшій приказъ по арміи.

Жизнь полка, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, не проходитъ безъ горькихъ минутъ; не все въ ней тишь, да гладь, да Божія благодать, и свѣтлые дни неизмѣнно чередуются съ темными. Хорошо еще, если эти набѣгающія тучки проносятся мимо, не мѣняя общаго свѣтлаго колорита картины.

Однимъ изъ такихъ печальныхъ событій въ полку является внезапная смерть молодого корнета графа Апраксина, застрѣлившагося въ своей квартирѣ 26 января 1902 года. Смерть его казалась для всѣхъ загадкою, но слѣдствіе выяснило, что выстрѣлъ произведенъ былъ нечаянно, и что это одна изъ тѣхъ роковыхъ случайностей, которыя, какъ фатумъ, тяготѣютъ иногда надъ судьбой человѣка.

Спустя двѣ недѣли послѣ смерти Апраксина, 10-го февраля внезапно скончался отъ апоплексическаго удара и командиръ Нижегородцевъ Венедиктъ Викторовичъ Петровъ. Онъ умеръ скоропостижно, на рукахъ трехъ врачей, помощь которыхъ оказалась безсильною. Грустно проводилъ полкъ на Дидубійское кладбище останки своего командира, на долю котораго выпала высокая честь стоять во главѣ его въ знаменательный день двухъ-вѣкового юбилея.

Могила его находится въ оградѣ старинной дидубійской церкви, служащей и по нынѣ предметомъ религіознаго паломничества грузинскаго народа. Тамъ стоитъ большой мраморный памятникъ, окруженный чугунною рѣшеткой. Памятникъ воздвигнутъ его супругой и имѣетъ видъ часовни, въ глубинѣ которой устроена ниша съ иконой Спасителя, а на наружной стѣнѣ доска съ вырѣзанною надписью: „Командиръ 44-го Нижегородскаго Его Величества полка Венедиктъ Викторовичъ Петровъ. Скончался 10-го февраля 1902 г. Богъ далъ и Богъ взялъ“.

Смерть Петрова произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Генералъ-инспекторъ кавалеріи великій князь Николай Николаевичъ телеграфировалъ, чтобы полкъ отъ имени его высочества возложилъ на гробъ Петрова крестъ, составленный изъ живыхъ цвѣтовъ. Супруга покойнаго получила сочувственныя телеграммы отъ королевы эллиновъ и отъ великихъ князей Михаила Николаевича, Николая Михаиловича и Георгія Михаиловича.

На мѣсто полковника Петрова командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка высочайшимъ приказомъ отъ 22-го февраля 1902 года назначенъ былъ, состоявшій при войскахъ кавказскаго военнаго округа, полковникъ князь Александръ Ираклієвичъ Багратіонъ-Мухранскій. Его командованіе и открываетъ собою первый годъ третьяго столѣтія исторической жизни полка.

Князь Александръ Ираклієвичъ принадлежалъ къ древнѣйшей фамиліи грузинскихъ князей; его предки были салхуцесы, т. е. главно-

командующими всѣми военными силами Карталиніи. Одинъ изъ предковъ его, князь Іоаннъ Мухранскій, женатый на царевнѣ, дочери Ираклія Великаго, извѣстенъ былъ въ русской исторіи, какъ убѣжденный сторонникъ присоединенія Грузинскаго царства къ Россіи, и первый подписалъ знаменитый трактатъ 1783 года. Извѣстный герой Башъ-Кадыкъ-Лара князь Иванъ Константиновичъ Мухранскій былъ родной его дядя. Самъ князь Александръ Ираклієвичъ родился именно въ годъ Башъ-кадыкъ-ларскаго боя.

Выпущенный изъ старшихъ вахмистровъ Николаевскаго кавалерійскаго училища въ 1872 году въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, онъ принялъ участіе въ турецкой войнѣ 77 года, находясь ординарцемъ при графѣ Лорисъ-Меликовѣ, и возвратился поручикомъ, съ Владиміромъ въ петлицѣ и съ Анною на шпагѣ. Двадцать два года прослужилъ онъ въ Конномъ полку, и затѣмъ въ чинѣ полковника въ 1895 году назначенъ былъ состоять при войскахъ кавказскаго округа, съ зачисленіемъ по гвардейской кавалеріи.

Принявъ полкъ 20-го марта 1902 года, князь Багратіонъ-Мухранскій въ тотъ же день отдалъ слѣдующій приказъ по полку:

„Государю Императору благоугодно было назначить меня командиромъ славнаго Нижегородскаго Его Величества полка. Не сомнѣваюсь, что всѣ чины полка, помня присягу, данную передъ священнымъ штандартомъ, и завѣтъ старыхъ Нижегородцевъ: благоговѣйную преданность государю и любовь къ отечеству—будутъ всегда готовы жертвовать жизнью за царя и за Русь святую.

„Славное имя „Нижегородца", которое носитъ и державный вождь, да послужитъ намъ въ мирной полковой жизни быть достойными носителями Нижегородскаго мундира. Съ вѣрою въ Бога вступая въ командованіе полкомъ, я увѣренъ, что г. г. офицеры строгой исполнительностью службы и усердіемъ дадутъ мнѣ возможность оправдать высокое довѣріе Государя Императора, а своимъ безупречнымъ поведеніемъ будутъ всегда украшеніемъ офицерскаго состава, помня, что слава полка, заслуженная кровью Нижегородцевъ, павшихъ въ бою, обязываетъ насъ, нынѣ имѣющихъ высокую честь служить въ славномъ боевомъ полку, быть не только исполнительными по службѣ, но и примѣрною жизнію внѣ службы, внушать всѣмъ уваженіе къ военному званію и къ имени „Нижегородца".

Вступленіе въ командованіе полкомъ князя Мухранскаго совпало съ перемѣнами и главныхъ начальствующихъ лицъ въ корпусѣ. 10-го іюня скончался корпусный командиръ генералъ Зеземанъ, и на мѣсто его назначенъ генералъ-лейтенантъ Семенъ Андреевичъ Ѳаддеевъ,—имя котораго неразрывно связано съ послѣднимъ покореніемъ Карса въ 1877 году. Хафисъ и Карадахъ—его вѣчные памятники, и Карадагскій фортъ не даромъ носитъ имя „форта Ѳаддеева".

Нѣсколько ранѣе смерти Зеземана вышелъ въ отставку и начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Ивашкинъ.

„Покидая военную службу съ производствомъ въ генералы-отъ-кавалеріи, писалъ онъ въ своемъ прощальномъ приказѣ, я разстаюсь вмѣстѣ съ тѣмъ и съ славными боевыми частями кавказской кавалерійской дивизіи, которыми я имѣлъ честь командовать съ 1897 года. Желаю славнымъ полкамъ дивизіи такого же блестящаго будущаго, какимъ является все ихъ прошлое, полное чести, доблести и славы".

На мѣсто генерала Ивашкина начальникомъ дивизіи назначенъ былъ генералъ-маіоръ князь Арчилъ Гульбатовичъ Чавчавадзе, родной племянникъ князя Ясона, командовавшаго Нижегородцами въ эпоху крымской войны, и родной братъ генералъ-адъютанта князя Захарія. Онъ провелъ почти всю свою службу на Кавказѣ, гдѣ служилъ вначалѣ въ Тверскомъ полку, потомъ принялъ Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, получилъ въ турецкую войну Георгіевскій крестъ, а затѣмъ командовалъ сперва Сѣверскимъ полкомъ и, наконецъ, кавалерійской бригадой въ кіевскомъ округѣ. Къ сожалѣнію, ему пришлось не долго, всего двадцать дней, командовать родною дивизіей: онъ принялъ ее 6-го іюня, а 27-го скончался послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни.

Князя Чавчавадзе смѣнилъ въ командованіи дивизіею его императорское высочество принцъ Людовикъ Наполеонъ—одинъ изъ выдающихся кавалеристовъ, глубоко преданный службѣ,—качества, которыя рельефно обрисовались въ его вступительномъ приказѣ по дивизіи.

„Доблестные полки кавказской кавалерійской дивизіи!—писалъ онъ:—Вступая въ командованіе вами, я привѣтствую васъ, какъ старый вашъ сослуживецъ. Кавказская кавалерійская дивизія стала близкою мнѣ съ того времени, какъ я началъ службу свою въ Россіи въ 1889 году въ рядахъ славнаго Нижегородскаго его величества полка.

Кн. Багратіонъ-Мухранскій.

„Назначенный нынѣ волею государя императора командующимъ дивизiею, я твердо увѣренъ, что полки ея поддержутъ свою блестящую репутацiю, заслуженную ими въ прежнiе годы въ многочисленныхъ бояхъ и походахъ.

„Успѣхъ въ военное время, помимо духа части, зависитъ отъ воспитанiя и обученiя мирнаго времени, на которое необходимо обратить самое серьезное вниманiе. Поэтому отъ начальниковъ всѣхъ степеней, а въ особенности отъ полковыхъ и эскадронныхъ командировъ, требую самаго серьезнаго отношенiя къ дѣлу воспитанiя и обученiя ввѣренныхъ имъ частей. Обращаю вниманiе всѣхъ чиновъ, чтобы воспитанiе и обученiе солдата велось на точномъ основанiи существующаго для этой цѣли „Наставленiя“ и особыхъ указанiй августѣйшаго генералъ-инспектора кавалерiи. Необходимо, чтобы всѣ служебныя требованiя предъявлялись солдату ясно и настойчиво. Только при этомъ условiи нижнiе чины могутъ явиться разумными ихъ исполнителями.

„Предупреждаю, что обращу особое вниманiе на молодыхъ офицеровъ.

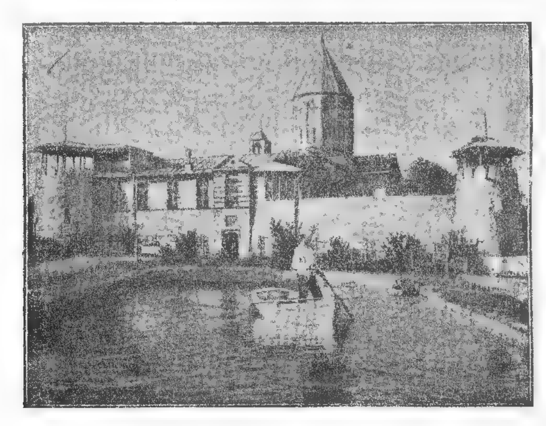
„Кто выходитъ изъ училища въ кавалерiю, тотъ долженъ быть проникнутъ любовью къ кавалерiйскому дѣлу, а потому молодому офицеру не слѣдуетъ ограничиваться лишь однимъ формальнымъ отношенiемъ къ службѣ. Для кавалериста по призванiю и внѣ службы есть много дѣла. Молодой офицеръ долженъ отдавать всѣ досуги свои верховой ѣздѣ, охотѣ, фехтованiю и теоритическому изученiю своего дѣла. Въ кавалерiи примѣръ офицера дѣйствуетъ на нижнихъ чиновъ болѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ оружiя. Лихой офицеръ на хорошемъ конѣ всегда въ почетѣ у солдата“.

Спецiальный сборъ въ этомъ году былъ подъ Александрополемъ, гдѣ произведены были и скачки и испытанiе офицеровъ въ верховой ѣздѣ, причемъ первый призъ за ѣзду получилъ корнетъ Араповъ.

Пока Нижегородцы были въ Александрополѣ, въ казарменномъ расположенiи полка въ Тифлисѣ случилось происшествiе весьма загадочнаго свойства. Въ самую полночь 22-го iюля, на часового—драгуна Григорiя Бугадзе, стоявшаго у порохового погреба, внезапно бросился какой-то человѣкъ и почти въ упоръ сдѣлалъ по немъ четыре выстрѣла изъ револьвера. Бугадзе въ свою очередь далъ выстрѣлъ,

но промахнулся, и незнакомецъ, пользуясь темнотою ночи, скрылся. Всѣ пять выстрѣловъ ясно слышны были въ ближайшей казармѣ, откуда тотчасъ выскочили драгуны, и дѣйствительно нашли на мѣстѣ происшествія четыре выстрѣленные револьверные патрона и гильзу отъ драгунской винтовки. Не смотря на всѣ розыски и принятыя мѣры, ни преступникъ, ни самая цѣль его покушенія не были обнаружены.

Изъ Александрополя полкъ перешелъ въ общій лагерный сборъ подъ Тифлисомъ и участвовалъ въ большихъ маневрахъ, охватившихъ на этотъ разъ огромное пространство отъ Тифлиса до Тіонетъ и Душета. Памятнымъ эпизодомъ ихъ для полка были дѣйствія его 6-го сентября, когда, вытѣснивъ непріятеля изъ Мчадисъ-Джвари, Нижегородцы заняли эту деревню—родовое имѣніе своего командира князя Багратіона-Мухранскаго. Какъ радушный хозяинъ, онъ приготовилъ въ стѣнахъ своего фамильнаго замка, не утратившаго еще по-



нынѣ своего величаво-древняго стиля, обѣдъ для всего полка, а вечеромъ приглашены были на ужинъ всѣ начальники отдѣльныхъ частей южнаго отряда. Пировали всю ночь, а служба между тѣмъ шла, не прерываясь, и конные разъѣзды ходили по всѣмъ дорогамъ, зорко наблюдая за непріятелемъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія подвижного сбора исполнился 50-ти лѣтній юбилей службы въ офицерскихъ чинахъ генералъ-адъютанта князя Амилахвари, и привѣтствовать его въ этотъ знаменательный день назначена была отъ Нижегородскаго полка особая депу-

тація, въ составѣ подполковника князя Церетели, ротмистра Глонти, штабсъ-ротмистра Кобіева, поручиковъ барона Мейндорфа и Ханъ-Зіатъ-хана и корнета Рыльскаго. Изъ числа нижнихъ чиновъ назначены были вахмистра Шмагоржевскій, Кононовъ и полковой писарь Константиновъ. Кромѣ того, былъ посланъ и хоръ Нижегородскихъ трубачей. Остальные офицеры приняли участіе въ этомъ торжествѣ, какъ гости князя Ивана Гивича.

Торжество состоялось 30-го сентября въ Чалахъ, въ родовомъ имѣніи князя Амилахвари, откуда онъ, еще юношей, впервые выѣхалъ въ мундирѣ Нижегородскаго солдата на царскую службу, и куда возвратился черезъ 52 года, убѣленный уже сѣдинами, чтобы въ родительскомъ храмѣ возблагодарить Бога за длинный пройденный имъ путь, вознесшій его на высшія ступени военной іерархіи.

Давно уже Чалы не видали у себя такого блестящаго и многолюднаго общества, какое собралось 30-го сентября 1902 года привѣтствовать маститаго юбиляра. Послѣ литургіи, молебствіе совершено было на площади, гдѣ стоитъ древняя часовня во имя св. Марины, при чемъ священникъ Нижегородскаго полка отецъ Евфимій благословилъ князя иконою Знаменія Божьей Матери. По возвращеніи въ замокъ князь Амилахвари принималъ многочисленныя депутаціи, а за тѣмъ прочитано было письмо командира Нижегородскаго полка, не участвовавшаго въ празднествѣ по болѣзни.

„Отъ себя лично, и какъ командиръ Нижегородскаго Его Величества полка, приношу вашему сіятельству искреннее поздравленіе съ знаменательнымъ днемъ вашей жизни. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ вы съ честію поддерживали славу дивнаго Нижегородскаго полка, и для насъ, настоящихъ Нижегородцевъ, вы являетесь тою путеводною звѣздою, слѣдуя за коей всякій Нижегородецъ останется вѣренъ долгу присяги, и съ честію дойдетъ до высшихъ военныхъ ступеней. Примите ваше сіятельство, истинный представитель доблести Нижегородской, отъ вашихъ однополчанъ, царевыхъ драгунъ, искреннее пожеланіе долгоденствія на радость вашей семьѣ и на гордость Нижегородцамъ“.

Выслушавъ это привѣтствіе, князь Амилахвари подошелъ къ офицерамъ и вахмистрамъ Нижегородскаго полка и въ задушевной рѣчи высказалъ насколько ему дорогъ Нижегородскій полкъ. „Вотъ уже 52

года, сказалъ онъ, какъ я не снимаю Нижегородскаго мундира и всѣми своими наградами и царскими милостями обязанъ исключительно доблести полка".

Праздникъ продолжался до утренней зари, среди гостепріимной княжеской семьи, и сталъ еще оживленнѣе, когда вечеромъ телеграфъ принесъ извѣстіе, что Государь Императоръ, памятуя доблестную службу почтеннаго юбиляра, пожаловалъ ему высокую награду—орденъ св. Владиміра I-го класса.

Много пришлось пережить Нижегородцамъ въ этомъ году и другихъ историческихъ воспоминаній. Еще въ самомъ началѣ года, 18 января въ полку отслужена была панихида въ день пятидесятилѣтія со дня геройской смерти стараго ихъ полкового командира генерала Круковскаго этого „рыцаря безъ страха и упрека", какъ называлъ его князь Воронцовъ. Круковскій палъ въ бою, будучи уже атаманомъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, но на долю 3-го эскадрона Нижегородцевъ выпала высокая честь отбить тѣло его у горцевъ и вынести съ собою для честнаго погребенія на русской землѣ. Въ этотъ день, 18-го января 1902 года, поставленъ былъ въ станицѣ Екатериноградской на могилѣ усопшаго героя новый памятникъ, и атаманъ терского войска телеграфировалъ Нижегородцамъ: „Освятивъ сегодня памятникъ на могилѣ генерала Круковскаго, бывшаго командиромъ Нижегородскаго полка, терское войско шлетъ своимъ боевымъ кунакамъ Нижегородцамъ сердечный привѣтъ и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ на полѣ чести и славы".

Отпраздновали затѣмъ столѣтній юбилей своихъ кунаковъ куринцевъ, съ которыми полъ вѣка тому назадъ рука въ руку исходили всю чеченскую землю. Отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ тогда гремѣли битвы, ничего уже не осталось, и даже послѣднія слѣды ихъ заросли травою; но стоятъ еще старыя кладбища, на которыхъ подъ высокими шагидами покоются вѣковѣчнымъ сномъ борцы чеченской земли. Не даромъ одна старинная Нижегородская пѣсня, относящаяся къ той минувшей эпохѣ, говоритъ:

За Мартаной не одна
Подъ шестомъ могила:
Все драгунская жена —
Шашка уложила.

Князь С. N. Васильчиковъ Я. Д. Малама В. В. Петровъ С. И. Бибиковъ

Князь И. Г. Амилахвари Графъ И. Г. Ностицъ

Бывшіе командиры полка

Привѣтствовать куринцевъ ѣздили: подполковникъ князь Церетели и ротмистра князь Тумановъ и Глонти. Въ Куринскомъ полку въ это время образовывался особый фондъ для воспитанія въ полку дѣтей нижнихъ чиновъ, и Нижегородцы внесли въ этотъ фондъ свою ленту, а куринцы, въ свою очередь, выбрали Нижегородскій полкъ въ почетные члены этого благотворительнаго общества.

Въ этомъ же году приходился двадцатипятилѣтній юбилей послѣдней турецкой войны—блестящій эпилогъ, вѣнчавшій собою двухвѣковую славную службу полка. Офиціальное празднество, по высочайшему повѣленію, было пріурочено къ 28-му ноября, т. е. ко дню паденія Плевны, но въ Нижегородскомъ полку частныя празднества начались гораздо ранѣе. 18-го мая, въ день памятнаго ночного Бегли-ахметскаго дѣла, покрывшаго славой 2-й дивизіонъ, полкъ въ полномъ составѣ построился передъ своими казармами, и сюда-же собрались всѣ участники Бегли-ахметскаго боя, находившіеся въ Тифлисѣ. Въ 10 часовъ утра прибылъ маститый представитель кавказской кавалеріи генералъ-адъютантъ князь Захарій Гульбатовичъ Чавчавадзе. Полковой священникъ отслужилъ панихиду по усопшимъ, сложившимъ свои головы въ этомъ бою, помянулъ въ мірѣ отшедшихъ отъ насъ нашихъ братій, помолился о здравіи тѣхъ, которые еще были живы и понынѣ служатъ украшеніемъ русской арміи. Изъ числа участниковъ Бегли-ахметскаго боя присутствовали здѣсь князь Чавчавадзе, начальствовавшій отрядомъ, командиръ 2-го дивизіона отставной полковникъ Керимъ-Бекъ-Наврузовъ, и командиръ 4-го эскадрона, теперь уже генералъ-лейтенантъ, Кусовъ.

По окончаніи панихиды и затѣмъ молебствія, полковникъ князь Багратіонъ-Мухранскій обратился къ полку съ слѣдующими словами: „Государь Императоръ жалуетъ свой полкъ за славное боевое прошлое, и мы, настоящіе Нижегородцы, должны отдать высокую почесть тѣмъ, кто съ честью поддерживалъ боевое прошлое полка. „Полкъ! слушай на караулъ!“ Грянуло „ура“ и князь Багратіонъ-Мухранскій отсалютовалъ князю Чавчавадзе и другимъ героямъ Бегли-Ахмета.

Въ 12 часовъ состоялся завтракъ. Послѣ тостовъ за державнаго шефа и великаго князя фельдмаршала, командиръ полка произнесъ: „Господа! я, какъ участникъ послѣдней турецкой войны отъ начала до конца на здѣшнемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, могу смѣло сказать,

что Нижегородскій полкъ всѣми своими отличіями въ эту кампанію исключительно обязанъ тому, чья рука умѣло направляла его къ побѣдамъ. Отъ имени всего полка высоко подымаю завѣтную чару за коренного Нижегородца, героя Бегли-Ахмета, князя Захарія Гульбатовича Чавчавадзе. „Дружнымъ и долгимъ „ура“ отвѣтили Нижегородцы на этотъ тостъ въ честь своего высокаго гостя. Князь съ своей стороны поднялъ бокалъ за полкъ и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами“. Сегодня, господа, вы празднуете 25-тилѣтіе славнаго Бегли-ахметскаго боя и чествуете его участниковъ. Желаю отъ души и вамъ господа въ дѣяніяхъ старыхъ Нижегородцевъ найти примѣръ любви и преданности царю и престолу, чтобы потомство ваше также чествовало бы и васъ, какъ вы чествуете насъ стариковъ“. Подъ живымъ впечатлѣніемъ воспоминаній и разсказовъ очевидцевъ, полкъ отправилъ телеграммы, какъ своему державному шефу, такъ и бывшему главнокомандующему великому князю Михаилу Николаевичу.

Царская депеша получена была въ тотъ же день и прочитана передъ полкомъ:

„Сердечно привѣтствую Моихъ молодцовъ Нижегородцевъ съ двадцатипятилѣтнею годовщиной блестящаго ночнаго боя подъ Бегли-Ахметомъ, въ которомъ они покрыли себя новой славой. Отъ души благодарю полкъ за выраженныя мнѣ въ этотъ день чувства и убѣжденъ, что Мои Нижегородцы останутся всегда вѣрны преданіямъ своего славнаго прошлаго. Николай“.

„Искреннее спасибо—телеграфировалъ великій князь—за поздравленіе, и я поздравляю дорогихъ однополчанъ Нижегородцевъ съ 25-ти лѣтнею годовщиною славнаго Бегли-ахметскаго боя. Жалѣю, что не видѣлись здѣсь. Михаилъ“.

Помянули потомъ Нижегородцы молитвой и товарищеской трапезой день 2-го октября, годовщину безсмертнаго подвига 3-го эскадрона маіора Витте у Орлокской башни, а на другой день—бой на Визинкевскихъ высотахъ, гдѣ взято турецкое знамя, гдѣ цѣлый рядъ вражескихъ траншей и редутовъ палъ подъ ударомъ трехъ конныхъ эскадроновъ Нижегородцевъ. Тогда же рѣшено было перенесть праздникъ 3-го эскадрона съ 16-го августа на 2-ое октября, чтобы соединить въ этотъ день молебное пѣніе Спасу съ молебнымъ пѣніемъ

преподобному Андрею, Христа ради юродивому, память котораго св. церковь чествуетъ именно 2-го октября.

Отъ этихъ дней, полныхъ воспоминаній о прошломъ, перейдемъ къ описанію цѣлаго ряда офиціальныхъ торжествъ по поводу 25-ти лѣтія взятія Карса 6-го ноября 1877 года. Это былъ четвертый, послѣдній штурмъ грознаго Карса, окончательно включившій весь карсскій пашалыкъ въ составъ россійской имперіи. Мѣстомъ для торжества былъ избранъ самый Карсъ, куда со всѣхъ концовъ Россіи стали съѣзжаться депутаціи отъ всѣхъ полковъ, когда либо принимавшихъ участіе въ осадѣ и штурмѣ крѣпости. Явилась депутація и отъ Нижегородскаго полка въ лицѣ ротмистра князя Туманова и вахмистровъ Шмагоржевскаго и Кононова.

Во главѣ карсскихъ торжествъ стоялъ генералъ Фаддѣевъ, вокругъ котораго и группировались всѣ депутаціи и гости, съѣхавшіеся сюда съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ. 6-го ноября, въ день, когда 25-ть лѣтъ тому назадъ, русскія войска вступили въ побѣжденную крѣпость, совершилась торжественная закладка памятника въ честь воиновъ, павшихъ на штурмахъ крѣпости, не только въ послѣднюю войну, но и въ старые годы при Несвѣтаевѣ, Паскевичѣ и Муравьевѣ. Государь Императоръ также почтилъ этотъ день своею телеграммой:

Поручаю вамъ—телеграфировалъ онъ командующему войсками кавказскаго корпуса—передать карсскому гарнизону, депутатамъ отъ частей войскъ, сражавшихся при штурмахъ Карса, и присутствующимъ участникамъ кавказскихъ войнъ, Мою сердечную благодарность за ихъ молитвы и выраженныя ими чувства, которыя Меня глубоко тронули. Съ гордостью и признательнымъ чувствомъ вспоминаю славные подвиги доблестныхъ кавказскихъ войскъ при штурмѣ Карса и ихъ маститаго главнокомандующаго Великаго князя Михаила Николаевича, внесшихъ столь блестящія страницы въ боевую лѣтопись нашей арміи. Не сомнѣваюсь, что Мои кавказскіе войска всегда останутся вѣрны неувядаемымъ боевымъ преданіямъ славныхъ предковъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на царское слово генералъ Фаддѣевъ въ застольной рѣчи высказалъ слѣдующее:

„Нынѣшній день—день торжества русской арміи. Нынѣшній день доказалъ, что русскій богатырь, который спокойно спитъ на постели,

въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ. Карсъ палъ подъ ударомъ русскихъ штыковъ и своимъ паденіемъ расшаталъ устои враговъ. Вѣсть о паденіи Карса разнеслась по всей русской землѣ, и русскій народъ возрадовался и возликовалъ. Потому возликовалъ онъ, что если война есть зло, есть бремя, которое требуетъ страшныхъ жертвъ, то побѣда—предвозвѣстница близкаго окончанія войны, начало спокойствія".

И много, и долго говорилъ сѣдой генералъ на эту близкую всѣмъ тему. „Есть, говорилъ онъ, буря стихійная; передъ нею человѣкъ умаляется, чувствуетъ себя ничтожествомъ; и есть буря военная, гдѣ человѣкъ возвеличивается духомъ, но и становится чудовищемъ, требующимъ жертвъ богу войны. Его заставляютъ дѣлать это долгъ и обязанность передъ своимъ народомъ, чтобы какъ можно скорѣе окончить войну побѣдою. Война—это гіена огненная, которая пожираетъ народныя силы, и для того, чтобы побороть её мало силъ физическихъ: нужна еще страшная нравственная сила. Эта сила живетъ въ насъ. 25-ть лѣтъ тому назадъ русскія войска прославили себя побѣдой. Я увѣренъ, что, если Державный Вождь потребуетъ отъ насъ, то и мы, подобно нашимъ товарищамъ, сумѣемъ умереть за наше отечество".

Едва возвратилась карсская депутація, какъ наступилъ завѣтный день полкового праздника, имѣвшій въ этомъ году для полка особое значеніе. Прошло ровно десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдникъ русскаго престола, цесаревичъ Николай Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, назначенъ былъ шефомъ полка и принялъ въ Аббасъ-Туманѣ первую полковую депутацію. Это былъ день, когда покойный великій Царь-Миротворецъ, тогда еще могучій и бодрый, ввѣряя славному полку имя своего царственнаго первенца, призвалъ на Нижегородцевъ благословеніе Божіе. И Государь Императоръ соизволилъ милостиво вспомнить эти святыя минуты въ жизни полка.

Вотъ царская телеграмма, полученная полкомъ въ день праздника.

„Сердечно поздравляю Моихъ дорогихъ Нижегородскихъ драгунъ съ ихъ праздникомъ. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю сегодня памятный для Меня день назначенія Меня незабвеннымъ Родителемъ Моимъ, десять лѣтъ тому назадъ, шефомъ полка, стяжавшаго Себѣ

громкую боевую славу. Пью за здоровье Моихъ молодцовъ Нижегородцевъ. Николай".

На другой день, 28 ноября, вся русская армія праздновала день паденія Плевны, событія, приведшаго насъ ко вратамъ Константинополя. Въ полковой церкви послѣ литургіи отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, и передъ полкомъ прочитанъ слѣдующій высочайшій приказъ по арміи и флоту:

„Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 28 ноября 1877 года, пала Плевна и открылся путь побѣдоносному наступленію нашихъ войскъ, рѣшившему участь минувшей кампаніи.

„Въ сей памятный день вознесемъ по исконному обычаю молитвы наши къ Богу объ успокоеніи души незабвенной памяти Императора Александра II-го, изволеніемъ котораго совершилась знаменательная для Россіи и славянскихъ народовъ Турціи славная и благородная освободительная борьба за нихъ, и въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III-го, дѣлившаго съ Своимъ державнымъ Родителемъ труды и тягость похода, а также всѣхъ товарищей, павшихъ на поляхъ брани въ минувшую войну.

„Въ сей побѣдный день воздадимъ славу живымъ участникамъ освободительной войны за ихъ стойкость, храбрость и беззавѣтную преданность долгу; они служатъ намъ живымъ откровеніемъ тѣхъ завѣтовъ, на которыхъ зиждется нравственная сила и мощь русскихъ ратныхъ людей. Если въ неисповѣдимыхъ путяхъ промысла Божія родинѣ нашей ниспослана будетъ година испытаній, вѣрю, что Моя славная армія и доблестный флотъ Мой, дорогіе и близкіе Моему сердцу, свято исполнятъ свой долгъ передъ престоломъ и отчизной. „Николай".

Въ Нижегородскомъ полку изъ участниковъ минувшей войны оставались въ то время только вахмистра Шмагоржевскій и Кононовъ, и обоимъ имъ Государь Императоръ пожаловалъ по сто рублей каждому, а вслѣдъ затѣмъ два старые Нижегородца полковники Карангозовъ и Панчулидзевъ, украшенные за турецкую войну георгіевскими крестами, и командовавшіе уже полками, произведены были не въ очередь въ генералъ-маіоры.

Думалъ-ли тогда кто нибудь, читая высочайшій приказъ, что едва минетъ годъ, какъ сильный и коварный врагъ внезапно нападетъ на

нашу далекую окраину, и ужасы кровавой борьбы снова вызовутъ на ратное поле нашихъ Нижегородцевъ, если не цѣлымъ полкомъ, то одиночными личностями, пожелавшими быть вкладчиками въ эту священную лотерею, уже не матеріальными средствами, какъ было въ 1900 году, а жизнію и собственною кровью. И велика и свята ихъ жертва передъ русскимъ народомъ.

X.

ПАМЯТЬ БАШЪ-КАДЫКЪ-ЛАРА И КЮРЮКЪ-ДАРА.

События во внутренней жизни полка въ 1903 году.—Учрежденіе военно-скакового общества въ Тифлисѣ.—Пятидесятилѣтіе великой эпохи Крымской войны.—19-е ноября полъ-вѣка тому назадъ.—Трубаческій праздникъ и чествованіе полкомъ юбилея Башъ-Кадыкъ-Ларскаго боя.—Полувѣковая годовщина Кюрюкъ-Дара.

Въ 1903 году полкъ обычною чередою отбылъ эскадронные и полковой кампаменты, потомъ участвовалъ въ спеціальномъ кавалерійскомъ сборѣ и, наконецъ, въ общемъ лагерѣ подъ Тифлисомъ. Къ этому времени относится учрежденіе при кавказской кавалерійской дивизіи новаго военно-скаковаго общества, согласно приказа генералъ-инспектора кавалеріи. Приказомъ этимъ на всю дивизію положено отпускать ежегодно по 2000 рублей на призы. Деньги должны были распредѣляться на два скаковые дня примѣрно по 1000 рублей, чтобы

дать возможность участвовать на скачкахъ большему числу офицеровъ; кромѣ того подписная цѣна съ офицеровъ положена не свыше пяти рублей. Правленію общества тѣмъ же приказомъ положено было состоять при Нижегородскомъ полку, квартирующемъ въ Тифлисѣ, а потому на командира его возложено и званіе вице-президента общества. Нельзя не отмѣтить, что кавалерійскій спортъ, и, какъ результатъ его, стремленіе имѣть подъ офицерскимъ сѣдломъ лучшихъ строевыхъ лошадей—были въ высокой степени развиты въ средѣ Нижегородцевъ. Еще въ Пятигорскѣ офицеры, помимо служебныхъ скачекъ, положили основаніе городскому скаковому обществу и приняли въ немъ такое дѣятельное участіе, что, по выходѣ полка изъ Пятигорска, общество это въ благодарность за всѣ услуги, оказанныя ему Нижегородцами, постановило считать навсегда командировъ Нижегородскаго полка почетными членами этого общества и учредить особый призъ имени Нижегородцевъ *). По приходѣ въ Тифлисъ, всѣ офицеры полка записались членами и въ Тифлисское скаковое общество.

Въ 1903 году скачки произведены были въ дивизіи 11 и 14 сентября. Въ первый день, т. е. 11-го сентября, на большомъ стипль-чезѣ, первый призъ взялъ поручикъ Рыльскій, а третій штабсъ-ротмистръ князь Гирей (скакалъ корнетъ князь Давидъ Чавчавадзе); на маломъ стипль-чезѣ третій призъ получилъ штабсъ-ротмистръ князь Николай Эристовъ (скакалъ штабсъ-ротмистръ Кобіевъ).

На второмъ испытаніи, 14-го сентября, третьи призы взяли: на большомъ стипль-чезѣ штабсъ-ротмистръ Гирей, а на барьерной скачкѣ корнетъ князь Петръ Трубецкой (скакалъ поручикъ Таучеловъ). Что же касается до малаго стипль-чеза, то на немъ всѣ три приза достались Нижегородцамъ: первый взялъ поручикъ князь Давидъ Чавчавадзе (скакалъ опять Таучеловъ), второй поручикъ Люксъ и третій поручикъ Рыльскій.

Помимо того, штабсъ-ротмистръ князь Гирей участвовалъ на красносельскихъ скачкахъ и получилъ третій призъ изъ рукъ императрицы Александры Θеодоровны.

Изъ событій, касавшихся внутренней жизни полка, нужно отмѣтить смерть двухъ бывшихъ командировъ его: принца Альберта Сак-

---

*) Отзывъ президента пятигорскаго скакового общества командиру Нижегородскаго полка отъ 17 мая 1898 года.

сенъ-Альтенбургскаго и генералъ-маіора Бибикова. При погребеніи последняго присутствовали всѣ офицеры-Нижегородцы, находившіеся въ то время въ Петербургѣ, и отъ лица своихъ полковыхъ товарищей возложили на гробъ его серебряный вѣнокъ. Такой же вѣнокъ отъ имени полка возложенъ былъ княземъ Багратіономъ-Мухранскимъ и на могилу принца Саксенъ-Альтенбургскаго, скончавшагося въ Шверинѣ. Могила принца стоитъ одиноко въ красивой рощѣ, близъ его наслѣдственнаго замка, и вѣнокъ Нижегородцевъ сохраняется въ ближайшей церкви.

Окончился наконецъ періодъ строевыхъ занятій, наступила осень и передъ полкомъ развертывается опять цѣлый рядъ дорогихъ историческихъ воспоминаній: приближалось пятидесятилѣтіе великой эпохи крымской войны, одного изъ самыхъ крупныхъ міровыхъ событій минувшаго вѣка. И Нижегородцы съ особеннымъ вниманіемъ и чуткостью отнеслись къ юбилейнымъ днямъ наиболѣе славныхъ моментовъ великой борьбы, какъ Башъ-Кадыкъ-Ларъ и Кюрюкъ-Дара. Историческія воспоминанія о прошлыхъ дняхъ заставили невольно переживать тѣ чувства, которыя воодушевляли минувшія поколѣнія въ борьбѣ за исконныя задачи русскаго народа. Подобныя воспоминанія встрѣчаютъ и освѣжаютъ тину будничной жизни и пробуждаютъ благородныя чувства соревнованія. Перенесемтесь же за пятьдесятъ лѣтъ назадъ и попробуемъ въ слабомъ очеркѣ нарисовать картину двухъ колоссальныхъ битвъ, особенно памятныхъ Нижегородцамъ. Начнемъ съ Башъ-Кадыкъ-Лара, гдѣ девять тысячъ русскихъ разбили на голову 36-ти тысячную анатолійскую армію.

Передъ нами широкая долина, постепенно склонявшаяся къ деревнѣ Огузлы, замѣчательной своею старинною церковью. За этой деревней глубокій оврагъ съ тинистой рѣчкой Маврикъ-чай, а за этимъ оврагомъ поднимается возвышенное плато, скрывавшее отъ глазъ между своими холмами деревню Башъ-Кадыкъ-Ларъ, имя, которому суждено было стать историческимъ. Тамъ стоялъ главный лагерь турецкой арміи. Спустившись въ эту долину съ высокаго берега Карсъ-чая, русскій корпусъ построился въ боевой порядокъ: пѣхота въ центрѣ, кавалерія на крыльяхъ; два дивизіона Нижегородцевъ съ генераломъ Багговутомъ прикрыли лѣвый, а остальные эскадроны съ княземъ Ясономъ Чавчавадзе правый флангъ нашего расположенія.

Къ двумъ часамъ пополудни бой былъ уже въ полномъ разгарѣ. Вотъ масса сирійской конницы, въ своихъ расшитыхъ золотомъ куртках, на бѣшеныхъ коняхъ, съ гремучими, длинными пиками въ рукахъ, несется къ Вагенбургу. Линейцы преграждаютъ ей путь. Самъ Багговутъ,—его нельзя не узнать по черной повязкѣ, украшающей его уже посѣдѣвшую, но все еще красивую голову,—выѣзжаетъ впередъ и бросаетъ на встрѣчу къ нимъ драгунскіе эскадроны. Атаки идутъ за атаками. Страшны, сильны удары нашихъ могучихъ богатырей—и тысячи наѣздниковъ бѣгутъ передъ четырьмя эскадронами.

Но это только прелюдія боя.

Въ эту минуту гренадерская бригада начинаетъ атаку на главную 24-хъ орудійную турецкую батарею. Четыре наши баталіона должны схватиться съ восемнадцатью. Трудна эта атака. Ей нужно помочь—и Багговутъ, перенесясь съ своими драгунами черезъ Маврикъ-чай, бросился въ тылъ турецкимъ колоннамъ. Начинается ужасная сѣча; но пока третій дивизіонъ рубитъ пѣхоту, 7 и 8-й эскадроны уже сидятъ на батареѣ и берутъ орудія. Все правое крыло непріятеля, стоптанное драгунами, смятое штыками гренадеръ, обращается въ бѣгство. Огузлы взяты штурмомъ, центръ прорванъ, но кровавый бой еще кипитъ на нашемъ правомъ флангѣ.

Тамъ, отъ оврага, что тянется отъ самаго огузлинскаго храма, скрытно отъ нашихъ глазъ, все идутъ и идутъ стройные баталіоны низама, подвигаясь къ подошвѣ Караяла. Вотъ они уже обогнули нашъ правый флангъ и заходятъ въ тылъ. Передъ ними на громадномъ полѣ, какъ точка, едва чернѣется издали кучка нашихъ всадниковъ. Это князь Чавчавадзе съ своими шестью эскадронами. Пять—шесть тысячъ курдовъ съ дикимъ ревомъ бросаются на нашихъ драгунъ, но получаютъ такой толчекъ, что уносятся назадъ и больше уже не показываются. Но за курдами выдвигается изъ оврага цѣлая бригада уланъ, съ красиво развѣвающимися на пикахъ пестрыми флюгерами; одинъ полкъ—на сѣрыхъ, другой на гнѣдыхъ лошадяхъ.

Держитесь драгуны! Теперь отъ васъ зависитъ все—и наша побѣда и наше пораженіе!... Стремительно одинъ за другимъ несутся въ сѣчу эскадроны, и впереди всѣхъ высокій всадникъ на золотомъ карабахскомъ жеребцѣ; шашка въ ножнахъ, въ рукѣ казачья плеть. Кто бы не узналъ въ немъ стараго князя Чавчавадзе? Онъ и подъ

сѣдинами все тотъ же пылкій и неукротимый юноша, какимъ его знали въ паскевичевскія войны. Уланы смяты, сброшены въ оврагъ, но ихъ смѣняетъ пѣхота и принимаетъ драгунъ въ перекрестный огонь. Съ этой минуты бой уже не прекращается. Умаялся золотой карабахъ подъ храбрымъ командиромъ, покрыты кровью лезвія шашекъ его драгунъ, кони всѣ въ мылѣ, но отдыхать нѣкогда. Чѣмъ упорнѣе держатся турки, тѣмъ яростнѣе становятся атаки драгунъ. Много пролито было на этихъ поляхъ нижегородской крови, но въ концѣ концовъ турки вынуждены отказаться отъ своего обхода, и ихъ баталіоны, повернувъ назадъ, скрываются за Караяломъ. Побѣда была полная; взяты два лагеря, 18 знаменъ и 30 орудій, въ томъ числѣ знаменитая красная пушка—даръ султана его анатолійской арміи. Она отбита 1-мъ дивизіономъ Нижегородцевъ, подъ командой маіора Барковскаго.

„Отъ дѣла при Асландузѣ незабвеннаго Котляревскаго, писалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, до нынѣшняго башъ-кадыкъ-ларскаго боя, всѣ бывшія въ промежуткѣ сего времени дѣла изгладятся впослѣдствіи изъ памяти людей, какъ ничтожныя мелочи. Важны были побѣды, раздвинувшія наши предѣлы въ Персіи и Турціи, но для славы оружія нашего не было равнаго“.

На другой день послѣ боя, всѣ убитые нижніе чины были собраны къ огузлинской церкви и тамъ погребены въ одной общей братской могилѣ; тѣла офицеровъ отправлены въ Александрополь, и ихъ то могилы на высокомъ холмѣ, какъ бы на стражѣ нашихъ рубежей, положили начало славному военному кладбищу, которое и до днесь именуется „Холмъ Чести“. Тамъ покоятся и наши Нижегородцы: капитанъ Кусаковъ, поручикъ Реннеръ и прапорщикъ Гемпель. Только могила одного штабсъ-капитана Симашкевича, умершаго отъ ранъ въ Александрополѣ, была затеряна, и долго не знали гдѣ онъ погребенъ. Но вотъ черезъ сорокъ девять лѣтъ удалось наконецъ разыскать и её. Въ Александрополѣ, невдалекѣ отъ холма—усыпальницы нашихъ воиновъ, находится старое, давно уже заброшенное армянское кладбище. Это настоящій городъ мертвецовъ, до того тамъ все пусто, глухо, безжизненно: надгробные памятники разрушились, могильные холмы осыпались. Въ 1902 году его рѣшено было закрыть, но комендантъ александропольской крѣпости предварительно приказалъ провѣрить, нѣтъ-ли на немъ случайно какихъ нибудь русскихъ памят-

никовъ. И въ грудахъ развалинъ, дѣйствительно, найдена была плита, съ почти изгладившеюся надписью: „Здѣсь покоится штабсъ-капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Косьма Максимовичъ Симашкевичъ, умершій отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи съ турками подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ".

Ко дню башъ-кадыкъ-ларскаго боя въ Нижегородскомъ полку пріуроченъ праздникъ трубаческой команды, учрежденный именно въ память того, что первою жертвою башъ-кадыкъ-ларскаго боя былъ трубачъ 4-го дивизіона Степанъ Мещеренко, и первая русская кровь, пролитая въ этотъ историческій день, принадлежала Нижегородцамъ.

Въ 1903 году, наканунѣ трубаческаго праздника, совпавшаго на этотъ разъ съ пятидесяти-лѣтней годовщиной башъ-кадыкъ-ларскаго боя, въ полку отслужена была торжественная панихида по убитымъ, а затѣмъ во всѣхъ эскадронахъ устроены были военныя бѣсѣды, разъяснявшія нижнимъ чинамъ, какое великое значеніе имѣлъ этотъ достопамятный бой и въ жизни и въ исторіи Нижегородцевъ. На другой день, 19-го ноября, весь полкъ, вмѣстѣ со всѣми полковыми регаліями, выстроился на плацу передъ своими казармами. На правомъ флангѣ стоялъ поручикъ князь Никита Трубецкой и трубачъ Богдановъ, одѣтые въ ту самую форму, которая была въ Нижегородскомъ полку полъ-вѣка назадъ, въ день памятной битвы; тутъ же находились и два ветерана: бывшій штабъ-трубачъ Березнякъ, теперь находящійся въ ротѣ дворцовыхъ гренадеръ, и отставной унтеръ-офицеръ Яковъ Бондаревъ—самъ участникъ башъ-кадыкъ-ларскаго боя. Въ 10 часовъ утра прибылъ генералъ-адъютантъ князь Амилахвари и, обойдя эскадроны, сталъ на флангѣ полка для встрѣчи другого, еще старѣйшаго Нижегородца генералъ-адъютанта князя Чавчавадзе. По его прибытіи началось молебствіе передъ иконой Владимирской Божіей Матери, пожертвованной матерью капитана Кусакова, убитаго подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ. Духовникъ полка, отецъ Евфимій, сказалъ при этомъ прекрасную рѣчь, сопоставивъ древнія сказанія о чудесахъ Богоматери съ новѣйшимъ извѣстіемъ о появленіи ея незримо для насъ, но во-очію нашихъ враговъ во время башъ-кадыкъ-ларскаго боя. Говорили, что она явилась среди отверстыхъ небесъ въ лучезарномъ сіяніи, окруженная легіонами ангеловъ и, поразивъ ужа-

Трубачъ Богдановъ Князь Никита Трубецкой
въ старинной формѣ полка.

сомъ турокъ, даровала побѣду нашему воинству, какъ нѣкогда даровала ее Курску и Новгороду. Объ этомъ чудесномъ явленіи, засвидѣтельствованномъ множествомъ плѣнныхъ турокъ, тогдашній экзархъ Грузіи Исидоръ (впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій), донесъ святѣйшему Синоду и Императору Николаю Павловичу *).

Парадъ въ этотъ день принималъ генералъ-адъютантъ князь Чавчавадзе, и, глядя на мощную, красивую фигуру этого богатыря, невольно припоминалось, что въ этотъ день, за 50 лѣтъ тому назадъ, онъ получилъ свой первый георгіевскій крестъ, во главѣ командуемаго имъ 7-го эскадрона. Послѣ обычныхъ тостовъ за Государя—Императора, за августѣйшаго однополчанина великаго князя Михаила Николаевича и за доблестный полкъ, князь Багратіонъ-Мухранскій провозгласилъ здравицу за двухъ героевъ Башъ-Кадыкъ-Лара: князя Чавчавадзе и князя Амилахвари, почтившихъ праздникъ своимъ присутствіемъ. Чару съ виномъ на серебряномъ подносѣ подавалъ старѣйшій изъ драгунъ, тогда уже отставной унтеръ-офицеръ, Яковъ Бондаревъ.

Послѣ парада всѣ присутствующіе, вмѣстѣ съ полковыми дамами, перешли въ казарму трубачей, гдѣ были встрѣчены полковымъ адъютантомъ штабсъ-ротмистромъ Шмитомъ, настоящимъ хозяиномъ праздника. Присутствіе дамъ придавало всему торжеству именно теплый семейный характеръ, и здѣсь кстати упомянуть, что въ Нижегородскомъ полку давно уже установился симпатичный обычай, по которому каждая дама, вступая въ кругъ тѣсной полковой семьи, вноситъ свою лепту въ общую полковую сокровищницу, въ видѣ какого нибудь ковша, кубка, чарки или т. под., съ начертаннымъ на ней своимъ именемъ. И память о ней оставляется такимъ образомъ въ полку уже навсегда.

Въ командѣ трубачей, во время краткаго молебствія, былъ освященъ новый образъ,—даръ трубачамъ отъ всѣхъ бывшихъ полковыхъ адъютантовъ. Образъ представляетъ собою складень, по срединѣ котораго находится изображеніе св. Илларіона, съ правой стороны икона Знаменія Божіей Матери, а съ лѣвой Георгій побѣдоносецъ. Складень серебряный, художественной работы Фаберже, и на задней сторонѣ

---

*) Въ архивѣ кавказскаго округа имѣется объ этомъ особое дѣло, озаглавленное. „О лучезарномъ явленіи Божіей Матери въ день башъ-кадыкъ-ларской битвы". Д. 1853 г.

его вычеканена слѣдующая надпись: „Сооруженъ сей складень ко дню пятидесятилѣтія Башъ-Кадыкъ-Лара, бывшими адъютантами полка: Толстой Алексѣй, баронъ Унгернъ Владимиръ, князь Тумановъ Георгій, Карангозовъ Константинъ, Бибиковъ Викторъ, Алтуховъ Владимиръ, князь Ратіевъ Иванъ, и полковой адъютантъ Шмитъ Георгій“.

По освященіи образа, штабсъ-ротмистръ Шмитъ, колѣнопреклоненный, принялъ его изъ рукъ священника и благословилъ имъ трубаческую команду. Въ то же время поручикъ князь Никита Трубецкой отъ имени офицеровъ, исправлявшихъ должность полкового адъютанта, поднесъ трубачамъ большую серебряную чару. Офиціальная часть праздника была окончена, и всѣ присутствовавшіе расположились завтракать въ классной трубаческой комнатѣ, увѣшанной портретами полковыхъ адъютантовъ и картинами, изображавшими различные боевыя сцены; въ сосѣдней комнатѣ обѣдали трубачи, вахмистра и сверхъ-срочные унтеръ-офицеры. Послѣ завтрака въ память этого дня снята была большая фотографическая группа, въ которой участвовали всѣ офицеры, приглашенные гости и дамы.

Въ полковомъ собраніи между тѣмъ сервированъ былъ обѣденный столъ, уставленный завѣтнымъ полковымъ серебромъ, и передъ многими приборами лежали меню съ акварельными рисунками, художественно исполненными отъ руки супругой полкового адъютанта Юліей Константиновной Шмитъ, изобразившей различные эпизоды изъ жизни Нижегородцевъ.

Во время обѣда, провозглашая заздравные тосты, командиръ полка князь Багратіонъ-Мухранскій горячо привѣтствовалъ мысль, высказанную еще наканунѣ однимъ изъ старыхъ кавказцевъ о постановкѣ памятника на братской могилѣ нижнихъ чиновъ, павшихъ подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ. Рѣчь эта принята была восторженно и Нижегородцы первые внесли посильную лепту, положивъ основаніе этому святому и великому дѣлу.

Въ тотъ же день полкъ имѣлъ счастіе получить слѣдующія телеграммы:

Отъ Государя Императора: „Сердечно благодарю Нижегородцевъ за выраженныя чувства, по случаю 50-лѣтней годовщины башъ-кадыкъ-ларскаго боя. Не сомнѣваюсь, что завѣты и духъ былыхъ героевъ навсегда сохранятся въ славномъ Моемъ полку. Николай“.

Отъ великаго князя Михаила Николаевича:

„Сердечно благодарю славныхъ Нижегородцевъ за память. Поздравляю полкъ съ годовщиною знаменитаго башъ-кадыкъ-ларскаго боя".

Третья телеграмма была отъ великаго князя Николая Михаиловича:

„Въ годовщину славнаго башъ-кадыкъ-ларскаго боя отъ имени кавказскихъ гренедеръ поздравляю Нижегородцевъ и шлю полку сердечное пожеланіе пожать новые безсмертные лавры въ будущемъ".

Такъ отпраздновалъ полкъ полувѣковой юбилей Башъ-Кадыкъ-Лара, а впереди стоялъ еще такой же славный день юбилея Кюрюкъ-Дара.

Чтобы не возвращаться къ „дѣламъ давно минувшихъ дней, къ преданьямъ старины глубокой", опередимъ нѣсколько ходъ текущихъ событій, и скажемъ, какъ въ слѣдующемъ 1904 году, во время кавалерійскаго сбора подъ Александрополемъ, Нижегородцы помянули и Кюрюкъ-Даринскую битву.

За всю двухъ-вѣковую историческую жизнь полка не было для него боя болѣе тяжкаго, но и болѣе славнаго.

Сраженіе это, гдѣ 16 тысячъ русскихъ приняли на себя ударъ 60-ти тысячной турецкой арміи, началось неожиданно: поэтому войска, разбитыя на три отдѣльныя совершенно самостоятельныя группы, образовавшія лѣвое крыло, центръ и правый флангъ, и раздѣленныя между собою огромными промежутками, не могли помогать другъ другу и, слѣдовательно, должны были драться по крайнему своему разумѣнію, „не мудрствуя лукаво", на совѣсть. Никакихъ резервовъ также не было. Бились по Кавказски на чистоту, безъ задней помощи и мысли—и побили турокъ на славу.

Мы остановимся только на томъ, что происходило на лѣвомъ флангѣ, гдѣ были Нижегородцы.

Сраженіе начали Тверцы блестящею атакой на турецкую батарею. Прикрытіе было опрокинуто, прислуга изрублена, орудія взяты. Но самый успѣхъ этотъ разстроилъ полкъ, впервые находившійся въ дѣлѣ, на столько, что онъ долженъ былъ на нѣкоторое время выйдти изъ боя, чтобы собрать и привести въ порядокъ свои сильно порѣдѣвшіе эскадроны. Этою минутой воспользовались турки и двинули шесть шту-

церныхъ батальоновъ на наши четыре, составлявшіе всю пѣхоту лѣваго фланга. Осыпанные градомъ пуль съ далекаго разстоянія, Бѣлевцы и Тульцы, только что прибывшіе изъ Россіи и вооруженные гладкоствольными ружьями, подались назадъ и стали очищать позицію. Минута наступила критическая: Тверцы были разстроены, пѣхота отступала, и передъ лицомъ непріятеля стояло только шесть эскадроновъ Нижегородцевъ,—болѣе войскъ на лѣвомъ флангѣ не было. Вотъ эти-то шесть эскадроновъ *) во что бы то ни стало и должны были остановить наступленіе турокъ, грозившее пораженіемъ нашему лѣвому флангу. Пикинеры первые понеслись въ атаку и врѣзались въ турецкіе батальоны. Пошла рукопашная свалка, но и отвага и жертвы были напрасны: турки стояли стѣной, смыкались надъ тѣлами товарищей—и пикинеры были отбиты. Ихъ смѣнили 3-й, потомъ 4-й дивизіоны. Рядъ этихъ атакъ, слѣдовавшихъ безпрерывно одна за другою, задержали турокъ, но не могли ихъ сбить и опрокинуть.

Въ эту минуту на помощь къ Нижегородцамъ подоспѣли четыре донскія орудія. Они дали картечный залпъ съ разстоянія 60-ти сажень, и черезъ минуту потеряли почти всѣхъ лошадей и прислугу. Оставшіеся въ живыхъ артиллеристы успѣли оттащить два орудія, но другія два остались на мѣстѣ—и турки бросились, чтобы захватить ихъ. Громко заговорила въ сердцахъ Нижегородцевъ старинная слава полка. Стремительной атакой они отбросили турокъ назадъ, но сами не успѣли увезти орудія, и тѣ, какъ жертвы, обреченныя закланію, остались между нами и непріятелемъ. Съ этой минуты и начинается страшный бой за эти орудія. Турки пытаются взять ихъ; Нижегородцы съ безумною отвагой не даютъ имъ овладѣть этими трофеями. Они врубаются въ баталіоны, отбрасываются назадъ штыками, строятся подъ огнемъ непріятеля и повторяютъ ударъ за ударомъ. Въ этой сумятицѣ полкъ уже не представляетъ собою стройной кавалерійской части, раздѣленной на дивизіоны и эскадроны,—все смѣшалось въ одну общую кучу. Изъ 33-хъ офицеровъ, выѣхавшихъ въ бой, въ строю остается только девять; изъ восьмисотъ лошадей—417 уже лежатъ на полѣ сраженія. Полкъ уменьшился больше чѣмъ на половину. Имъ уже никто не командуетъ; бой ведутъ сами солдаты, во главѣ съ уцѣлѣвшими

---

*) Остальные четыре эскадрона находились въ то время на Лезгинской линіи.

Группа, снятая въ день празднованія Башъ-Кадыкъ-Ларскаго боя.

офицерами: они смыкаются въ небольшія кучки, и эти грозные остатки славнаго полка держатъ непріятеля на мѣстѣ, не позволяя ему тронуться впередъ ни на шагъ. „Умремъ, а мѣста не сдадимъ!“ слышится въ рядахъ Нижегородцевъ.

Въ тотъ день легко не мало
Господъ, простыхъ солдатъ,
Затѣмъ, что передъ смертью
Не пятились назадъ.

Такъ говоритъ объ этомъ старая полковая пѣсня Нижегородцевъ.

А въ сторонѣ отъ этого побоища стоитъ ихъ старый полковой командиръ князь Ясонъ Чавчавадзе, осыпаемый градомъ снарядовъ и пуль. Подъ нимъ убиты уже двѣ лошади; онъ пересѣлъ на третью. Возлѣ него тяжело раненъ пулею въ грудь полковой адъютантъ, убитъ штабъ-трубачъ и одинъ за другимъ падаютъ конвойные; онъ самъ жестоко контуженъ осколкомъ гранаты въ поясницу, но не покидаетъ поля. Его высокая сухощавая фигура, съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ, стоитъ на виду у всѣхъ, какъ отлитая изъ бронзы конная статуя. Онъ не распоряжается ничѣмъ, да ему и не зачѣмъ распоряжаться. Онъ видитъ, что его драгуны сдѣлали все, что могли, и остается сдѣлать немногое—только умереть. И онъ увѣренъ, что полкъ его умретъ, но не сдастъ своего мѣста.

Къ счастію въ эту минуту Тверцы, оправившіеся послѣ своей атаки, снова вошли въ боевую линію и принялись помогать Нижегородцамъ въ кровавой работѣ. Въ тоже время двинулась наконецъ впередъ и наша пѣхота. Но едва барабаны ударили наступленіе, какъ турки, измученные и потрясенные нравственно кровавою борьбою съ горстью нашей конницы, заколебались и стали отступать. Князь Чавчавадзе искусно уловилъ этотъ моментъ и, бросившись съ остатками полка, вырвалъ изъ непріятельской батареи шесть полевыхъ орудій. Двѣ наши пушки, залитыя кровью и заваленныя тѣлами, также остались въ нашихъ рукахъ.

Теперь съ каждымъ ударомъ наше крыло подавалось впередъ, а турки—назадъ. Наши были чрезвычайно одушевлены. Бой казался настоящимъ пиромъ, и судьба его на этомъ флангѣ очевидно рѣшалась уже въ нашу пользу. Въ это же самое время непріятельскій центръ былъ прорванъ богатырскимъ ударомъ гренадерской бригады—

и турецкая армія, разрѣзанная на двое, бѣжала по всему протяженію кюрюкъ-даринскаго поля.

Сраженіе окончилось. Нижегородскій полкъ былъ буквально истерзанъ; но если бы онъ хотя на минуту поддался чувству самосохраненія,—турки обошли бы нашъ флангъ и ударили въ тылъ нашему корпусу. Жертва драгунъ была необходима.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, много утекло воды въ Арпачаѣ. И самый Арпачай, и Кюрюкъ-Дара, и Карсъ давно уже сдѣлались русскими владѣніями, а братская могила на Кюрюкъ-даринскомъ полѣ и доселѣ стоитъ еще безъ креста и камня. Могилы офицеровъ находятся въ Александрополѣ. Тамъ на окраинѣ города изъ глубокой долины Арпачая поднимается отдѣльный холмъ, усѣянный могильными крестами и памятниками; ихъ осѣняютъ тѣнистыя деревья. Самый холмъ окруженъ каменною стѣною съ выступами на углахъ въ видѣ бастіоновъ,—это постаменты для турецкихъ пушекъ, стоящихъ жерлами внизъ, а надъ ними граната, увѣнчанная русскимъ сіяющимъ крестомъ. У самыхъ воротъ стоитъ оригинальной архитектуры красивая часовня съ надписью надъ ея дверями: „Здѣсь царство мира и покоя". Этотъ холмъ и въ офиціальныхъ бумагахъ и въ народныхъ сказаніяхъ одинаково носитъ названіе „Холмъ чести". Тамъ покоятся отцы и братья наши, прежде насъ отшедшіе отъ жизни, и самое время не осмѣлилось сокрушить ихъ скромныхъ памятниковъ, поддерживаемыхъ заботливою рукою. Да и какъ не поддерживать послѣдняго земного жилища тѣхъ, кто ради нашей славы отдалъ свою жизнь на поляхъ Башъ-Кадыкъ-Лара и Кюрюкъ Дара, на валахъ грознаго Карса, въ кровавыхъ битвахъ послѣдней минувшей турецкой войны. Давно уже этотъ Холмъ чести обратился въ жертвенникъ, на которомъ изъ года въ годъ 24-го іюня приносится лагерная молитва. А молитва лагеря свѣтла и торжественна. Свободная отъ житейскаго сора, она торжественна въ самой военной простотѣ своей, и подъ открытымъ небеснымъ куполомъ, въ живомъ храмѣ Божьяго міра и его красотъ, она звучитъ во всеуслышаніе стихіямъ, Ей вторитъ плескъ волнъ, шумъ вѣтра, голосъ птицы, витающей въ поднебесьѣ. Безконечная синяя даль кругомъ расширяетъ смыслъ словъ ея въ самую вѣчность.

Въ 1904 году заупокойная молитва перенесена была однако на канунъ знаменательнаго дня. И вотъ, вечеромъ 23-го іюля, въ пяти-

десятый разъ вышелъ крестный ходъ изъ Александропольскаго собора и направился къ этому завѣтному холму, гдѣ уже собраны были всѣ офицеры Александропольскаго кавалерійскаго сбора и команды отъ всѣхъ полковъ и частей. Заходящее солнце озаряло своими лучами блестящія хоругви, богатые оклады иконъ, черныя ризы духовенства и массу молящихся военныхъ людей.

Въ 7 часовъ вечера началась панихида надъ старыми истлѣвшими гробами. Здѣсь лежатъ и наши Нижегородцы, жертвы Кюрюкъ-даринскаго боя: Капитаны Рязановъ и Батіевскій, штабсъ-капитанъ Григоровичъ и прапорщикъ Баснинъ. Горячо молились всѣ въ этомъ царствѣ мира и покоя; тихою мелодіею разносились по открытой равнинѣ скорбныя пѣсни Дамаскина. И у всѣхъ присутствовавшихъ невольно являлась одна и та же мысль: поднимитесь, братья соотчичи, на радостное свиданіе! И тѣни давно почившихъ героевъ, казалось, витали надъ нами въ ясной лазури вечерняго безоблачнаго неба.... Но вотъ печальнымъ аккордомъ пронеслась надъ гробами и послѣдняя церковная пѣснь: „Вѣчная память". Пусть же эта вѣчная память пронесется не только изъ конца въ конецъ обширнаго военнаго кладбища, но глубоко отзовется въ нашихъ сердцахъ дѣйствительно вѣчною памятью о тѣхъ чудо-богатыряхъ минувшаго вѣка, по стопамъ которыхъ слѣдуемъ мы и будутъ слѣдовать наши потомки.

На слѣдующій день 24 Іюля войска александропольскаго сбора, послѣ короткаго маневра, сошлись на общую лагерную молитву и расположились вокругъ аналоя, приготовленнаго уже на артиллерійскомъ полигонѣ. Нижегородцы стояли противъ Тверцовъ; Сѣверцы противъ Лабинскихъ и Уманскихъ казаковъ; три конныя батареи—за казаками. Послѣ благодарственнаго молебствія, совершеннаго духовенствомъ соборнѣ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, и принцъ Наполеонъ поздравлялъ всѣхъ съ днемъ знаменитой побѣды.

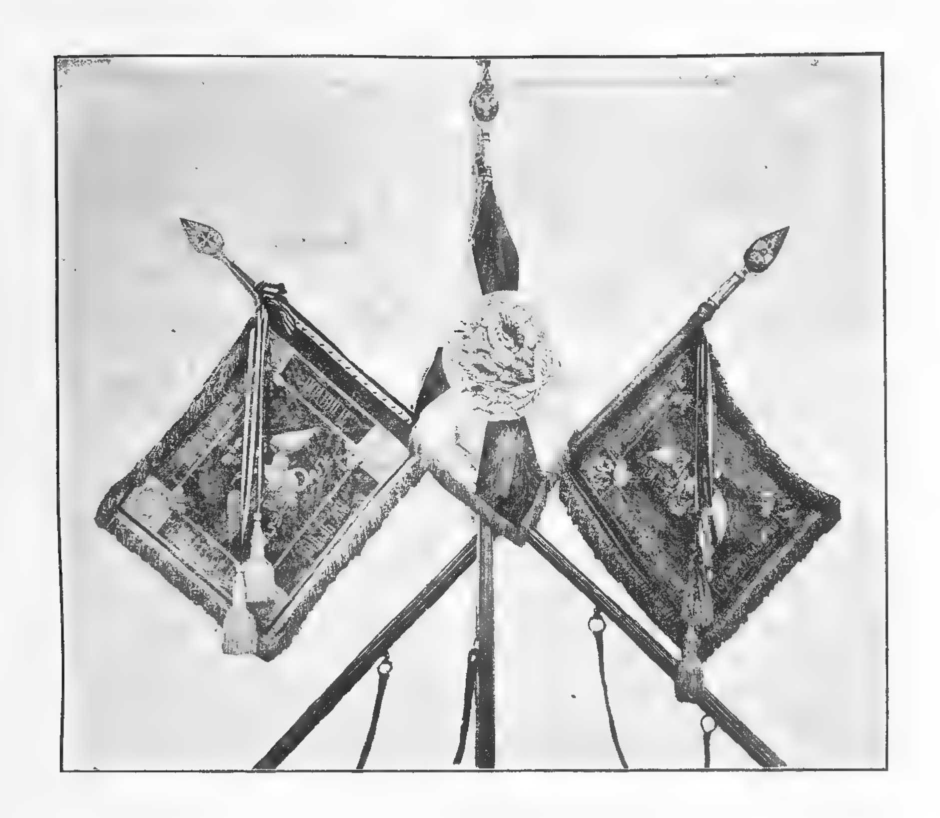
Въ тотъ же день Государь Императоръ осчастливилъ войска слѣдующею телеграммою.

„Сердечно благодарю доблестные полки кавказской кавалерійской дивизіи, участниковъ славнаго кюрюкъ-даринскаго боя, за выраженныя ими чувства въ день истекшей 50 лѣтней годовщины этого блистательнаго дѣла. Вѣрю, что боевыя преданія старыхъ Кавказскихъ драгунъ нерушимо хранятся молодыми поколѣніями. Николай".

Увѣренъ—телеграфировалъ августѣйшій генералъ инспекторъ кавалеріи—что потомки останутся всегда на высотѣ своихъ достославныхъ предковъ". Въ этомъ же духѣ была телеграмма отъ великаго князя Михаила Николаевича, поздравившаго всѣ полки съ полувѣковой годовщиной незабвенной побѣды, и депеша отъ старого Кавказскаго витязя генерала адъютанта князя Чавчавадзе:„ Душевно поздравляю—писалъ онъ—Тверцовъ, Нижегородцевъ и Сѣверцевъ съ достопамятною годовщиною Кюрюкъ-даринскаго боя, гдѣ мы ложились костьми, чтобы вырвать побѣду."

Такъ окончилось Кюрюкъ-даринское празднество. Наша задача была воскресить въ памяти Нижегородцевъ старыя боевыя преданія полка. „Помянухъ дни древніе, поучихся," говоритъ псалмопѣвецъ.

Теперь возвратимся назадъ къ самому началу 1904 года.



XI.

ОТГОЛОСКИ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Первыя извѣстія о войнѣ съ Японіей.—Пожертвованіе Нижегородцевъ.—Назначеніе Нижегородскихъ офицеровъ въ составъ дѣйствующей арміи.—Проводы ихъ полкомъ.—Пожалованіе полку царскаго портрета и возвращеніе ему старыхъ штандартовъ.—Строевыя занятія.—Нижегородцы на Бѣломъ-Ключѣ.—Манифестъ о рожденіи наслѣдника цесаревича.—Назначеніе князя Багратіона-Мухранскаго командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка.—Новый полковой командиръ полковникъ Комстадіусъ.—Первые дни его командованія.—Нижегородцы на Дальнемъ Востокѣ.

Мирно и спокойно начался 1904 годъ. Правда, маленькія тучки ходили по небу на Дальнемъ Востокѣ; по временамъ сверкала зарница, но ничто не предвѣщало близкой грозы, какъ вдругъ вся Россія дрогнула точно отъ электрической искры; 27-го января теле-

графъ принесъ потрясающую вѣсть, что ночью коварный врагъ изподтишка подкрался къ нашему флоту, стоявшему у Портъ-Артура, и безъ объявленія войны внезапно сразилъ его лучшихъ передовыхъ бойцовъ. На Дальнемъ Востокѣ пролилась русская кровь.

Краткость телеграфнаго сообщенія, неизвѣстность, что произошло дальше, томительное ожиданіе, преувеличенные слухи о нашихъ потеряхъ на мгновеніе смутили и озадачили русское общество.

Но вотъ, съ высоты престола раздалось царское слово. „Мы повелѣли,—говорилось въ манифестѣ, вооруженною силой отвѣтить на вызовъ Японіи. Съ непоколебимою вѣрой въ помощь Всевышняго, и въ твердомъ уповании на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ нами на защиту отечества, Мы призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота“. И едва это властное слово облетѣло Россію, какъ всѣ недоумѣнія улеглись и исчезли. Все уступило мѣсто мужественному спокойствію, которое только и нужно, чтобы дѣлать великое дѣло.

Какъ въ грозовой тучѣ скопляются молніи, такъ скопились въ сердцѣ русскаго народа чувства національной обиды, и какъ отголосокъ общаго настроенія пронеслось и прозвучало тогда вещее слово с.-петербургскаго митрополита. „Располагай государь, писалъ онъ, располагай и нами и имуществомъ нашимъ. Нужно будетъ — такъ церкви и монастыри вынесутъ драгоцѣнныя украшенія святынь своихъ на алтарь отечества“. Отъ этихъ словъ такъ и вѣяло могучимъ духомъ старой Руси, тѣхъ стародавнихъ временъ, когда преподобный Сергій и другіе молитвенники русской земли принимали спасеніе родины на свои святительскія руки. Всѣ думы, желанія, помыслы и чувства устремились теперь на Дальній Востокъ. Тамъ льется кровь нашихъ братій, тамъ приготовляется для нихъ горькая чаша страданій, и всѣ мы вмѣстѣ съ ними должны испить эту чашу до дна. Война только еще начинается; колышется таинственная завѣса, отдѣляющая насъ отъ загадочнаго будущаго. Что сулитъ оно намъ, — „Знать не можетъ человѣкъ, знаетъ Богъ единый“.

Въ Тифлисѣ царскій манифестъ полученъ былъ 29-го января—и общее одушевленіе, охватившее всѣхъ, сказалось съ особою силой въ Нижегородскомъ полку, гдѣ офицеры собрали по подпискѣ между собою 2000 рублей на усиленіе флота, и отправили ихъ на имя вели-

каго князя наслѣдника Михаила Александровича. Въ свою очередь полкъ, въ лицѣ своего командира, удостоился получить слѣдующій милостивый рескриптъ его высочества:

„Князь Александръ Иракліевичъ! Отзывчивость 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Величества полка къ задачамъ состоящаго подъ моимъ почетнымъ предсѣдательствомъ комитета по усиленію военнаго флота искренно меня обрадовала. Сердечно благодарю васъ и прошу передать мою благодарность доблестнымъ Нижегородцамъ за ихъ щедрое пожертвованіе на защиту отечества. Михаилъ„.

Но однѣ матеріальныя жертвы не могли еще удовлетворить Нижегородцевъ. Они стремились связать свое имя съ начинающеюся войною, внести на ея кровавыя страницы новые подвиги, достойные своей прошлой исторіи. Но случая не было. Изъ числа кавказскихъ войскъ назначены были къ походу только два сводные баталіона пѣхоты, долженствовавшіе составить третьи баталіоны въ двухъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полкахъ. Оба они, отправляясь на Дальній Востокъ, проѣзжали черезъ станцію Навтлугъ, гдѣ Нижегородцы встрѣчали ихъ братскимъ угощеніемъ и напутствовали каждаго иконою Знаменія Божіей Матери. Это были первыя боевыя части, уходившія съ Кавказа въ далекія, невѣдомыя страны Манджуріи, и съ завистью смотрѣли на нихъ остальныя войска, лишенныя надежды раздѣлить съ ними труды и опасности военнаго похода. Но судьба сама позаботилась о Нижегородцахъ.

Еще поѣзда, увозившіе баталіоны, не вышли изъ предѣловъ кавказскаго края, какъ пришло приказаніе сформировать на Кавказѣ для манджурской арміи еще два конно-мусульманскіе полка: одинъ изъ дагестанскихъ горцевъ, другой изъ Кубанской и Терской областей. Для обоихъ полковъ, помимо туземнаго элемента, составлявшаго, такъ сказать, основаніе полка, требовались еще опытные кавалерійскіе офицеры, знакомые съ нравами кавказскихъ горцевъ—и это-то обстоятельство открыло Нижегородцамъ широкій путь на Дальній Востокъ.

По первому вызову явились: командиръ 4-го эскадрона ротмистръ князь Константинъ Тумановъ, ротмистра Ягминъ и Глонти, штабсъ-ротмистра Кобіевъ, Кусовъ и Шереметевъ 2-й (Алексѣй), поручикъ князь Чавчавадзе (Захарій) и корнетъ князь Чавчавадзе (Давидъ). Изъ

числа ихъ только одинъ штабсъ-ротмистръ Шереметевъ попалъ въ Терско-кубанскій полкъ, а остальные зачислены были въ Конно-дагестанскій, причемъ князь Тумановъ произведенъ въ подполковники, съ переименованіемъ въ войсковые старшины.

Къ этимъ восьми офицерамъ примкнули еще два старые Нижегородца: генеральнаго штаба капитанъ Лопухинъ и ротмистръ Алтуховъ, состоявшій въ распоряженіи тифлисскаго губернатора. Кромѣ того, одновременно съ ними, командированъ былъ изъ полка штабсъ-ротмистръ Ханъ-Зіатхановъ, потомокъ знаменитаго въ исторіи Кавказа Джеватъ-хана Ганжинскаго, назначенный въ Омскъ командиромъ отдѣленія кавалерійскаго запаса, формировавшагося въ г. Курганѣ.

Проводы этой первой партіи добровольцевъ отличались большою торжественностью. 20-го марта въ 12 часовъ дня въ полковой церкви отслужено было напутственное молебствіе, на которомъ присутствовали всѣ офицеры со своими семьями, много гостей и по взводу нижнихъ чиновъ отъ каждаго эскадрона. Всѣ понимали серьезность наступившей минуты; всѣ сознавали, что жертвы въ будущемъ будутъ, и что онѣ неизбѣжны. Уменьшить число ихъ не въ нашей власти; но въ нашей власти поддержать ихъ духъ на предстоящемъ имъ терновомъ пути, облегчить ихъ страданія, одушевить ихъ фамильными или полковыми преданіями. Пусть воображеніе рисуетъ мрачныя, кровавыя картины—ихъ надо побѣдить въ самомъ себѣ, потому что такова уже обстановка войны, таковы картины и тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, куда стремятся эти молодыя силы, смиренно склоняющія теперь колѣна передъ алтаремъ Господнимъ. Въ числѣ молившихся находились супруга покойнаго главноначальствующаго на Кавказѣ Евдокія Борисовна Шереметева и супруга недавно скончавшагося начальника дивизіи княгиня Марта Захарьевна Чавчавадзе. Онѣ явились проводить и благословить въ кругу полковой семьи своихъ сыновей, отправляющихся на поле брани. Всѣ молились усердно, но не было ни слезъ, ни смущенія. Фамильныя традиціи брали верхъ надъ чувствами сердца, и матери гордились своими дѣтьми, идущими защищать отчизну, какъ нѣкогда гордились своими мужьями, покрытыми славой въ бояхъ. Велика и свята въ эти минуты русская женщина! На молебствіи присутствовалъ и старѣйшій изъ всѣхъ Нижегородцевъ, израненый въ битвахъ, генералъ-адъютантъ князь Захарій Чавчавадзе, провожавшій на войну

тоже родного сына своего князя Давида. „Что-жь! говорилъ старый князь, пусть приметъ боевое крещеніе, какъ мы, старики, принимали его въ свое время“... Молебствіе закончилось трогательною рѣчью полкового духовника, и еще трогательнѣе была та минута, когда отъѣзжающіе стали подходить къ святому кресту, и отецъ Евѳимій на каждаго изъ нихъ возлагалъ небольшую серебряную икону Знаменія Божіей матери. Сколько разъ святая икона эта сопутствовала Нижегородцамъ въ побѣдномъ шествіи полка въ теченіи долгой, исторической жизни его, и теперь она служила эмблемой неразрывнаго единенія отъѣзжающихъ со своимъ роднымъ полкомъ.

Послѣ молебствія послѣдовалъ общій завтракъ, полный одушевленія, и затѣмъ прощаніе офицеровъ со своими эскадронами. Разставаясь съ ними, командиръ полка сказалъ между прочимъ: „Вы уже не будете называться теперь Нижегородцами, но ваши подвиги и ваши имена занесутся на страницы Нижегородской исторіи“.

На слѣдующій день послѣдовалъ отъѣздъ ихъ къ новому мѣсту служенія. Всѣ офицеры съ хоромъ трубачей провожали ихъ на вокзалъ; сюда же прибылъ начальникъ дивизіи принцъ Наполеонъ, собрались всѣ полковыя дамы, и явились представители отъ всѣхъ частей тифлисскаго гарнизона.

Была уже темная ночь, когда на платформѣ раздался послѣдній свистокъ, грянулъ Нижегородскій маршъ, и поѣздъ тронулся съ дебаркадера, напутствуемый громовымъ „ура“, стократно отдавшимся перекатнымъ эхомъ въ окрестныхъ горахъ. И долго еще на платформѣ мелькали въ воздухѣ бѣлые платки и малиновыя фуражки, посылая прощальный привѣтъ отъѣзжавшимъ. Черезъ четверть часа поѣздъ пронесся уже мимо полковыхъ казармъ, съ ихъ ярко освѣщенными окнами, и отъѣзжавшіе офицеры, прильнувъ къ опущеннымъ стекламъ вагоновъ, долго-долго слѣдили за своимъ роднымъ гнѣздомъ, гдѣ многіе изъ нихъ покидали свои семьи, родныхъ и близкихъ.

Но вотъ короткая остановка въ Навтлугѣ, и поѣздъ снова мчится дальше и дальше. Постепенно никнутъ и уходятъ вдаль, точно утопая во мракѣ ночи, огоньки казармъ и, наконецъ, скрываются совсѣмъ за поворотомъ дороги. Въ эти минуты невольно почувствовалась всѣми гнетущая тоска одиночества.

Еще не изгладились изъ памяти впечатлѣнія этихъ проводовъ, какъ полку пришлось пережить еще одинъ изъ тѣхъ великихъ дней, когда передъ духовнымъ взоромъ молодыхъ поколѣній невольно развертываются цѣлыя картины минувшей полковой исторіи. Это былъ день возвращенія полкамъ старыхъ, давно уже отслужившихъ свой срокъ знаменъ и штандартовъ, которые Государь Императоръ повелѣлъ сохранять не въ арсеналахъ, а въ тѣхъ частяхъ, какимъ они принадлежали. Среди этихъ забытыхъ клейнодовъ нашлись и Нижегородскіе штандарты. 11-го мая для обратнаго принятія ихъ въ полкъ командированъ былъ въ Петербургъ полковой адъютантъ штабсъ-ротмистръ Шмитъ, и съ нимъ вахмистра Кононовъ и Шмагоржевскій, штабъ-трубачъ Степаненко, трубачъ Богдановъ и полковой писарь Константиновъ. Штандарты привезены были въ Тифлисъ 5-го іюня, и почти одновременно съ этимъ полкъ былъ осчастливленъ новымъ драгоцѣннымъ даромъ своего царственнаго шефа. Министръ императорскаго двора сообщилъ, что Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Нижегородскому полку свой портретъ, писанный во весь ростъ маслянными красками. Такимъ образомъ для Нижегородцевъ составилось двойное торжество.

Для сопровожденія штандартовъ отъ вокзала желѣзной дороги, назначенъ былъ эскадронъ Его Величества съ хоромъ трубачей, подъ командой штабсъ-ротмистра князя Ратіева. Они торжественно прошли по улицамъ Тифлиса, привлекая массу постороннихъ зрителей, съ любопытствомъ взиравшихъ на эти клочки и обрывки ветхихъ знаменъ, свидѣтелей прежнихъ походовъ. Въ виду полка, уже стоявшаго въ конномъ строю у своихъ казармъ, штандарты пріостановились на нѣсколько минутъ, чтобы дать время сопровождавшему ихъ эскадрону и трубачамъ занять свое мѣсто во фронтѣ; затѣмъ подъ грозно-величавые звуки похода они объѣхали всю линію полка, встрѣчавшаго ихъ дружнымъ „ура", и остановились передъ его серединой. Тогда передъ фронтомъ прочитанъ былъ слѣдующій приказъ по полку:

„Нижегородцы! Державному шефу благоугодно было осчастливить нашъ полкъ пожалованіемъ своего портрета. Столь высокое вниманіе да усугубитъ наше стараніе дальнѣйшею службой быть всегда достойными этой царской милости, совпавшей съ принятіемъ сегодня по высочайшему повелѣнію нашихъ старыхъ штандартовъ, свидѣтелей бое-

вой славы полка на поляхъ Елисаветполя, Джеванъ-Булаха, Бейбурта, Башъ-Кадыкъ-Лара, Кюрюкъ-Дара, Бегли-Ахмета и Аладжи.

„Штандарты эти хранить въ полковой церкви. Тамъ, предстоя Господнему алтарю, они, водившіе предковъ нашихъ къ побѣдамъ, будутъ въ часы нашей молитвы напоминать намъ о нашемъ долгѣ передъ царемъ, родиной и передъ неумирающей славой полка. Пусть же при взглядѣ на эти священныя хоругви каждый изъ насъ проникнется тѣми же вѣковыми завѣтами, которые одушевляли нашихъ отцовъ, служившихъ подъ сѣнью этихъ штандартовъ, чтобы, подобно имъ, не щадя ни силъ, ни крови, ни жизни, быть всегда достойными славнаго имени „Нижегородца".

Началось молебствіе. Скромный походный аналой, и передъ нимъ священникъ въ облаченіи—вотъ и вся молитвенная обстановка походнаго человѣка. Противъ аналоя цѣлый рядъ штандартовъ, съ ихъ полинявшими отъ времени георгіевскими лентами, съ ихъ потускнѣвшими темляками съ согнутыми или поломанными копьями. Сколько видѣли эти штандарты на своемъ вѣку! Сколько поколѣній молилось передъ ними, всегда предстоявшими походному алтарю солдата! А кругомъ, какъ прежде, такъ и теперь, стройно стояли темною линіей драгунскіе эскадроны. Нѣтъ въ нихъ наружнаго блеска, но въ этой то простотѣ и скрывается истинное боевое величіе.

Молебствіе закончилось провозглашеніемъ вѣчной памяти тѣмъ усопшимъ воинамъ, чья кровь пролилась подъ этими штандартами, а затѣмъ многолѣтіе царскому дому и христолюбивому россійскому воинству. Этотъ обычный возгласъ священника теперь имѣлъ для всѣхъ особое значеніе. Молитвенно склонились головы, прося у Господа „на враги побѣду и одолѣніе". И мысли всѣхъ невольно перенеслись къ дорогимъ товарищамъ, еще такъ недавно ушедшимъ на Дальній Востокъ. Теперь они уже сближаются съ врагами. Отваженъ, смѣлъ и хитеръ этотъ врагъ, но съ такимъ то врагомъ и помѣриться Нижегородцу.

По окончаніи церковнаго обряда, эскадроны прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо своихъ старыхъ штандартовъ; полковой командиръ ѣхалъ впереди полка, начальникъ дивизіи принцъ Наполеонъ на флангѣ. Равняясь со штандартами, офицеры салютовали.

Послѣ парада, сопровождаемые цѣлымъ полкомъ, эти священныя регаліи двинулись къ отверстымъ дверямъ полкового храма, гдѣ во-

семь изъ нихъ водружены были по сторонамъ алтаря, а два, обратившіеся уже въ ветхія клочья, разсыпавшіяся отъ прикосновенія къ нимъ рукою, положены въ особые ковчеги.

Эти два послѣдніе штандарта принадлежали ко времени Анны Іоанновны. Изъ остальныхъ—четыре относятся къ царствованію Императора Александра 1-го и четыре, уже георгіевскіе, пожалованы полку Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Затѣмъ, 20-го іюня, полученъ былъ и портретъ Государя Императора, украшающій нынѣ залъ полкового собранія. Государь изображенъ въ парадной формѣ Нижегородскаго Его Величества полка.

На ряду съ этими событіями, строевыя занятія шли своимъ чередомъ, и 4-го іюля полкъ выступилъ въ спеціальный кавалерійскій сборъ подъ Александрополь, гдѣ, какъ мы говорили, отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей кюрюкъ-даринской битвы. Но это торжество было чисто семейное, а за нимъ послѣдовало другое торжество—народное. Высочайшій манифестъ возвѣстилъ о рожденіи 2 августа государя наслѣдника-цесаревича Алексѣя Николаевича, и полки александропольскаго кавалерійскаго сбора, помолившись въ походной церкви, отправили, подъ наплывомъ радостныхъ чувствъ, депешу Государю Императору, повергая къ стопамъ его и августѣйшаго новорожденнаго выраженія безпредѣльной любви и преданности.

Этотъ день былъ заключительнымъ днемъ сбора, и 3-го августа войска распущены были по своимъ штабъ-квартирамъ. Нижегородскій полкъ направился въ Тифлисъ, а развѣдчики всѣхъ эскадроновъ, подъ командой подполковника Меликъ-Алахвердова двинулись на Бѣлый Ключъ, чтобы изслѣдовать пути, по которымъ драгуны ни разу еще не ходили. Мы отмѣчаемъ эту поѣздку не потому, чтобы она представляла по своимъ результатамъ что либо выдающееся изъ ряда обычныхъ полевыхъ занятій полка въ этомъ направленіи, а потому что мы хотимъ подчеркнуть еще разъ тѣ братскія отношенія, установившіяся среди кавказскихъ войскъ, которыя служили и будутъ служить всегда залогомъ побѣды. Въ сорокъ лѣтъ мирнаго времени многое измѣнилось вокругъ полковъ, но не измѣнились у нихъ тѣ заповѣдные обычаи, которые завѣщаны имъ долгою кавказскою войною.

Бѣлый-Ключъ—это штабъ-квартира грузинскихъ гренадеръ, которые и приняли развѣдчиковъ такъ, какъ только можетъ принять

семья своихъ лучшихъ и дорогихъ друзей. Для офицеровъ отведенъ былъ особый, прекрасно меблированный домъ, а нижнихъ чиновъ разобрали по рукамъ кунаки-гренадеры.

Развѣдчики пробыли на Бѣломъ-Ключѣ два дня. И сколько за это время за дружескими трапезами произнесено было тостовъ и пожеланій по адресу тѣхъ товарищей, которые ушли изъ обоихъ полковъ на Дальній Востокъ! Общее желаніе было встрѣтиться съ ними скорѣе на поляхъ Манджуріи, и мечты Грузинцевъ и Нижегородцевъ рука въ руку прошедшихъ долгую кавказскую службу, уносились далеко въ туманную, задернутую невѣдомой завѣсою, даль. Мерещилась имъ эта таинственная Манджурія, и видѣлись на ея кровавыхъ поляхъ кавказскіе полки, неудержимою, всесокрушающею лавою стремившіеся на громадныя вражескія полчища.... Суждено-ли будетъ сбыться этимъ завѣтнымъ мечтаніямъ?...

На другой день, когда уже стемнѣло, развѣдчики сѣли на коней, чтобы сдѣлать ночной переходъ до Тифлиса. Весь Грузинскій полкъ вышелъ проводить своихъ кунаковъ, и долго, долго во слѣдъ имъ доносились еще звуки Нижегородскаго марша, и постепенно замиравшіе вдали крики „ура"...

Общій сборъ подъ Тифлисомъ закончился въ этомъ году, какъ всегда, двухдневнымъ маневромъ, а затѣмъ испытаніемъ офицеровъ въ верховой ѣздѣ и скачками. За верховую ѣзду первый призъ получилъ поручикъ Люксъ. Въ первый день скачекъ: на большомъ стипль-чезѣ первый призъ взялъ поручикъ Панчулидзевъ, а второй, поручикъ Люксъ; на маломъ стипль-чезѣ первый призъ достался поручику Рыльскому, а на барьерной—опять тѣмъ же офицерамъ Люксу и Рыльскому.

На второй день скачекъ Люксъ снова получилъ первый призъ на барьерной, а Рыльскій—первый на маломъ стипль-чезѣ и второй на барьерной.

Пока шли лѣтнія занятія, князь Багратіонъ-Мухранскій высочайшимъ приказомъ 10-го іюля произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Торопясь къ мѣсту новаго своего назначенія, онъ сдалъ полкъ старшему штабъ-офицеру подполковнику князю Церетели, и 26-го августа отдалъ слѣдующій прощальный приказъ:

„Сдавая сегодня полкъ, я считаю своимъ долгомъ службы благодарить всѣхъ чиновъ за ихъ честную службу. Высокою наградою, которою державному шефу угодно было осчастливить меня—назначенiемъ командиромъ лейбъ-гвардiи Коннаго полка, въ рядахъ котораго я началъ службу и прослужилъ 21 годъ—я обязанъ славному Нижегородскому полку. Насколько я счастливъ новымъ своимъ назначенiемъ, настолько же я съ грустiю покидаю васъ, славные и дорогiе Нижегородцы! Покидаю васъ съ увѣренностiю, что Нижегородцы всюду и всегда поддержутъ свою незыблимую вѣковую славу. Молодцамъ нижнимъ чинамъ жалую по чаркѣ водки".

Начальникъ дивизiи принцъ Наполеонъ такъ охарактеризовалъ время командованiя князя Багратiона:

„Командуя полкомъ около двухъ съ половиною лѣтъ, онъ за все это время отличался добросовѣстнымъ отношенiемъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Особое вниманiе онъ проявилъ по отношенiю къ хозяйственной части полка, которая приведена имъ въ надлежащiй порядокъ. Считаю необходимымъ указать на ту твердость характера, съ которой онъ управлялъ ввѣреннымъ ему полкомъ. Разставаясь нынѣ съ княземъ Багратiономъ-Мухранскимъ, я считаю долгомъ службы благодарить его за порядокъ, въ которомъ онъ сдалъ Нижегородскiй полкъ и пожелать ему полнаго успѣха на новомъ мѣстѣ служенiя."

На мѣсто князя Багратiона-Мухранскаго назначенъ былъ лейбъ-гвардiи Гусарскаго полка полковникъ Николай Николаевичъ Комстадiусъ. Онъ прибылъ въ Тифлисъ 2-го октября и принялъ полкъ 6-го. Съ этого дня и начинается его командованiе.

Николай Николаевичъ Комстадiусъ, потомокъ древняго дворянскаго рода Херсонской губернiи, окончилъ курсъ въ императорскомъ александровскомъ лицеѣ, и въ 1886 году поступилъ вольноопредѣляющимся по первому разряду въ лейбъ-гвардiи Гусарскiй полкъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ въ корнеты, затѣмъ выдержалъ блистательный экзаменъ въ военно-юридической академiи, но остался въ полку, и на семнадцатомъ году своей службы является уже командиромъ Нижегородскаго полка.

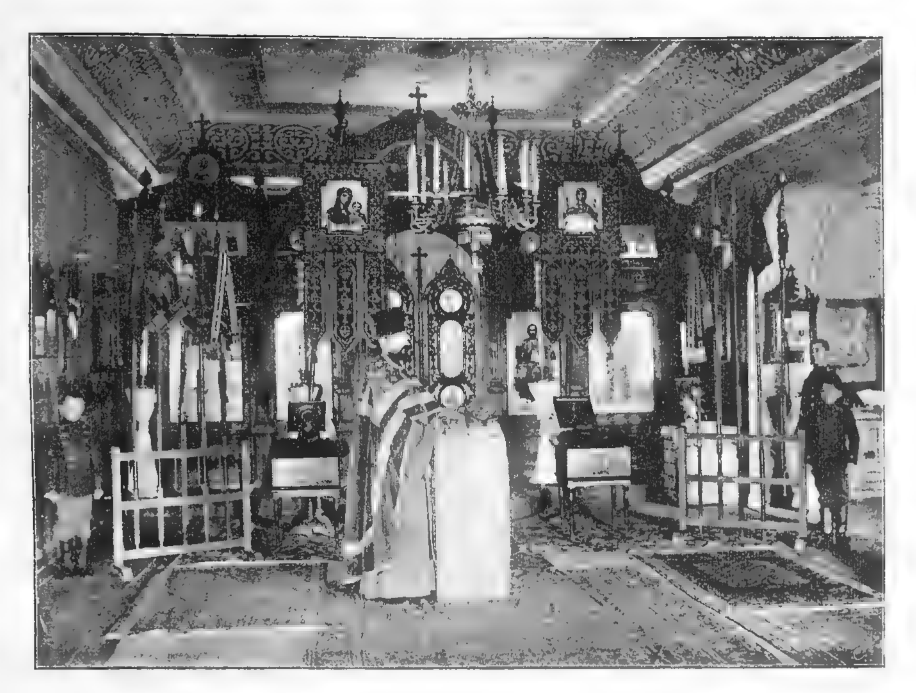
Незамѣтно наступилъ день 27-го ноября, первый полковой праздникъ въ командованiи Комстадiуса; но въ этомъ праздникѣ было уже нѣчто особенное, что отличало его отъ другихъ подобныхъ дней въ

минувшіе годы, что̀ навѣвало на душу тихую грусть и въ то же время поднимало духъ, пробуждая глубокія, возвышенныя патріотическія чувства. Это сказались послѣдствія кровавой, упорной, еще небывалой войны. Все меньше и меньше становился кружокъ Нижегородскихъ офицеровъ. Многіе ушли уже на Дальній Востокъ, другіе ждали только очереди, чтобы послѣдовать за ними. Къ тѣмъ девяти Нижегородцамъ которые отправились первыми въ далекую страну „Восходящаго Солнца", скоро прибавились еще семь человѣкъ, назначенныхъ въ Мукденъ въ распоряженіе главнокомандующаго. Это были штабсъ-ротмистра баронъ Мейндорфъ, князь Николай Эристовъ, князь Гиви Амилахвари, поручикъ Махатадзе и корнеты князь Химшіевъ, Іедигаровъ и князь Микеладзе. Затѣмъ трое—поручикъ Панчулидзевъ, корнеты Гамрикелли и князь Константинъ Амилахвари отправлены въ Россію въ Новогородскій драгунскій полкъ, который приводился на военное положеніе, для слѣдованія изъ города Сумъ Харьковской губерніи въ дѣйствующую армію. Наконецъ, полковой адъютантъ штабсъ-ротмистръ Шмитъ, штабсъ-ротмистръ Зіатъ-Хановъ, вернувшійся изъ своей командировки въ Омскъ, и корнеты Джорджадзе и князь Петръ Трубецкой переведены въ Сунженско-Владикавказскій казачій полкъ, выступавшій въ Манджурію въ составѣ сводной кавказской казачьей дивизіи.

Такимъ образомъ изъ Нижегородскаго полка 22 офицера, слѣдовательно почти двѣ трети штатнаго состава, находились уже на театрѣ военныхъ дѣйствій. Къ нимъ присоединились еще бывшіе Нижегородцы, снявшіе полковой мундиръ, но неразрывавшіе связи съ тѣснымъ кружкомъ своихъ товарищей. Такъ, вновь поступили на службу изъ запаса князь Николай Меликовъ, князь Оболенскій и поручикъ Денъ. Первые два назначены были въ Нерчинскій и Амурскій казачьи полки, а Денъ примкнулъ къ товарищамъ Нижегородцамъ, пришедшимъ на Востокъ съ Дагестанскимъ коннымъ полкомъ. И не одна ничѣмъ не связанная молодежь, которой покидать было некого, стремилась принять участіе въ этой нежданной войнѣ, принимавшей день ото дня все болѣе и болѣе упорный, кровавый характеръ. Князь Константинъ Тумановъ, князья Чавчавадзе Давидъ и Захарій, князья Амилахвари Гиви и Константинъ, Алексѣй Шереметевъ, Шмитъ, Кусовъ, Лопухинъ оставили своихъ родныхъ и семьи, чтобы

выполнить священный долгъ передъ отечествомъ. Съ восторгомъ откликнулись они на призывъ державнаго вождя, съ вѣрою проводили ихъ товарищи, и никто не сомнѣвался въ томъ, что они вернутся со славой, и вмѣстѣ со своими именами внесутъ новые доблестные подвиги на страницы исторіи родного полка.

Полковникъ Н. Н. Комстадіусъ.



XII.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ.

Приближающаяся буря.—Настроеніе въ войскахъ и отдѣльные случаи задержанія Нижегородцами агитаторовъ.—3-й эскадронъ и замѣчанія, сдѣланныя на дѣйствія его начальникомъ дивизіи.—Назначеніе намѣстникомъ Его Величества на Кавказѣ графа Воронцова-Дашкова.—Положеніе, въ которомъ онъ нашелъ край.—Мѣры, принятыя имъ къ возстановленію порядка.—Дѣятельность Нижегородцевъ въ Тифлисѣ и командировка эскадроновъ въ уѣзды.—Подвигъ унтеръ-офицера Мамулашвили.—Случай въ командѣ развѣдчиковъ.

Командованіе полковника Комстадіуса продолжалось годъ и два мѣсяца; но въ это время полку пришлось пережить такую страдную пору, какую не приходилось ему еще переживать въ теченіе всей своей двухъ-вѣковой исторической жизни. То была неустанная борьба со внутренней смутой, измѣной и крамолою.

Правда, давно, въ царствованіе Елисаветы Петровны, весь Нижегородскій полкъ былъ высланъ для истребленія разбойничьихъ шаекъ, наводнившихъ въ тѣ времена центральныя губерніи Россіи, въ особенности поволжье,—но то были простые разбойники, не мечтавшіе о государственныхъ переворотахъ и нарушавшіе лишь порядки и покой общественной жизни; теперь же полку приходилось имѣть дѣло съ людьми, для которыхъ не было ничего священнаго, которые ставили своею прямою задачею разрушеніе русскаго государства.

Уже съ осени 1904 года при первыхъ неудачахъ, постигшихъ наше оружіе въ Манджуріи, изъ всѣхъ подполій поднялись темныя силы, съ ихъ адскимъ лозунгомъ: „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше". Въ воздухѣ стали носиться глухія завыванія приближающейся бури; зловѣщія ноты ея чувствовались и въ пѣніи революціонныхъ гимновъ, и въ уличныхъ демонстраціяхъ, и въ безпорядкахъ, производимыхъ толпою на улицахъ. Никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію ихъ принимаемо не было. Вызывались казаки, но при ихъ приближеніи толпа бросалась въ разныя стороны и тотчасъ же собиралась опять съ пѣніемъ той же пресловутой дубинушки и съ тѣми же мятежными криками. Казаки выбивались изъ силъ, но дѣлу помочь не могли, такъ какъ всѣхъ арестованныхъ ими, продержавъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, выпускали на волю, не усматривая въ дѣяніи ихъ „государственныхъ преступленій". Мы стѣснялись употреблять оружіе или другія болѣе суровыя мѣры и, забывая уроки прошлаго, дали мятежу разгорѣться, а потомъ потушить его уже были не въ силахъ. Въ началѣ 1905 года въ Баку произошло кровавое столкновеніе между армянами и татарами,—столкновеніе, которому суждено было дать толчокъ къ упорной, безсмысленной и безпощадной рѣзнѣ, охватившей цѣлыя три губерніи. Какая изъ сторонъ въ отдѣльныхъ случаяхъ являлась виновницею начала рѣзни установить было невозможно; въ одномъ мѣстѣ ее начинали армяне, въ другомъ—татары, и естественно, что противная сторона не оставалась въ долгу. Самая обширность взволнованнаго района, разбросанность и отдаленность населенныхъ пунктовъ отъ мѣстъ расположенія войскъ—не давали намъ возможности предупреждать событія. Подпочвенный пожаръ, захватившій громадную площадь, вырывался наружу гдѣ нибудь всегда неожиданно.

Въ то же время, часть Тифлисской и вся Кутаисская губерніи были охвачены волненіемъ сельскаго населенія. Отовсюду стали получаться извѣстія о народныхъ смутахъ, разбояхъ, грабежахъ, о всякаго рода насиліяхъ и террористическихъ актахъ надъ правительственными властями. Начались избіенія дворянъ, погромы помѣщичьихъ усадьбъ, отказъ крестьянъ платить государственныя подати и ставить новобранцевъ. Правительственныя лица во многихъ мѣстахъ были изгнаны, и ихъ замѣнили власти, поставленныя самими революціонерами. Затѣмъ начались массовыя забастовки рабочихъ всѣхъ профессій, отражавшіяся самымъ пагубнымъ образомъ не только на мѣстной торгово-промышленной, но и на всей общественной жизни. Фабрики прекратили свою дѣятельность, магазины стояли закрытыми, на базарахъ никто не смѣлъ появляться... Всѣ болѣе или менѣе крупные центры промышленной жизни Кавказа: Тифлисъ, Баку, Батумъ, Поти, Новороссійскъ и другіе, привлекавшіе къ себѣ значительное число рабочихъ, принадлежавшихъ къ самымъ разнообразнымъ народностямъ имперіи, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и центрами распространенія по краю революціонныхъ ученій. Вся городская жизнь вылилась въ одну нескончаемую уличную демонстрацію; повсюду требовали уничтоженія монархіи и учрежденія на ея развалинахъ демократической республики. Убѣжденія ни на кого не дѣйствовали, и народъ, задавленный терроромъ, падалъ все ниже и ниже. Наступали скорбные дни. Агитаторы, преимущественно учащаяся молодежь, разсыпались по краю и, пользуясь безнаказанностью, вносили разрушительную пропаганду даже въ войска. Въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствительно произошли безпорядки, но это были только частичные случаи, не мѣнявшіе общаго фона картины, на которой яркимъ колоритомъ выступала доблесть русскаго солдата, твердаго, непоколебимаго, глубоко проникнутаго священною обязанностію передъ царемъ и родиной. Никакія призыву къ мятежу, никакія прокламаціи, сулившія золотыя горы, не встрѣчали въ немъ сочувствія, и тлетворный духъ революціи его не касался. Цѣлые три года стояли Нижегородцы на стражѣ русскаго дѣла въ краѣ, охваченномъ мятежомъ, безропотно несли тяжелую охранную службу, и даже внѣ ея, по собственной инціативѣ, не упускали случая, такъ или иначе, прекращать возникавшіе на ихъ глазахъ безпорядки. Всѣ подобныя происшествія, какъ бы они по своему

характеру не казались мелочными въ общемъ ходѣ событій, должны найти себѣ мѣсто на страницахъ полковой исторіи въ поученіе потомству, какъ примѣръ вѣрности присягѣ и долгу.

Такъ, однажды два Нижегородца: старшій писарь Ричардъ Садовскій и полковой каптенармусъ Юрисъ Плавитъ, возвращаясь изъ кирки, зашли въ нѣмецкій трактиръ на Пескахъ; вслѣдъ за ними въ тотъ же трактиръ зашли еще три человѣка, одѣтые весьма прилично, и сѣли за отдѣльный столъ. Одинъ изъ нихъ, какъ обнаружилось впослѣдствіи, былъ нѣкто Петрунинъ, чертежникъ въ главныхъ мастерскихъ Закавказской желѣзной дороги, и казался старшимъ, судя по обращенію его съ остальными. Онъ первый обратился къ драгунамъ и сказалъ имъ: „Братцы! Намъ нужно добиться свободы; ваши офицеры приказываютъ стрѣлять въ безоружныхъ. Молодцы японцы, что бьютъ ихъ. Да здравствуетъ Японія“!.. Садовскій и Плавитъ переглянулись. „Братцы, продолжалъ между тѣмъ ораторъ: если вамъ прикажутъ, вы не стрѣляйте; ваши офицеры, какъ измѣнники народному дѣлу, приговорены уже нами къ смерти“. Въ эту минуту Плавитъ незамѣтно вышелъ, а Садовскій остался въ трактирѣ, чтобы наблюдать за ораторомъ. Тѣмъ временемъ Петрунинъ подошелъ къ Садовскому и предложилъ ему выпить стаканъ вина. „У меня есть товарищъ, отвѣтилъ Садовскій, а съ чужими людьми я не пью“. Получивъ отпоръ, Петрунинъ отошелъ и, поднимая стаканъ, крикнулъ: „Да здравствуетъ свобода! Долой самодержавіе, долой поповъ и всю интеллигенцію!“ Едва произнесъ онъ эту фразу, какъ вошелъ Плавитъ, успѣвшій уже сбѣгать въ ближайшій участокъ, а за нимъ появился околоточный съ нарядомъ городовыхъ, и Петрунинъ съ компаніей были арестованы.

Вскорѣ послѣ того, рядовые Сухаренко, Зарицкій и Пономаревъ, проходя по Навтлугу, увидѣли небольшую толпу, среди которой ораторствовалъ какой-то армянинъ. Драгуны вслушались. Онъ яростно поносилъ правительство, армію, офицеровъ и призывалъ народъ къ вооруженному возстанію, чтобы силой добиться демократической республики. Что такое демократическая республика, драгуны быть можетъ и не знали, но поношеніе арміи имъ было понятно; они ворвались въ толпу, пустили въ ходъ кулаки и, разогнавъ всѣхъ, сами арестовали оратора.

Былъ и такой случай. Два нижегородскіе офицера, штабсъ-ротмистръ Кесаревъ и поручикъ князь Трубецкой, ѣхали въ фаэтонѣ въ навтлугскія казармы, какъ вдругъ на Песковской улицѣ раздался выстрѣлъ: какой-то молодой человѣкъ былъ убитъ наповалъ, а убійца съ револьверомъ въ рукахъ бросился бѣжать и былъ уже такъ далеко, что погоня за нимъ въ фаэтонѣ была безцѣльна. Какъ разъ въ это время съ Циціановскаго спуска показались два конные драгуна, посланные въ городъ. Это были рядовые Покровскій и Гинитадзе, Офицеры указали имъ направленіе, по которому бѣжалъ преступникъ, и драгуны, бросившись въ карьеръ, мигомъ настигли бѣглеца и вмѣстѣ съ револьверомъ доставили въ комендантское управленіе.

Подобныхъ случаевъ въ то время было не мало. Пришлось наконецъ объявить Тифлисъ на положеніи усиленной охраны, и командиръ Нижегородскаго полка назначенъ былъ начальникомъ 4-го городского района, въ который входили первые четыре полицейскіе участка. Съ этихъ поръ и начинается трудная служба Нижегородцевъ. Съ утра эскадроны ихъ выдвигались на городскія площади, гдѣ стояли по цѣлымъ днямъ, и только съ наступленіемъ ночи возвращались въ казармы. Мѣра эта, выставлявшая войска на показъ народу, мало успокаивала городъ, но по крайней мѣрѣ улицы его очистились отъ демонстраторовъ и митинги стали устраиваться за городомъ.

Однажды получено было извѣстіе, что нѣсколько тысячъ рабочихъ желѣзно-дорожныхъ и съ разныхъ заводовъ и фабрикъ собрались невдалекѣ отъ Тифлиса, за Нахаловкой, съ явнымъ намѣреніемъ устроить политическую демонстрацію. По требованію гражданскихъ властей туда немедленно отправленъ былъ ротмистръ Эфендіевъ съ 3-мъ эскадрономъ Нижегородскаго полка, который дѣйствительно засталъ громадную толпу, но не нашелъ никого изъ чиновъ администраціи. Послѣднее обстоятельство поставило его въ крайне затруднительное положеніе. Надо сказать, что усиленная охрана хотя и была объявлена, но прочно установившагося взгляда на совершавшіяся событія не было. Одни смотрѣли на эти явленія просто какъ на мимолѣтную болѣзнь современнаго общества, которая съ теченіемъ времени пройдетъ сама собою, а потому избѣгали карательныхъ мѣръ, стараясь улаживать дѣло посредствомъ различныхъ компромиссовъ. Другіе, болѣе вдумчивые, усматривали въ тѣхъ же явленіяхъ грозно надвигавшуюся на насъ революціонную

бурю, готовую сокрушить основы государственной жизни, и, опираясь на точный смыслъ воинскаго устава, требовали отъ войскъ, разъ они вызваны, дѣйствій самыхъ рѣшительныхъ, какими бы жертвами таковыя не сопровождались. Дѣло гражданскаго начальства было указать тотъ крайній предѣлъ, за которымъ, признавъ свое безсиліе, оно поручало войскамъ возстановить порядокъ,—и въ войскахъ съ этой минуты не могло и не должно было быть колебаній. Эѳендіевъ очутился именно между этими двумя совершенно противоположными теченіями. Не заставъ никого изъ чиновъ администраціи, онъ долженъ былъ самъ опредѣлить ту роковую грань, за которой начинаются суровыя дѣйствія оружіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и тяжелая отвѣтственность начальника, какъ „за бездѣйствіе“, такъ и „за превышеніе власти“, смотря потому какъ сложатся уже дальнѣйшія обстоятельства.

Поставленный въ такія условія ротмистръ Эѳендіевъ остановилъ эскадронъ вдали, а самъ подъѣхалъ къ толпѣ и вмѣстѣ съ офицерами сталъ уговаривать ее разойтись. Толпа отвѣчала бранью и дерзкимъ требованіемъ убрать эскадронъ. Тогда Эѳендіевъ приказалъ сдѣлать на воздухъ нѣсколько выстрѣловъ съ лошадей; ни убитыхъ, ни раненыхъ не было; но толпа тѣмъ не менѣе повалила въ Нахаловку и съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ разсыпалась по улицамъ. Митингъ окончился. Эѳендіевъ счелъ свою задачу оконченной и возвратился въ казармы.

Не такъ взглянулъ на это дѣло начальникъ дивизіи принцъ Наполеонъ. „Дѣйствія 3-го эскадрона, писалъ онъ, до момента открытія огня были совершенно правильны. Но затѣмъ я недоумѣваю, почему эскадронъ не спѣшился, а стрѣлялъ съ лошадей. Тысячная толпа представляетъ собою такую крупную мишень, что отсутствіе жертвъ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что эскадронъ или совсѣмъ стрѣлять не умѣетъ, или же стрѣлялъ на воздухъ, что строго воспрещается воинскимъ уставомъ. Войска вызываются не для шутки; ихъ появленіе несетъ съ собою угрозу смерти тѣмъ, кто не желаетъ повиноваться; въ противномъ случаѣ войска будутъ подвергаться только напраснымъ оскорбленіямъ, а разсѣявшаяся толпа соберется опять и будетъ еще болѣе дерзкой и назойливой въ своихъ притязаніяхъ“. Эѳендіеву сдѣлано было замѣчаніе. Но въ то же время принцъ Наполеонъ сообщилъ губернатору, что если войска, по прибытіи на мѣсто, не найдутъ чи-

новъ администраціи, то, въ силу его приказа, немедленно возвратятся назадъ, и всю отвѣтственность за дальнѣйшія дѣйствія толпы онъ возлагаетъ уже на гражданскія власти. Этотъ твердый голосъ имѣлъ большое вліяніе на поднятіе дѣятельности тифлисской полиціи.

Случай, имѣвшій мѣсто въ 3-мъ эскадронѣ, настолько характеренъ для тогдашняго времени, что мы должны на немъ остановиться, чтобы выяснить тѣ принципы, которыми руководились сами войска. Эфендіевъ былъ офицеръ отличный, воспитанный въ духѣ родного полка, но способъ, избранный имъ для дѣйствія въ данномъ случаѣ, не могъ найти себѣ сочувствія въ душѣ Нижегородцевъ, не признававшихъ никакихъ полумѣръ и компромиссовъ; тамъ, гдѣ надо было заставить кого бы то ни было покориться своей непреклонной волѣ; они считали, что какъ въ бою, такъ и въ частныхъ явленіяхъ жизни, только то, что доведено до конца, можетъ принести существенную пользу дѣлу, за которое они брались. Дѣйствія 3-го эскадрона на этотъ разъ не были рѣшительными. Но въ то же время Нижегородцы сознавали, что передъ Эфендіевымъ стояла трудно разрѣшимая дилемма: поступать-ли такъ, какъ повелѣвалъ уставъ и священные обычаи Нижегородцевъ, или же поступиться ими и дѣйствовать въ духѣ многихъ высшихъ начальниковъ тогдашняго времени? Не встрѣчая поддержки въ гражданскихъ властяхъ, Эфендіевъ избралъ послѣднее. Но тотъ же Эфендіевъ, очутившись въ Горійскомъ уѣздѣ, подъ начальствомъ стараго Нижегородца князя Амилахвари, сразу завоевалъ себѣ имя, какъ въ смыслѣ отдѣльныхъ подвиговъ его эскадрона, такъ и въ смыслѣ собственной энергіи и рѣшимости. Тамъ онъ не считался ни со временемъ, ни съ пространствомъ, ни съ какими преградами, и появленіе 3-го эскадрона повсюду возстановляло порядокъ уже на долгое время.

Нельзя однако сказать, чтобы дѣйствія 3-го эскадрона остались вполнѣ безрезультатными даже и въ самомъ Тифлисѣ: толпа стала осторожнѣе, стараясь не попадаться на глаза войскамъ и ограничивая всѣ свои дѣйствія пока только рѣчами, да красными флагами. Зато вся Кутаисская губернія, и особенно Гурія, охвачены были народнымъ возстаніемъ, и открытыя нападенія шли даже на войска. Въ Закатальскомъ округѣ, въ Чечнѣ, въ приморскомъ Дагестанѣ, по всей Бакинской губерніи, въ Эривани и Елизаветполѣ безпрепятственно хозяйничали многочисленныя разбойничьи шайки и шла ожесточенная

рѣзня между двумя большими народностями. Не даромъ въ войскахъ сложилось убѣжденiе, что Кавказъ придется покорять сначала.

Въ такомъ положенiи находился край, когда Государю Императору угодно было возстановить кавказское намѣстничество и призвать на этотъ важный постъ генералъ-адъютанта графа Илларiона Ивановича Воронцова-Дашкова. Какъ назначенiе на Кавказъ князя Михаила Семеновича Воронцова, его двоюроднаго дяди, послѣдовало въ самое трудное время, когда успѣхи Шамиля отторгли отъ насъ Чечню и Среднiй Дагестанъ, такъ и назначенiе графа послѣдовало въ тяжкiя минуты общественныхъ смутъ и непорядковъ, когда предстояла борьба уже не съ внѣшнимъ, а съ внутреннимъ и, слѣдовательно, еще болѣе опаснымъ врагомъ Россiи.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ прибылъ въ Тифлисъ 5-го мая и въ тотъ же день былъ отданъ имъ слѣдующiй приказъ по войскамъ:

„Волею Государя-Императора, нашего державнаго вождя, я поставленъ во главѣ васъ, войны Кавказа. Отправляя меня, Его Императорское Величество повелѣлъ мнѣ передать вамъ Его царское спасибо за вашу молодецкую службу, вмѣстѣ съ увѣренностью Его Величества, что вы и въ будущемъ поддержите вашу боевую славу.

„Счастливъ, что вступаю въ ряды ваши, напутствуемый такимъ высокомилостивымъ привѣтомъ къ вамъ отъ сердца нашего царя-батюшки. Съ чувствомъ особой гордости принимаю главное надъ вами командованiе. Въ вашихъ славныхъ рядахъ, въ первые же годы моей службы, я получилъ боевое крещенiе, и съ тѣхъ поръ привыкъ высоко чтить васъ и считать себѣ родными. Боевой духъ вашъ и безсмертные подвиги, на которыхъ зиждется несокрушимая мощь ваша, оцѣнены исторiей; они извѣстны не только Россiи, но и далеко за ея предѣлами.

„Отнынѣ я буду жить и работать съ вами, и глубоко вѣрю, что, свято храня все завѣщанное боевымъ прошлымъ предковъ нашихъ, мы себя не пожалѣемъ, чтобы быть достойными этихъ чудо-богатырей, будемъ всегда стоять на высотѣ требованiя времени и оправдаемъ то, что требуетъ отъ насъ долгъ нашъ передъ обожаемымъ государемъ и святой родиной.

„Въ добрый часъ, да поможетъ намъ Богъ“

Графъ Воронцовъ-Дашковъ ѣхалъ въ край съ пальмовою вѣтвью мира, расчитывая умиротворить взволнованный Кавказъ не однѣми репрессіями, но и проведеніемъ въ жизнь широкихъ реформъ, въ которыхъ тотъ нуждался. Но благія намѣренія графа не могли осуществиться сразу. Время для мирныхъ реформъ было уже упущено. Весь край вышелъ изъ повиновенія и нуждался прежде всего въ подавленіи безпорядковъ, принимавшихъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грозный характеръ. Появились петиціи объ автономіи Арменіи и Грузіи, о введеніи въ нихъ управленія, совершенно обособленнаго отъ имперіи, о возстановленіи независимой автокефальной грузинской церкви, объ отмѣнѣ смертной казни за политическія убійства и проч. и проч. И все это сопровождалось дерзкимъ призывомъ народа къ возстанію, метаніемъ бомбъ и новыми безпрерывными убійствами. Дѣйствительно тяжелое наслѣдіе досталось графу Воронцову.

Пришлось наконецъ принять чрезвычайныя мѣры, и 21 іюня городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Весь Тифлисъ былъ раздѣленъ на четыре охранныхъ района, съ подчиненіемъ каждаго изъ нихъ особому начальнику. Предмѣстье Навтлугъ и мѣстность, прилегающая къ казармамъ полка, вплоть до городскихъ боенъ, составила особый, пятый районъ, подчиненный командиру Нижегородскаго полка. Одинъ изъ эскадроновъ обыкновенно назначался дежурнымъ на случай общей тревоги и стоялъ въ полной боевой готовности: лошади засѣдланы, люди въ аммуниціи. Остальные эскадроны высылали конные разъѣзды, которые объѣзжали назначенныя имъ улицы съ 8 часовъ утра до восьми часовъ вечера, а на ночь всѣ съѣзжались въ свои казармы. Ночью патрули держала пѣхота, а казармы полка охранялись пѣшими дозорами; отдѣльный постъ выставлялся для охраны частнаго склада пороха и динамита товарищества Винера, находившагося въ полуверстѣ отъ желѣзно-дорожнаго полустанка.

При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о правильномъ ходѣ въ полку строевыхъ занятій, но Нижегородцы сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, и смотръ, произведенный имъ весною 1905 года корпуснымъ командиромъ, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. „Нижегородскіе драгуны, писалъ въ своемъ приказѣ генералъ Фаддѣевъ, этотъ старый, закаленный въ бояхъ ветеранъ, представились мнѣ въ отлич-

номъ видѣ, и еще разъ подкрѣпили во мнѣ увѣренность, что съ такимъ славнымъ полкомъ, въ случаѣ войны, объ успѣхахъ тужить не придется".

Въ первое время по объявленіи военнаго положенія въ Навтлугѣ было спокойно; только разъ разъѣздъ изъ двухъ рядовыхъ, Сухинина и Волошина, задержалъ татарина, у котораго оказалось оружіе. Онъ предлагалъ имъ деньги, но вѣрные долгу драгуны отобрали револьверъ и самого его доставили въ полкъ.

Въ другой разъ ночной дозоръ услышалъ какой-то шумъ, доносившійся съ полустанка Навтлугъ, и рядовые Воронинъ и Мастерицкій направились туда узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что какая-то воровская шайка ограбила проѣзжихъ въ только что пришедшемъ поѣздѣ, и ее разыскивали теперь на полустанкѣ. Драгуны стали вглядываться въ темноту и скоро замѣтили три тѣни, перебѣжавшія полотно желѣзной дороги Тогда они припали къ землѣ и поползли такъ тихо, что шайка, остановившаяся въ оврагѣ дѣлить добычу, замѣтила ихъ только тогда, когда окрикъ: «Стой! ни съ мѣста!» отнялъ всякую возможность бѣжать. Такимъ образомъ, шайка, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, вмѣстѣ съ награбленными ею вещами, была захвачена двумя молодцами драгунами.

Былъ и такой случай. Армянинъ, торгующій керосиномъ на полустанкѣ, встрѣтилъ рядового Пиданова и предложилъ ему продать казенную винтовку за 85 рублей. Пидановъ сдѣлалъ видъ, что согласенъ, обѣщалъ доставить винтовку вечеромъ, а между тѣмъ доложилъ объ этомъ эскадронному командиру. Послѣдній распорядился выслать вмѣстѣ съ нимъ небольшой патруль съ унтеръ-офицеромъ Головачевымъ, который устроилъ засаду. Когда продажа и купля были окончены, и винтовка находилась уже въ рукахъ покупателя, Пидановъ подалъ условный сигналъ, и Головачевъ захватилъ армянина вмѣстѣ съ поличнымъ. Въ лавкѣ сдѣланъ былъ обыскъ и открытъ довольно значительный складъ оружія.

Такъ было въ первое время. Но по мѣрѣ того какъ затихалъ Тифлисъ, пропаганда упорно продолжалась въ деревняхъ среди невѣжественнаго люда, безсмысленно затвердившаго слово „эртоба". Пришлось посылать эскадроны въ уѣзды, и служба остальныхъ, остававшихся въ городѣ, удвоилась и даже утроилась.

Въ первый разъ, въ концѣ іюня мѣсяца, былъ посланъ форсированнымъ маршемъ 6-й эскадронъ штабсъ-ротмистра Кесарева въ д. Карабулахъ, гдѣ, какъ говорили, скрывались агитаторы. Захватить ихъ конечно не удалось, но эскадронъ возстановилъ законныя власти, прогнанныя революціонерами, и, водворивъ порядокъ, возвратился назадъ.

Вскорѣ послѣ этого 4 эскадронъ съ поручикомъ Тономъ былъ посланъ въ сел. Барбало-Гаубани и другія деревни Вышлаванскаго общества, гдѣ долженъ былъ собрать деньги съ крестьянъ, отказавшихся платить ихъ, какъ казнѣ, такъ и помѣщикамъ. Когда эскадронъ прибылъ въ Барбало (имѣніе Баратовыхъ и Долинскихъ) господскія усадьбы уже были заняты крестьянами, которые, разогнавъ прислугу, держали самихъ помѣщиковъ въ строгой блокадѣ. Положеніе послѣднихъ становилось критическимъ. Появленіе драгунъ заставило крестьянъ одуматься, и, благодаря вліянію поручика Тона, дѣло между ними и помѣщиками окончилось полюбовно. Отсюда эскадронъ перешелъ въ с. Улбани, гдѣ деньги взысканы были уже экзекуціоннымъ порядкомъ, и такимъ же порядкомъ собраны были онѣ въ селеніяхъ Кумиси и Коды. Изъ Кодъ надо было идти въ греческую деревню Дурнуки, гдѣ жители скрывали оружіе. Поэтому эскадронъ нагрянулъ ночью, и, оцѣпивъ передъ свѣтомъ деревню, принялся за обыскъ. Оказалось, что все оружіе греки успѣли отправить уже на кочевки, но деньги съ нихъ были взысканы, и эскадронъ, послѣ 14-ти дневныхъ безпрерывныхъ маршей, возвратился въ Тифлисъ.

Вслѣдъ за нимъ лейбъ-эскадронъ ходилъ въ селенія Вазіани и Сартачалы, сопровождая генералъ-адъютанта князя Чавчавадзе, которому поручено было обойти селенія, лежащія по кахетинскому тракту. Пропаганда еще не успѣла пустить здѣсь глубокихъ корней, а потому появленіе маститаго генерала, пользовавшагося всеобщей извѣстностью въ Грузіи, дало возможность водворить порядокъ, не прибѣгая къ оружію.

Совсѣмъ другая роль выпала на долю 3-го эскадрона ротмистра Эфендіева, который командированъ былъ въ Гори для сопровожденія другого генералъ-адъютанта князя Амилахвари, вызваннаго для умиротворенія Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ. Здѣсь дѣйствовать было труднѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, потому что оба уѣзда находились уже въ полной власти революціонеровъ; многіе помѣщики были убиты, а усадьбы ихъ сожжены и разграблены. Гдѣ появлялся старый князь,

порядокъ возстановлялся; но едва онъ уѣзжалъ, какъ агитаторы снова поднимали крестьянъ, и грабежи и убійства не прекращались. Въ помощь 3-му эскадрону высланы были отъ полка развѣдчики 1, 2, 5 и 6 эскадроновъ, которые расположились по деревнямъ Горійскаго уѣзда въ родѣ охранной стражи. Между тѣмъ Эфендіевъ безъ отдыха ходилъ изъ одной деревни въ другую, собралъ всѣ подати, заставилъ выдать новобранцевъ и являлся истиннымъ бичемъ агитаторовъ, которые мало-по-малу вынуждены были прекращать свою дѣятельность. Обойдя такимъ образомъ весь уѣздъ нѣсколько разъ, 3-й эскадронъ возвратился въ Гори и сталъ бивуакомъ на площади. Здѣсь смотрѣлъ его помощникъ главнокомандующаго генералъ Малама, выразившій ротмистру Эфендіеву свою душевную признательность за то, что нашелъ эскадронъ „въ отличномъ состояніи, несмотря на десяти-дневный маршъ часто усиленными аллюрами“.

Въ это время, въ одной изъ тифлисскихъ газетъ появилось извѣстіе смутившее до нѣкоторой степени военное общество.

„Въ обоюдной дракѣ нижнихъ чиновъ Нижегородскаго полка съ крестьянами—писалось въ этой газетѣ—рядовой Мамулашвили былъ раненъ ножомъ, а драгуны въ свою очередь поранили двухъ, въ томъ числѣ Степана Гулярянца, сосланнаго туда подъ надзоръ полиціи, который отъ ранъ, спустя три часа, умеръ“.

Драка съ крестьянами!... Это было такъ непохоже на Нижегородскій полкъ, звучало такимъ диссонансомъ, что хотя клевета, обычное орудіе подпольныхъ партій, была очевидна, но общество успокоилось только тогда, когда на слѣдующій же день въ той же газетѣ появилось отъ Нижегородскаго полка слѣдующее короткое заявленіе:

„Въ Гори произошла совсѣмъ не обоюдная драка, а нижніе чины задержали важныхъ государственныхъ преступниковъ, которые оказали вооруженное сопротивленіе и ранили рядового Мамулашвили. Въ свою очередь Мамулашвили ранилъ одного и убилъ другого“.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Однажды передъ вечеромъ, унтеръ-офицеры Балабановъ и Мамулашвили (уроженецъ Гуріи) отправились покупать ячмень для эскадрона, и по пути встрѣтились съ какою-то компаніей, повидимому, рабочихъ. Они подошли къ драгунамъ и предложили зайти въ ближайшій духанъ. Оба унтеръ-офицера сперва отказались, но потомъ,

переглянувшись между собою, зашли и сѣли за столикъ. Тогда одинъ изъ незнакомцевъ, назвавъ себя слесаремъ, высоко поднялъ стаканъ и сказалъ: „Поднимается рабочая рука. Да здравствуетъ политическая партія, да здравствуетъ республика!“ При этихъ словахъ драгуны окончательно сообразили съ кѣмъ имѣютъ дѣло и рѣшили продолжать наблюденіе. Вино скоро развязало языки, и рабочіе наперерывъ стали разсказывать, какъ много припасено у нихъ оружія, что есть даже пушка, къ которой слесарь изобрѣлъ такой прицѣлъ, что каждый выстрѣлъ будетъ класть десятками казаковъ и драгунъ; за то, прибавилъ онъ, что стоятъ они крѣпко и мѣшаютъ нашему дѣлу, тогда какъ въ пѣхотѣ уже много солдатъ нашихъ согласниковъ.—„Кто же эти солдатики?“ спросилъ съ любопытствомъ Балабановъ. Слесарь отказался назвать ихъ, но прибавилъ: „30-го числа въ лѣсу, за Курою, будетъ большой митингъ. Приходите, и вы увидите ихъ сами“. Онъ налилъ виномъ большіе стаканы и провозгласилъ: Въ вашемъ лицѣ привѣтствуемъ просыпающееся сознаніе драгунъ. Пора уже вамъ опомниться. Переходите къ намъ; мы васъ запишемъ въ комитетъ и вы будете получать ежемѣсячно большое жалованье“. Драгуны выразили сожалѣніе, что до сихъ поръ ничего объ этомъ не слыхали.—„А прокламаціи? спросилъ слесарь, развѣ у васъ ихъ нѣтъ?“—„Они до насъ не доходятъ, начальство не допущаетъ“ скромно отвѣчали драгуны, и тутъ-же у каждаго изъ нихъ промелькнула мысль: „А хорошо бы было добыть прокламаціи: онѣ послужатъ уликой, а то, пожалуй, отъ словъ своихъ они и отопрутся“.—„Со мною ихъ нѣтъ, сказалъ слесарь, но я доставлю ихъ вамъ сегодня-же. Приходите къ 8 часамъ въ такой-то духанъ (онъ назвалъ его имя). знаете?“ „Знаемъ. До 8 часовъ времени оставалось не много, и драгуны поспѣшили въ лагерь, гдѣ доложили обо всемъ вахмистру.

Вахмистръ Чичка, зная, что эскадронный командиръ со всѣми офицерами вызваны къ князю Амилахвари, не теряя минуты, распорядился самъ и выслалъ вслѣдъ за унтеръ-офицерами патруль, который долженъ былъ незамѣтно оцѣпить духанъ. На пути какъ разъ встрѣтился слесарь и тотчасъ же былъ арестованъ. Затѣмъ Балабановъ и Мамулашвили зашли въ духанъ, а патруль: унтеръ-офицеръ Хиляй и рядовые Петрашенко, Катасановъ, Бондаренко, Вшивенко и Мартиненко, вмѣстѣ съ арестованнымъ слесаремъ, остались на улицѣ.

Въ духанѣ Нижегородцы застали пять человѣкъ прежнихъ агитаторовъ, тотчасъ-же снабдившихъ ихъ прокламаціями. Налили вина, но разговоръ не клеился: всѣхъ смущало отсутствіе главаря-слесаря, и подозрѣніе мало-по-малу стало закрадываться въ ихъ душу. Одинъ изъ нихъ отозвалъ духанщика въ сторону и тихо сказалъ по грузински: „Драгуны мнѣ кажутся подозрительными". „Тогда Мамулашвили понялъ, что наступила пора дѣйствовать открыто, и, поднявшись, крикнулъ: „Ни съ мѣста! Вы арестованы!" Произошла минутная паника, но затѣмъ въ рукахъ двухъ агитаторовъ сверкнули кинжалы. Это не смутило бравыхъ унтеръ-офицеровъ, которые, выхвативъ нагайки, принялись крестить ими направо и налѣво съ такою энергіею, что всѣ пять агитаторовъ разомъ бросились въ двери, и, выскакивая на улицу, одинъ по одному попадали въ руки драгунъ. Двое успѣли однако вырваться и пустились бѣжать. За однимъ погнался Мамулашвили, за другимъ Петрашенко. Мамулашвили настигъ бѣглеца въ тотъ моментъ, когда, вскочивъ въ чей-то дворъ, онъ хотѣлъ захлопнуть калитку, но не успѣлъ, и въ тѣсномъ проходѣ завязалась отчаянная борьба: Мамулашвили былъ раненъ кинжаломъ въ грудь, но нанесъ шашкой смертельный ударъ противнику. Послѣдній упалъ, но успѣлъ бросить кинжалъ, тутъ же подхваченный какою то женщиной. Мамулашвили настигъ ее, отнялъ кинжалъ и захватилъ его съ собою какъ вещественное доказательство.

Въ эту минуту на сосѣднемъ дворѣ раздался крикъ: „Драгуны выручай!" Калитка оказалась запертой, но Мамулашвили, уже раненый въ грудь, сорвалъ ее съ петель и кинулся на помощь, видя, что рядовой Петрашенко, преслѣдовавшій вмѣстѣ съ нимъ другого агитатора, попалъ въ засаду. Нѣсколько человѣкъ напали на него съ дубинами, и онъ одинъ отчаянно отбивался отъ нихъ со сломанной винтовкою. Въ произошедшей тутъ схваткѣ Мамулашвили получилъ вторую рану ножомъ въ пахъ, но разсѣялъ толпу и выручилъ изъ смертельной опасности Петрашенко, который тутъ же изрубилъ агитатора. Такимъ образомъ изъ числа шести, находившихся въ духанѣ, двое были убиты, а четверо арестованы.

„Считаю долгомъ, писалъ полковникъ Комстадіусъ въ приказѣ по полку, благодарить ротмистра Эфендіева за воспитаніе такихъ молодцовъ, которые сумѣли свято исполнить долгъ службы и присяги;

благодарю вахмистра Чичко и унтеръ-офицера Балабанова за ихъ умѣлыя и разумныя дѣйствія при задержаніи преступниковъ; рядового Петрашенко за то, что будучи окруженъ толпой, домогавшейся отнять винтовку, не только не выпустилъ ее изъ рукъ, но совмѣстно съ Мамулашвили отбился и задержалъ преступника; унтеръ-офицера Мамулашвили за то, что, не смотря на двѣ полученныя раны, выручилъ изъ бѣды товарища. Назначаю въ награду Мамулашвили 15, Балабанову 8 и Петрашенко 6 р., Главнокомандующій отъ себя пожаловалъ Балабанову и Мамулашвили по 15 рублей, съ занесеніемъ награды этой въ ихъ послужные списки.

Вскорѣ послѣ этого случая 3-й эскадронъ возвратился въ Тифлисъ, а въ Гори отправленъ былъ сначала 5-й ротмистра Шереметева, а затѣмъ на смѣну его 6-й штабсъ-ротмистра Кесарева. Въ это-то время, уже осенью, случилось новое происшествіе въ командѣ развѣдчиковъ, расположенныхъ, какъ мы сказали, небольшими частями по деревнямъ Горійскаго уѣзда. Присутствіе ихъ сильно стѣсняло дѣйствія агитаторовъ, особенно послѣ того, какъ постъ, стоявшій въ д. Терздниси, арестовалъ нѣсколько крестьянъ, подстрекавшихъ народъ къ вооруженному нападенію на помѣщиковъ. Судъ, продержавъ ихъ опредѣленное время въ тюрьмѣ, выпустилъ на свободу, и они явились, разумѣется, еще болѣе озлобленными; жестокая месть ихъ и должна была пасть прежде всего на тѣхъ изъ развѣдчиковъ, которые способствовали ихъ задержанію. Это были рядовые 2-го эскадрона Гунченко и Погребицкій. Однажды, передъ вечеромъ, они проходили вдвоемъ по улицѣ деревни, какъ вдругъ изъ-засады осыпаны были градомъ камней, и Погребицкій, оглушенный ударомъ въ голову, упалъ. Толпа съ дикимъ ревомъ бросилась на него, но Гунченко выхватилъ шашку и сталъ надъ товарищемъ. Его внушительная поза на мгновеніе задержала толпу, а тутъ подоспѣли еще два развѣдчика и открыли огонь. Двое крестьянъ были убиты, одинъ раненъ, и толпа разбѣжалась, но унесла съ собою винтовку Погребицкаго. Черезъ часъ на мѣсто происшествія прибылъ изъ сосѣдняго селенія офицеръ, находившійся при развѣдчикахъ, корнетъ Пацъ-Помарнацкій. Онъ тотчасъ собралъ сходъ и объявилъ, что если винтовка и главари, затѣявшіе нападеніе, не будутъ выданы немедленно, то онъ истребитъ деревню такъ, что не останется камня на камнѣ. Рѣшительный тонъ не допускалъ сомнѣ-

нія, что угроза тутъ же будетъ исполнена — и винтовка и главари были доставлены.

Суровыя мѣры не замедлили водворить порядокъ; массовыя движенія народа прекратились, и край успокоился настолько, что къ осени явилась возможность отозвать обратно въ Тифлисъ и 6-й эскадронъ и развѣдчиковъ. Это было очень кстати, такъ какъ вслѣдъ за этимъ три эскадрона были экстренно командированы въ Елизаветпольскую губернію,

XIII.

ПЕРІОДЪ ВНУТРЕННИХЪ СМУТЪ.

Лѣто 1905 года.—Корнетъ Шатиловъ.—Приказъ генералъ-губернатора.—Прискорбное событіе 29 августа въ зданіи городской думы.—Развитіе революціоннаго движенія.—Манифестъ 17 октября.—Кровавый день 22 октября.—Усиленіе охранной службы.—Армяно-татарская рѣзня въ Тифлисѣ.—Военный бунтъ.—Декабрьскія событія.—

Военное положеніе, введенное въ Тифлисѣ, вызвало на первыхъ порахъ усиленіе репрессій со стороны революціонныхъ элементовъ, опасавшихся утратить свое вліяніе на массу народа. Случаи отдѣльныхъ убійствъ участились. Однажды, 27 августа, корнетъ Нижегородскаго полка Шатиловъ выѣхалъ изъ Тифлиса съ утреннимъ поѣздомъ въ Гори, гдѣ квартировалъ въ то время 5-й эскадронъ. Когда поѣздъ подъѣзжалъ къ Авчаламъ, вдругъ послышались тревожные свистки и онъ остановился. Пассажиры встревожились; но прошло минутъ десять, пока наконецъ узнали, что въ одномъ изъ вагоновъ убитъ наповалъ князь Тумановъ, контролеръ желѣзной дороги, и что убійца, въ бѣлой фуражкѣ, съ револьверомъ въ рукахъ, спрыгнулъ съ поѣзда и побѣжалъ черезъ поле. Шатиловъ выскочилъ вслѣдъ за нимъ, но бѣлая фуражка была уже далеко и скрылась въ кустахъ.

Въ полуверстѣ отсюда, на охранѣ авчальскаго водопровода, стоялъ Нижегородскій постъ отъ лейбъ-эскадрона, и два драгуна, унтеръ-офицеръ Емельяновъ и рядовой Малаховъ, свободные отъ наряда, вышли къ полотну желѣзной дороги, чтобы посмотрѣть на проходившій поѣздъ. Увидѣвъ, что онъ остановился на полномъ ходу и предполагая, что случилось какое нибудь несчастіе, они побѣжали къ нему и какъ разъ наткнулись на корнета Шатилова, крикнувшаго имъ „Скорѣй! Сѣдлай—по тревогѣ!" Оба драгуна бросились обратно на постъ, и не прошло пяти минутъ, какъ Емельяновъ выѣхалъ уже на конѣ, а вслѣдъ за нимъ появился и Малаховъ. Съ поста подали засѣдланную лошадь и корнету Шатилову. Всѣ трое поскакали къ стоявшему поѣзду, но онъ въ это время тронулся, и драгуны должны были пріостановиться, чтобы пропустить его мимо. „Какъ жаль, что со мною нѣтъ револьвера!" проговорилъ Шатиловъ, въ сущности не обращаясь ни къ кому. Въ это время проносился мимо него вагонъ перваго класса, и какой-то артиллерійскій офицеръ, вѣроятно услышавшій эти слова, бросилъ ему черезъ окно свой револьверъ. Шатиловъ подхватилъ его, и всѣ трое пустились въ погоню: офицеръ ѣхалъ посерединѣ, а драгуны въ нѣкоторомъ разстояніи справа и слѣва, такъ что образовалась цѣпь, захватившая довольно значительное пространство. Но какъ ни зорко всматривались драгуны, бѣлой фуражки убійцы нигдѣ не было видно. Такъ проѣхали большимъ голопомъ съ четверть часа, какъ вдругъ всѣ трое разомъ увидѣли человѣка, прятавшагося въ кустахъ. Шатиловъ подскакалъ къ нему первый и, держа въ рукѣ револьверъ, крикнулъ: „Сдавайся!" Тотъ быстро оглядѣлся кругомъ, но видя, что скачутъ другіе драгуны, повиновался. Малаховъ, соскочивъ съ коня, принялся за обыскъ, и въ рукавѣ за подкладкой пальто нашелъ револьверъ. Одинъ патронъ былъ выпущенъ. Приказавъ Малахову доставить преступника въ Авчалы, Шатиловъ, боясь опоздать въ эскадронъ, поскакалъ, въ сопровожденіи Емельянова догонять поѣздъ, и успѣлъ захватить его еще на станціи.

Между тѣмъ Малаховъ повелъ арестанта, но передъ Авчалами его встрѣтила большая толпа взволнованнаго народа, намѣревавшаяся расправиться съ убійцей самосудомъ. Малаховъ взялъ ружье на изготовку, и твердо заявилъ, что корнетъ приказалъ ему доставить преступника

живымъ, и что онъ скорѣе ляжетъ самъ, чѣмъ его выдастъ. Народъ заволновался, но къ счастью нашлись благоразумные люди, которые уговорили толпу отказаться отъ своего намѣренія, и преступника благополучно доставили въ Авчалы *).

Цѣлый рядъ подобныхъ убійствъ, стрѣльба изъ засадъ по патрулямъ, митинги, собиравшіеся тайно, но грозившіе перейти въ открытый мятежъ, заставили наконецъ генералъ-губернатора принять рѣшительныя мѣры, и 28-го августа послѣдовалъ слѣдующій приказъ по войскамъ гарнизона:

„Въ случаѣ выстрѣловъ изъ какого либо дома войскамъ немедленно отвѣчать выстрѣлами-же по окнамъ и балконамъ; затѣмъ ввести команду въ домъ для ареста лицъ подозрительныхъ, а въ случаѣ сопротивленія, не стѣсняясь, употреблять въ дѣло оружіе. По угрожающей толпѣ приказываю стрѣлять безъ всякихъ предупрежденій, а въ случаѣ большого скопленія вызывать артиллерію.“

Приказъ этотъ произвелъ на революціонныя партіи впечатлѣніе внезапно грянувшаго грома и, чтобы поддержать свой падающій престижъ, показать народу, что никакія мѣры и угрозы не могутъ остановить „побѣднаго шествія революціи,“ имъ оставалось одно —идти на проломъ. Онѣ такъ и сдѣлали. Едва приказъ былъ опубликованъ, какъ на другой же день, 29 августа вечеромъ, огромная толпа манифестантовъ собралась въ самомъ зданіи городской думы. Тамъ произносились возмутительныя рѣчи, пѣлись революціонныя пѣсни, провозглашалась республика, подвергалось оскорбленію все, что было священно для русскаго человѣка. На требованія генералъ-губернатора разойтись, толпа отвѣчала отказомъ, и самымъ наглымъ образомъ выгнала пристава. Тогда явилась сотня казаковъ; но едва она расположилась на Эриванской площади, какъ изъ оконъ и со двора думы раздались выстрѣлы; одинъ казакъ и городовой были смертельно ранены. Командиръ сотни тотчасъ спѣшилъ взводъ и ввелъ его въ самое зданіе, гдѣ также встрѣченъ былъ злобными криками и выстрѣлами изъ револьверовъ. Тогда казаки въ свою очередь открыли огонь, и въ результатѣ явилось 29 убитыхъ и болѣе 70 раненыхъ. Толпа очевидно неожидавшая,

---

*) Въ настоящее время (1908 г.) корнета Шатилова уже нѣтъ на свѣтѣ; онъ скончался въ полку въ концѣ 1906 года; Емельяновъ въ запасѣ, а Малаховъ продолжаетъ службу въ лейбъ-эскадронѣ Его Величества унтеръ-офицеромъ.

что угроза генералъ-губернатора будетъ приведена въ исполненіе, въ ужасѣ бросилась спасаться, кто куда могъ, но вездѣ стояли казаки, и большинство манифестантовъ было арестовано. Нижегородскій полкъ по первой тревогѣ прискакалъ на Эриванскую площадь, но она была уже очищена отъ народа, спокойствіе возстановилось и полкъ возвратился назадъ.

Безумное стремленіе кучки агитаторовъ создать насильно революцію, оплачено было тяжелыми жертвами. Но зато это былъ послѣдній митингъ въ стѣнахъ городской думы, и болѣе они уже не повторялись. Событіе 29 августа, разумѣется, подняло на ноги всю революціонную прессу, которая для возбужденія умовъ и поддержанія смуты разразилась самою злостною клеветою на наши войска. Не прошелъ этотъ день даромъ и для казаковъ. 25-го сентября, вечеромъ, когда уже было темно, въ разныхъ частяхъ Тифлиса: у конвоя главнокомандующаго, на Водовозной улицѣ и въ Ортачалахъ, гдѣ только квартировали казаки, разомъ брошено было девять бомбъ, и въ то же время открыта учащенная стрѣльба по казакамъ, выбѣгавшимъ изъ казармъ. Два человѣка изъ нихъ были убиты, 18 ранены; но, не смотря на полную неожиданность нападенія, казаки управились одни, и разогнали мятежниковъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ убитыхъ оказались и лица посторонныя, сдѣлавшіяся совершенно случайными жертвами. Нельзя не скорбѣть о нихъ, но подобныя жертвы неизбѣжны при подавленіи уличныхъ безпорядковъ, особенно въ ночной темнотѣ. Между тѣмъ войска, вызванныя по тревогѣ, заняли всѣ площади и улицы, чтобы не допустить дальнѣйшаго развитія враждебныхъ дѣйствій со стороны революціонеровъ. Быстро собралась пѣхота, еще быстрѣе прискакали четыре эскадрона Нижегородцевъ, но дѣлать имъ было уже нечего. Шайки были истреблены, или разогнаны казаками, и войска во второмъ часу ночи отпущены были домой. Получивъ объ этомъ донесеніе, Государь Императоръ приказалъ объявить свою благодарность, какъ казакамъ, такъ и всѣмъ войскамъ тифлисскаго гарнизона за ихъ постоянно вѣрную и доблестную службу.

Но революція не утихала. Центральные комитеты, скрывавшіеся частью заграницей, а частью въ Москвѣ и Петербургѣ, поддерживали бодрость мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ обѣщаніемъ скораго торжества и полной побѣды надъ правительствомъ. Ходили слухи о

какомъ-то готовящемся манифестѣ, а въ ожиданіи его рѣшено было устроить общую всероссійскую забастовку. Надо сказать правду, что это, никогда небывалое въ Россіи, явленіе захватило всѣхъ врасплохъ, и потому имѣло несомнѣнный успѣхъ; объясняется это и тѣмъ, что во всемъ судебномъ кодексѣ революціонеровъ существовало одно только наказаніе—смертная казнь, и приговоры приводились въ исполненіе такъ быстро, что населеніе подъ гнетомъ страшнаго террора повиновалось имъ безусловно.

14-го октября часовъ въ десять утра, по сигналу, данному изъ Петербурга, во всѣхъ главныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Тифлиса раздались тревожные гудки, и всѣ мастеровые разомъ прекратили работу; затѣмъ прекратилось движеніе вагоновъ на всѣхъ линіяхъ трамвая; извозчики исчезли; газеты перестали выходить, и на другой день городъ представлялъ собою пустыню. Всякое движеніе по улицамъ замерло; всѣ общественные банки, и всевозможныя конторы перестали дѣйствовать; всѣ гражданскія учебныя заведенія: мужскія и женскія гимназіи, городскія и народныя школы закрылись; заводы, фабрики, промышленныя, торговыя и ремесленныя заведенія забастовали; въ цѣломъ городѣ работало одно только офицерское экономическое общество, но зато въ него и брошена была съ улицы бомба, ранившая одного приказчика, четырехъ покупателей, и испортившая часть товара. Замѣчательно, что черезъ два часа все приведено было въ порядокъ и торговля пошла по прежнему. Благодаря этому, войска ни въ чемъ не испытывали особой нужды, но городъ сидѣлъ безъ хлѣба, мяса и зелени. Мятежники захватили подгородныя дороги и не допускали ни пригона скота, ни подвоза съѣстныхъ припасовъ. Особенно жутко становилось ночью, когда весь городъ погружался въ непроглядный мракъ, такъ какъ ни одинъ фонарь не горѣлъ на улицахъ, и ни одно окно не освѣщалось свѣчкою. Мало того, воспользовавшись тѣмъ, что Нижегородцы, охранявшіе авчальскій водопроводъ, были отозваны, мятежники задумали взорвать главную магистральную трубу, и лишить городъ воды, что бы голодомъ и жаждой заставить всѣхъ жителей присоединиться къ революціи. Къ счастію ничего подобнаго не случилось. Войска стояли на готовѣ, и Нижегородцы, во-время прискакавшіе въ Авчалы, захватили всѣхъ злоумышленниковъ, скрывавшихся въ сосѣднихъ духанахъ, и поставили караулъ къ водопроводу; въ то же время конные разъѣзды,

высланные полкомъ по кахетинскому шоссе къ селенію Орхеви, очистили путь и дали возможность провозить изъ деревень припасы. Забастовка начала слабѣть.

Въ это-то смутное время неожиданно полученъ былъ манифестъ 17-го октября, и еще болѣе обострилъ положеніе дѣла. Никакихъ разъясненій къ нему приложено не было, а это дало террористамъ широкій просторъ истолковывать его, какъ безусловную свободу, вырванную у правительства силою рабочаго движенія. Военное положеніе было снято, цензура отмѣнена и революціонныя газеты наводнили собою весь книжный рынокъ; огромныя толпы ходили по городу съ красными флагами и пѣніемъ марсельезы, возвѣщая приближеніе демократической республики.

Но если манифестъ 17-го октября вызвалъ наружу всѣ затаенныя стремленія подпольныхъ партій, то тотъ-же манифестъ былъ радостно привѣтствованъ русскимъ патріотическимъ кружкомъ, который въ безпредѣльной благодарности къ царю за дарованныя имъ народу права, собрался 21-го октября, въ день восшествія на престолъ государя, въ миссіонерскую церковь и, отслуживъ благодарственный молебенъ, двинулся торжественною процессіей къ военному собору. Эта процессія шла съ пѣніемъ то „Боже царя храни“, то „Спаси Господи люди твоя“, а впереди несли иконы, царскій портретъ, и русскіе національные флаги.

На Головинскомъ проспектѣ процессія эта встрѣтилась съ другою многотысячною толпою, которая направлялась въ Нахаловку съ пѣніемъ марсельезы. Безпорядковъ однакожъ не было; ходили, впрочемъ, тревожные слухи, что на патріотовъ готовится большое нападеніе, а потому на обратномъ пути процессію сопровождали конный взводъ Нижегородцевъ и взводъ пѣхоты. Но на этотъ разъ все обошлось благополучно.

На другой день, 22-го октября, съ ранняго утра въ Нахаловкѣ происходилъ соединенный митингъ всѣхъ противоправительственныхъ организацій, обсуждавшихъ вопросъ о противодѣйствіи патріотической партіи, казавшейся имъ опасною. Но постановленіе, принятое митингомъ, хранилось разумѣется въ глубокой тайнѣ. Въ тотъ же день, но гораздо позднѣе, та-же патріотическая партія и съ тѣми же атрибутами глубокой вѣры и преданности царю, направилась ко дворцу намѣстника, чтобы передъ его лицомъ засвидѣтельствовать свои вѣрно-

поданническія чувства. Во главѣ ея, неся портретъ государя, шли юнкера тифлисскаго училища, и кадеты тифлисскаго корпуса. Всѣ были настроены торжественно и никто не предвидѣлъ, что на пути ихъ ожидаетъ засада. Едва процессія поднялась по Верійскому подъему и вышла на Головинскій проспектъ, какъ изъ разныхъ домовъ, изъ армянскаго собранія и изъ за каменной ограды I-ой классической гимназіи градомъ посыпались пули, полетѣли бомбы—и повалились убитые и раненые. Предательскіе выстрѣлы не остановили однако шествія: юнкера и кадеты, безоружные, осыпаемые пулями, спокойно продолжали нести портретъ государя и ни на минуту не прерывали пѣнія „Боже царя храни". Въ числѣ убитыхъ оказались: офицеръ кадетскаго корпуса и юнкеръ старшаго класса тифлисскаго училища; въ числѣ раненыхъ находился также и одинъ кадетъ. Рота, сопровождавшая процессію, тотчасъ открыла огонь, а между тѣмъ собрались остальныя войска, и явились 1-й и 2-й эскадроны Нижегородцевъ, немедленно занявшіе указанные имъ мѣста: одинъ у окружного штаба, другой у разгонной почты. 3-ій эскадронъ, будучи дежурнымъ по охранѣ города, ранѣе другихъ поспѣлъ на Дворцовую площадь и, спѣшившись, открылъ огонь по первой гимназіи. Оттуда отвѣчали выстрѣлами изъ ружей и револьверовъ, Тогда поручикъ Наврузовъ, командовавшій эскадрономъ, получилъ личное приказаніе главнокомандующаго оцѣпить зданіе и выбить мятежниковъ изъ за каменной ограды. Это было исполнено быстро, и гимназія вслѣдъ за тѣмъ была занята пѣхотой и казаками; заняты были также дворянское собраніе и сосѣдніе дома, гдѣ найдено было множество труповъ и произведены значительные аресты.

Одновременно съ этимъ 5-ый эскадронъ Нижегородцевъ, высланный на Авлабаръ, былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ какого то дома на Кахетинской площади; но спѣшенный взводъ съ карнетомъ Чхотуа быстро занялъ самое зданіе, гдѣ захватилъ трехъ раненыхъ, а двое, пытавшіеся бѣжать, были убиты. День этотъ вообще стоилъ мятежникамъ огромныхъ потерь и еще разъ показалъ всю несбыточность ихъ надеждъ на поддержку народа, а тѣмъ болѣе войскъ.

Съ этого дня разъѣзды по городу были усилены; а такъ какъ казачьи сотни временно командированы были въ уѣздъ, то вся тяжесть охраны легла на однихъ Нижегородцевъ. Они держали отдѣль-

ные посты у Авчальскаго водопровода, у пороховаго склада Винера, у тифлисскаго вещевого склада, и на Кахетинскомъ шоссе. Кромѣ того, изъ пяти эскадроновъ (6-ой находился въ Гори) ежедневно назначались дежурными два: одинъ на случай общей тревоги, другой для охраны города и патрулированія по главнымъ улицамъ; его разъѣзды ходили отъ Эриванской площади въ одну сторону черезъ Головинскій проспектъ и Ольгинскую улицу до загороднаго креста на Верѣ, а въ другую—черезъ Солдатскій и Армянскій базары до Майдана и далѣе до Мнацакановскаго моста. Остальные эскадроны охраняли Авлабаръ Навтлугъ, Пески и всю зарѣчную часть въ Кукахъ отъ Воронцовскаго моста до Кирочной учицы, высылая отдѣльные посты въ Муштаидъ, въ Дидубе и Нахаловку. Людей въ полку нехватало на эти наряды, а потому вызваны были изъ Царскихъ-Колодцевъ еще три эскадрона Тверского полка; но и этихъ силъ было недостаточно, чтобы выполнить тѣ обязанности, которыя возлагались на кавалерію.

Къ счастью, въ городѣ послѣ кровавыхъ событій 22-го октября наступило затишье. Быть можетъ это затишье было передъ новою бурей, но въ первое время, оно нигдѣ не нарушалось; разъѣзды ходили спокойно и только разъ въ Нижегородскомъ полку случилось слѣдующее происшествіе.

27-го октября разъѣздъ 2-го эскадрона, подъ командой корнета князя Голицына, возвращаясь около полуночи съ охраны авчальскаго водопровода, шелъ по Авлабару,—какъ вдругъ услыхалъ на Алазанской улицѣ отчаянный крикъ женщинъ, доносившійся изъ какого-то дома. Фонари нигдѣ не горѣли, было темно, но разъѣздъ увидалъ какъ изъ окна подвальнаго этажа выскочилъ какой-то человѣкъ и пустился бѣжать по одному изъ самыхъ глухихъ переулковъ поднимавшихся въ гору. Драгуны выхватили шашки, но въ узкой улицѣ, при абсолютной темнотѣ, ни рубить, ни стрѣлять было нельзя. Голицынъ приказалъ разъѣзду стоять на мѣстѣ, а самъ, выхвативъ револьверъ, одинъ пустился въ погоню, искусно лавируя за преступникомъ среди лабиринта авлабарскихъ построекъ. Но вотъ на пути стоитъ заженный фонарь, и какъ только бѣжавшій человѣкъ попалъ въ полосу свѣта, Голицынъ выстрѣлилъ—и мѣткая пуля положила его на мѣстѣ. Оказалось что это былъ одинъ изъ террористовъ, требовавшій отъ женщинъ денегъ подъ угрозою смерти. Смерть постигла

его самого а деньги онъ не успѣлъ захватить, такъ какъ, заслышавъ топотъ разъѣзда, долженъ былъ скорѣе спасаться.

Прошло около мѣсяца; спокойствіе въ городѣ продолжалось и кровавый день 22-го октября сталъ уже забываться, какъ вдругъ пришла телеграмма: „Елизаветполь горитъ, въ городѣ происходитъ ужасающая рѣзня между армянами и татарами“. Тифлисскіе армяне заволновались. Три эскадрона Нижегородцевъ: 1, 2 и 4 экстренно высланы были въ Елизаветпольскую губернію, но и передъ самымъ Тифлисомъ всталъ новый, быть можетъ еще болѣе грозный призракъ той же рѣзни, такъ какъ откуда-то появился слухъ, что огромныя банды татаръ идутъ изъ Борчалинскаго уѣзда. Слухи эти не имѣли никакого вѣроятія, но тѣмъ не менѣе подѣйствовали на армянъ возбуждающимъ образомъ, и всю ночь съ 22-го на 23-е ноября въ городѣ, тамъ и сямъ, раздавались одиночные выстрѣлы. Утро 23-го числа наступило тревожное. Стоустая молва передавала вѣсть, что рѣзня уже началась, разсказывали разныя сцены, но никто не зналъ достовѣрно, что вызвало стрѣльбу и кто ее началъ. Когда эскадронъ, назначенный для охраны города, прибылъ на свой обычный постъ, перестрѣлка на окраинѣ города за армянскимъ базаромъ приняла уже значительные размѣры. Стрѣляли цѣлыми залпами. Туда направилась пѣхота, а изъ полка потребовали еще одинъ эскадронъ, но вмѣсто него явилась учебная команда съ поручикомъ Тономъ. Больше выслать было нечего, такъ какъ оба оставшіеся эскадрона сами защищали Авлабаръ и полустанокъ Навтлугъ, гдѣ казенные керосинопроводные склады привлекали къ себѣ одинаково алчность обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Мы не будемъ описывать подробностей этихъ печальныхъ дней и коснемся только тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣйствующими лицами являлись Нижегородцы.

Еще учебная команда была на пути, когда толпа армянъ, подъ видомъ самозащиты, разграбила въ городѣ всѣ оружейные магазины и, вооружившись такимъ образомъ, двинулась въ татарскіе кварталы. Учебной командѣ тотчасъ же приказано было занять Армянскій базаръ и, очистивъ всѣ улицы вплоть до Сіонскаго собора, никого не пропускать ни въ ту, ни въ другую сторону. Впереди пошелъ разъѣздъ съ корнетомъ Андерсомъ. Армяне, недовольные такимъ распоря-

женіемъ, встрѣтили его ружейнымъ огнемъ, и одинъ изъ драгунъ, рядовой Гладкоскокъ былъ раненъ: пуля перебила ему переносье, а другая угодила въ подсумокъ съ патронами. Разъѣздъ однако разогналъ толпу и арестовалъ многихъ. Въ то же время дежурный эскадронъ усиленно оберегалъ центральную часть города; такимъ образомъ пожаръ удалось локолизировать сравнительно небольшимъ пространствомъ. Одновременно съ этимъ въ Навтлугѣ выстрѣлы раздались возлѣ самыхъ казармъ Нижегородскаго полка, и выскочившіе драгуны увидѣли двухъ безоружныхъ татаръ, которые бѣжали по Кахетинскому шоссе, а за ними гналось шесть человѣкъ, безпрерывно стрѣлявшихъ изъ ружей и револьверовъ. Офицеры первые пустились въ догонку, и вмѣстѣ съ подоспѣвшими драгунами задержали преслѣдователей. Всѣ шестеро оказались армянами; при нихъ найдены были револьверы и ружья центральнаго боя (очевидно принадлежавшіе разграбленнымъ магазинамъ,) а въ сумкахъ нашлись и патроны съ разрывными пулями. Арестованныхъ тотчасъ отправили въ комендантское управленіе; но на пути, когда переходили глубокій, извилистый оврагъ, всѣ они вдругъ, какъ бы по уговору, бросились бѣжать въ разныя стороны. Драгуны открыли огонь, и всѣ шестеро были убиты.

Почти въ ту же минуту послышалась усиленная стрѣльба на самомъ Авлабарѣ, и оба эскадрона, вышедшіе на тревогу, вскорѣ увидѣли большую толпу армянъ, которая, занявъ на авлабарской горѣ каменную церковь, надъ самою Курою, стрѣляла черезъ рѣку. Очевидно, что армяне стрѣляли по домамъ татарскаго квартала, но въ то время тамъ находилась наша пѣхота, которая и очутилась подъ ихъ огнемъ. Прискакавшіе драгуны быстро разсѣяли толпу и произвели аресты. Ночью опять одинъ за другимъ раздались два ружейные выстрѣла: оказалось, что они были сдѣланы по учебной командѣ, возвращавшейся изъ города въ свои казармы. Несмотря на страшную темь, драгуны бросились на выстрѣлы и захватили двухъ стрѣлявшихъ армянъ. На донесеніе командира полка о происшествіяхъ этого дня, главнокомандующій положилъ резолюцію: „Молодцамъ Нижегородцамъ за ихъ энергію и быстроту дѣйствій при задержаніи армянъ злоумышленниковъ объявить мое спасибо".

Благодаря принятымъ мѣрамъ, рѣзня въ Тифлисѣ не дошла до серьезныхъ размѣровъ и потухла сама собою, какъ потухаетъ пожаръ,

не встрѣчая болѣе пищи. Но если взволнованное море утихаетъ не скоро, то еще труднѣе успокаиваются разыгравшіяся людскія страсти, и долго еще эскадроны Нижегородцевъ посылались на Солдатскій и Армянскій базары для предохраненія ихъ отъ грабежей и поджоговъ. Наконецъ постепенно все успокоилось, и армянскія дружины, сформировавшіяся подъ шумокъ въ это смутное время, были обезоружены и разошлись по домамъ.

Но едва избавились отъ армяно-татарской рѣзни, какъ произошелъ одинъ инциндентъ, крайне прискорбный, но который, не можетъ не быть занесеннымъ въ полковую хронику, записывающую въ свои столбцы не однѣ только свѣтлыя, но и темныя явленія жизни.

Однажды, въ поздній вечеръ, дали знать, что въ Мингрельскомъ полку идетъ „военный бунтъ", и 6-й эскадронъ Нижегородцевъ, подъ командой поручика Панчулидзева, во весь опоръ понесся къ Мингрельскимъ казармамъ. Тамъ однако-же все было тихо; мертвая тишина царила въ казармахъ, и люди спали. Только небольшая кучка офицеровъ стояла на полковомъ плацу, и она то объяснила въ чемъ заключалось дѣло. Никакого „военнаго бунта" въ сущности не было, а произошло какое то сплошное, ни кому не понятное и ничѣмъ не объяснимое, недоразумѣніе.

Оказалось, что ночью привели въ казармы нѣсколько арестованныхъ солдатъ, захваченныхъ на какомъ то митингѣ; но вслѣдъ за ними ворвалась цѣлая толпа агитаторовъ, и, поднявъ двѣ роты, бросилась отбивать заключенныхъ; раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Весь полкъ, поднятый со сна, быстро разобралъ оружіе и, выскочивъ на плацъ также открылъ безцѣльную пальбу. Только одна 14 рота сохранила полное самообладаніе. Она заперлась въ казармахъ и открыла огонь по мятежникамъ, требовавшимъ, чтобы она присоединилась къ нимъ. Прибытіе полкового командира тотчасъ возстановило порядокъ, и опомнившіеся солдаты, сами не умѣвшіе объяснить, что произошло между ними, черезъ пять минутъ покорно разошлись по казармамъ. Тогда обманутые въ своихъ ожиданіяхъ агитаторы, съ кучкою пьяныхъ солдатъ, кинулись въ Тифлисскій полкъ, разсчитывая увлечь его за собою, и вмѣстѣ идти на Метехъ освобождать преступниковъ. По пути къ этой кучкѣ присоединилось много постороннихъ людей, и толпа образовалась въ 400—500 человѣкъ.

Тифлисцы остались однако-же вѣрными присягѣ и долгу. Разбуженные шумомъ, они выскочили во дворъ и сами бросились было на озвѣрѣвшую толпу; но тутъ появился начальникъ охраннаго района и остановилъ этотъ порывъ. Пока онъ уговаривалъ солдатъ не прибѣгать къ самосуду, прискакалъ Нижегородскій эскадронъ, и Панчулидзевъ получилъ приказаніе вытѣснить толпу со двора, отнюдь не прибѣгая къ оружію. Панчулидзевъ исполнилъ это съ нѣсколькими драгунами. Но едва толпа очутилась на улицѣ, какъ увидѣла нѣсколько человѣкъ безоружныхъ Тифлисцевъ и яростно набросилась на нихъ, чтобы сорвать свое сердце за новую неудачу. Драгуны, моментально выхватившіе шашки, ринулись было на помощь къ товарищамъ, но тутъ появилось начальство, боявшееся больше всего пролитія крови, и отодвинуло эскадронъ шаговъ на двѣсти назадъ, приказавъ ограничиться только арестомъ мятежниковъ; мятежники, воспользовавшись этимъ, однако разсѣялись, и эскадронъ былъ отпущенъ домой.

Тихо и безмолвно возвращались драгуны, неся въ своемъ сердцѣ чувство полной неудовлетворенности и даже обиды. Кровь не была пролита, но Нижегородцы сознавали въ душѣ, что только кровью и могло быть смыто то оскорбленіе, которое кучка безумныхъ людей нанесла старому, славному имени кавказскаго солдата.

Почти вслѣдъ затѣмъ телеграфъ принесъ извѣстіе о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ, о баррикадахъ на ея улицахъ, и страшномъ разгромѣ, понесенномъ мятежниками. Казалось, что раздавленная гидра не скоро подниметъ свою голову и, дѣйствительно, никакихъ новыхъ попытокъ къ возстанію массами болѣе нигдѣ уже не было. Зато началась всеобщая почтовая, телеграфная и желѣзно-дорожная забастовка, причемъ всѣ рельсовые пути оказались въ рукахъ революціонеровъ, и сообщенія съ Петербургомъ были прерваны. Надо замѣтить, что на Кавказъ всякія революціонныя затѣи приходили извнѣ и служили только отголоскомъ того, что происходило въ главныхъ центрахъ имперіи; но тѣмъ не менѣе, при разнородности мало-культурнаго, легковѣрнаго и легко воспламеняющагося населенія, бороться съ ними здѣсь было труднѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ виду этого рѣшено было снова перейти къ суровымъ репрессіямъ, и 19 декабря Тифлисъ объявленъ былъ на военномъ положеніи. Но какъ только войска на слѣдующій же день

заняли желѣзно-дорожныя станціи, революціонныя власти, еще наканунѣ державшія такъ высоко свое знамя, моментально исчезли, поѣзда двинулись, телеграфъ заработалъ, и даже почтовые чиновники мало-по-малу стали на свои мѣста. Это была метаформоза по истинѣ изумительная, показавшая еще разъ на самомъ дѣлѣ, что значитъ твердость и рѣшительность власти. Не мало содѣйствовалъ этому и приказъ новаго генералъ-губернатора.

„Предлагаю, писалъ онъ, въ случаѣ возникновенія какихъ либо безпорядковъ, и даже поползновенія къ нимъ, сокрушать и подавлять таковые немедленно, не стѣсняясь въ выборѣ оружія; войскамъ дѣйствовать, не испрашивая разрѣшеній, энергически и самостоятельно. Противъ грабителей и подстрекателей во время безпорядковъ также употреблять оружіе. Число патрулей и разъѣздовъ остается то же, но число людей сбавить въ нихъ на половину: дѣло не въ числѣ штыковъ, а въ духѣ, бдительности, вниманіи и распорядительности.“ Центральные комитеты не хотѣли однако признать свое дѣло проиграннымъ окончательно и только перемѣнили образъ дѣйствія.

22-го декабря въ часъ дня, на Солдатскомъ базарѣ вдругъ раздались два страшные взрыва: это изъ зданія армянской семинаріи бросили двѣ бомбы въ проходившій мимо казачій разъѣздъ. Двѣ лошади были убиты, три казака ранены. Семинарія мгновенно была оцѣплена пѣхотой и казаками; изъ Навтлуга прискакала учебная команда Нижегородцевъ, явилась артиллерія, и черезъ нѣсколько минутъ загрохотали пушечные выстрѣлы: вѣтхое зданіе рушилось и превратилось въ обгорѣлую, безобразную груду развалинъ. Войска оставались однако на базарѣ до ночи.

Вечеромъ, когда уже было темно, снова раздались выстрѣлы на Мухранской улицѣ, и драгуны, бросившись туда, увидѣли человѣка, стрѣлявшаго съ балкона. Нижегородцы тотчасъ заняли домъ, но преступникъ успѣлъ какъ-то скрыться и спрятался въ подвалѣ. Къ дверямъ его тотчасъ приставили часового, а между тѣмъ принялись за обыскъ самого дома. Не слыша на дворѣ никакого движенія и полагая, что драгуны ушли, преступникъ выскочилъ изъ подвала и тутъ же былъ убитъ часовымъ.

На слѣдующій день такая же сцена, какъ въ семинаріи, повторилась въ Дидубе. Но это былъ уже послѣдній террористическій актъ,

направленный на войска. Пушечная пальба, пожаръ, рушавшіеся дома, огромныя потери мятежниковъ заставили ихъ отказаться разъ навсегда отъ подобныхъ дѣйствій, и болѣе они уже не повторялись. Революціонное движеніе въ Тифлисѣ стало угасать и выродилось въ простые разбои, грабежи и гнусныя убійства изъ за угла.

XIV.

НИЖЕГОРОДЦЫ ВЪ ЕЛИЗАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Начало армяно-татарской рѣзни въ Елизаветполѣ.—Отправленіе туда трехъ эскадроновъ.—Дѣйствіе эскадрона Его Величества на станціи Таузъ и на Кедабекскомъ заводѣ.—Ночное нападеніе армянъ.—Нижегородцы въ самомъ Елизаветполѣ.—Солдатская пѣсня.—Экспедиція въ с. Саровъ.—Рядовой Деричъ.—2-й эскадронъ въ Карачимерѣ.—Возвращеніе эскадроновъ въ Тифлисъ.—Прибытіе на смѣну ихъ новыхъ эскадроновъ.—Дѣйствія ротмистра Эфендіева въ Анненфельдѣ.—Подвигъ унтеръ-офицеровъ Склярова и Головачова.—Прекращеніе безпорядковъ въ Елизаветполѣ и сборъ полка въ Тифлисѣ.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ началась 22 ноября 1905 года армяно-татарская рѣзня въ Тифлисѣ, та же рѣзня охватила всю Елизаветпольскую губернію, но тамъ она приняла угрожающіе размѣры.

Еще 19-го числа получена была частная телеграмма, въ которой сообщалось: „Второй день идетъ рѣзня; убитыхъ болѣе ста человѣкъ; войскъ мало; татары обложили городъ; Елизаветполь горитъ; положеніе безвыходное; спасайте!“ Тѣ же свѣдѣнія подтверждались и официальнымъ донесеніемъ. Въ Елизаветполь тотчасъ командированъ былъ генералъ Малама, а вслѣдъ за нимъ выступили три эскадрона Нежегородцевъ: 2 и 4 подъ командой подполковника Меликъ-Алахвердова въ самый Елизаветполь, а эскадронъ Его Величества на станцію Таузъ. Послѣдняя только что подверглась нападенію татаръ, и эскадрону пришлось размѣститься въ сожженныхъ и разграбленныхъ армянскихъ дворахъ. Все, что могло бѣжать, уже бѣжало въ Тифлисъ, и станція стояла пустою. Кругомъ бродили татарскія шайки. Первую экскурсію эскадронъ сдѣлалъ отсюда въ имѣніе Султановыхъ, куда приказано было собрать старшинъ и представителей со всѣхъ окрестныхъ селеній. Командиръ эскадрона поручикъ Рыльскій объявилъ имъ, что прибылъ съ эскадрономъ возстановить порядокъ, что для эскадрона не существуетъ ни армянъ, ни татаръ, а есть только виновные; виновными же будутъ считаться тѣ, кто первые начнутъ нападенія, и съ ними онъ церемониться не будетъ. Султановъ клялся въ преданности русскому правительству и ручался за своихъ подвластныхъ; татары смотрѣли мрачно, но также клялись и обѣщали воздерживать своихъ односельцевъ отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій. Султановъ назначилъ къ Рыльскому своего переводчика и далъ въ проводники лучшихъ татаръ. Отсюда перешли въ имѣніе бековъ Наврузовыхъ. Здѣсь тѣ же клятвы и увѣренія; но на пути къ этому имѣнію случился эпизодъ, весьма характерный для тогдашняго времени.

Когда эскадронъ подходилъ къ деревнямъ Наврузовыхъ, изъ-за крутого поворота дороги вдругъ выѣхало восемь человѣкъ татаръ. Всѣ были почтенные, сѣдобородые старики на маленькихъ, но крѣпкихъ татарскихъ лошадкахъ. Всѣ они съ ногъ до головы обвѣшаны были оружіемъ; но такъ какъ все населеніе въ видахъ самозащиты, вооружено было тогда поголовно, то это обстоятельство не возбудило ни въ комъ подозрѣніе. Старики отдали почтительный селямъ драгунамъ; драгуны разспросили ихъ, куда и зачѣмъ они ѣдутъ, а затѣмъ отпустили. Только вернувшись уже въ Таузъ, офицеры узнали, что

всѣ восемь татаръ-стариковъ были извѣстные атаманы разбойничьихъ шаекъ, и имена ихъ наводили ужасъ на цѣлую губернію. Какъ переводчикъ, такъ и проводники знали ихъ въ лицо, но страхъ замкнулъ имъ уста, и они рѣшились объявить объ этомъ только тогда, когда возвратились домой.

Въ окрестностяхъ, впрочемъ, все было спокойно. „Прибытіе эскадрона и безпрерывные разъѣзды его, доносилъ генералъ-губернаторъ Флейшеръ, быстро прекратили царившій здѣсь произволъ и дороги открылись; духоборы ѣздятъ по нимъ свободно, но татары и армяне ѣздить еще опасаются.“ Такъ прошло болѣе недѣли, какъ вдругъ пронеслась молва, что армяне напали на Кедабекскій заводъ, сожгли татарскій базаръ и убили мѣстнаго слѣдователя. Эскадрону приказано было тотчасъ передвинуться въ горы и тамъ принять подъ свою охрану заводъ Кедабекъ, вмѣстѣ съ живущими въ немъ нѣмцами, германскими подданными. Маршрутъ былъ данъ на Дзегамъ, Анненфельдъ и Славянку. До Дзегама переходъ былъ очень большой; ночь застала эскадронъ на дорогѣ, и усталые люди съ нетерпѣніемъ ждали, когда же покажутся огоньки Дзегама. Непроглядная темь и невозможность оріентироваться въ незнакомой мѣстности заставили наконецъ эскадронъ остановиться въ полѣ и сдѣлать часовой привалъ; затѣмъ двинулись дальше, но шли еще долго, и только уже передъ свѣтомъ добрались наконецъ до Дзегама. Здѣсь ночевали, а на другой день, миновавъ колонію Анненфельдъ, подошли къ горамъ. Отсюда дорога пошла еще труднѣе по крутымъ подъемамъ и спускамъ, гдѣ приходилось спѣшиваться и проводить лошадей въ поводу. Опять стемнѣло, началъ моросить дождь, а надъ сосѣдними горами стояло багровое зарево и было видно какъ горѣли татарскіе зимовники, подожженные армянами. Впереди ѣхалъ дозоръ, какъ вдругъ въ темнотѣ раздался крикъ: „Не стрѣляй: это идутъ драгуны“! Трубачъ въ эскадронѣ сталъ подавать сигналы. Въ эту минуту подъѣхали четыре всадника на добрыхъ коняхъ и отлично вооруженные. Это были армяне, державшіе постъ на дорогѣ къ армянской деревнѣ Чардохлы, только что разгромленной татарами. Они посовѣтовали вызвать пѣсенниковъ, опасаясь, какъ бы армяне не открыли огонь, полагая, что идутъ татары. Русская пѣсня дѣйствительно открыла свободный входъ въ деревню, и эскадронъ ночевалъ въ разоренныхъ Чардохлахъ,

среди общаго плача жителей. Но было-ли нападеніе произведено вслѣдствіе поджога армянами зимовниковъ, или же зимовники зажжены послѣ нападенія татаръ—установить было невозможно: обѣ стороны обвиняли другъ друга. На третій день эскадронъ прошелъ черезъ духоборческую деревню Славянку и сталъ приближаться къ Кедабеку. На встрѣчу къ нему выѣхалъ казначей завода и, переговоривъ съ поручикомъ Рыльскимъ, поскакалъ назадъ предупредить, что идутъ русскіе, такъ какъ татары, ожидая нападенія армянъ, устроили засады. Скоро на встрѣчу драгунамъ попались два большіе фургона, переполненные оборванными дѣтьми и женщинами. Оказалось, что это были плѣнные, захваченные татарами въ Чардохлахъ и теперь отпущенные по случаю прибытія драгунъ. Это былъ своеобразный подарокъ эскадрону. Переночевавъ на заводѣ, эскадронъ оставилъ здѣсь постъ изъ 10 человѣкъ, а самъ отошелъ назадъ и расположился въ Славянкѣ.

Здѣсь экадрону пришлось простоять цѣлые два мѣсяца, предпринимая разъѣзды въ разныя стороны. Время стояло тревожное. Всѣ неурядицы въ городахъ Елизаветполѣ, Баку, Шушѣ и Эривани отражались на настроеніи армянъ, которые по отношенію къ татарамъ держали себя болѣе или менѣе вызывающе. Случались мелкіе грабежи, бывали частыя тревоги; три раза ночью загоралась Славянка, и кто поджигалъ оставалось неизвѣстнымъ. Духоборы утверждали, что это поджигаютъ одинаково татары и армяне, съ цѣлью выжить эскадронъ, занявшій нейтральное положеніе. Случались и другія мелкія непріятности: то вдругъ появятся въ деревнѣ вооруженные армяне, которымъ входъ былъ запрещенъ, то татары осаждаютъ драгунъ назойливыми просьбами продать ружье или патроны, предлагая за нихъ баснословныя деньги, а разъ появился даже какой-то молодой человѣкъ, франтовски одѣтый и отрекомендовавшійся драгунамъ соціалъ-демократомъ Иваномъ Ивановичемъ Игнатьевымъ. Онъ началъ говорить возмутительную рѣчь, но пока вахмистръ далъ знать офицерамъ, драгуны обработали его самосудомъ такъ, что Ивана Ивановича едва живого уложили въ повозку и отвезли въ участокъ. Въ другой разъ дѣло едва не дошло даже до вооруженнаго столкновенія. Это случилось 14 декабря, когда эскадронъ ушелъ въ одну изъ своихъ экскурсій, а въ Славянкѣ оставилъ постъ, подъ командою унтеръ офицера Кубло. Въ отсутствіе эскадрона армяне изъ Чардохловъ внезапно ворвались въ

деревню и напали на татаръ. Кубло отразилъ нападеніе и двухъ задержалъ, но остальные скрылись благодаря темной ночи. Такія происшествія показывали однако напряженное состояніе народа, и оно разразилось наконецъ въ самый день новаго 1906 года.

Наканунѣ администрація завода пригласила весь эскадронъ встрѣтить новый годъ въ Кедабекѣ. Эскадронъ явился передъ вечеромъ. Но едва пробила полночь и люди выпили по чаркѣ водки, какъ дали знать, что въ шести верстахъ горитъ татарское селеніе Суитлы, подожженное армянами. Эскадронъ пошелъ на рысяхъ, но кругомъ лежалъ такой густой туманъ, что ничего нельзя было видѣть, а впереди, между тѣмъ, шла горячая перестрѣлка. Вдругъ, на одномъ крутомъ поворотѣ дороги, эскадронъ внезапно осыпанъ былъ пулями. Драгуны остановились, спѣшились и открыли огонь, еще не зная кто передъ ними—татары или армяне. Оказались армяне. Они держались стойко, и только послѣ нѣсколькихъ выдержанныхъ залповъ стали отходить назадъ. Эскадронъ продолжалъ наступленіе, и дружнымъ огнемъ сбивалъ ихъ каждый разъ, когда они пытались остановиться. Такъ дошли до деревни Горѣлое. Въ это время поднялся туманъ и армяне, пользуясь пересѣченной мѣстностью, разбились на нѣсколько партій и бросились въ разныя стороны. Погоня прекратилась: преслѣдовать ихъ пѣшкомъ было безполезно, а дѣйствовать на коняхъ въ крайне гористой и пересѣченной мѣстности—невозможно. Эскадронъ, повернувъ назадъ, вернулся на заводъ обратно.

Впослѣдствіи оказалось, что армяне ничего не знали о переходѣ эскадрона въ Кедабекъ и, полагая его въ Славянкѣ, рѣшили воспользоваться праздничною ночью, чтобы истребить заводъ и вмѣстѣ съ нимъ нагорныя татарскія селенія. Прежде всего они перерѣзали всѣ телеграфныя и телефонныя проволоки, чтобы лишить администрацію завода возможности вызвать драгунъ, а затѣмъ банда, болѣе чѣмъ въ 700 человѣкъ, сдѣлавъ ночной сорока-верстный переходъ, раздѣлилась на три части: одна бросилась на Суитлы, другая пошла на Арыхъ-Талы, а третья устремилась къ заводу, и тутъ-то неожиданно наткнулась на эскадронъ. Сначала, благодаря густому туману, армяне приняли его за татаръ, и только потому открыли огонь, но, втянувшись въ бой, уже по необходимости должны были его поддерживать. Въ результатѣ у армянъ оказалось 17 человѣкъ убитыми и 35 ра-

ными; у драгунъ потерь не было, только у рядового Сотникова пуля сорвала фуражку. Не будь эскадронъ въ эту ночь случайно въ Кедабекѣ, татары, а пожалуй и нѣмцы, не отдѣлались бы такъ дешево.

Между тѣмъ какъ первый эскадронъ дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Тауза и потомъ въ горной полосѣ Елизаветпольской губерніи, 2-ой и 4-ый съ подполковникомъ Меликъ-Алахвердовымъ вступили въ Елизаветполь, гдѣ получили приказаніе занять армянскую часть города. Это былъ періодъ крайняго разгара страстей, когда рѣзня достигла своего апогея, и глазамъ Нижегородцевъ представилась картина дѣйствительно безотрадная. Армянская часть была уже разгромлена, а тѣ армянскія семьи, которыя жили среди татаръ въ особомъ предмѣстьѣ Норашенъ, заперлисъ въ церкви, ожидая ежеминутной гибели. Положеніе ихъ, дѣйствительно, было опасное. Городъ горѣлъ, и пожары, возникавшіе въ разныхъ мѣстахъ, тушить было некому; повсюду шла перестрѣлка, вездѣ валялись трупы, и нашимъ эскадронамъ пришлось проходить подъ пулями, сыпавшимися на нихъ съ обѣихъ сторонъ. Генералъ Малама весь день ѣздилъ по улицамъ, стараясь образумить враждующихъ, и къ вечеру пальба наконецъ постепенно затихла. Казалось наступила желанная минута примиренья, но въ самую полночь въ мечетяхъ опять послышались дикіе крики, скоро перешедшіе въ ревъ разъяренной толпы—и татары двинулись снова къ армянской части города. Драгуны и казаки сѣли на коней; пѣхота заняла лѣвый берегъ Ганжинки, чтобы не допустить переправы, а артиллерія открыла огонь по виноградникамъ, въ которыхъ засѣли татары. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ, ружейные залпы пѣхоты, лихорадочная стрѣльба татаръ и армянъ—вотъ что представляла собою эта адская ночь. Драгуны до самаго разсвѣта не сходили съ коней, дѣлая разъѣзды и наблюдая за бродами. Въ четыре часа утра татары отступили, и бой окончился. Въ послѣдующіе дни оба эскадрона то и дѣло объѣзжали весь городъ, не позволяя никому собираться въ кучки и конвоируя армянъ, которыхъ переселяли изъ Норашена въ Армянскую часть. Черезъ нѣсколько дней все успокоилось, миръ былъ заключенъ и городская жизнь мало-помалу вошла въ свои обычныя рамки. Но въ уѣздахъ взаимная вражда

долго не потухала, и эскадроны приходилось высылать за сто и болѣе верстъ отъ Елизаветполя, чтобы прекращать безпорядки. Не всегда можно было предупреждать событія, о которыхъ извѣстія никогда не доходили своевременно, но спасать остатки населенія отъ гибели драгунамъ приходилось не разъ.

Такъ, однажды получено было извѣстіе, что татары обложили армянскую деревню Саровъ и держатъ её въ блокадѣ. Казачій постъ, находившійся въ деревнѣ, состоялъ всего изъ пятнадцати человѣкъ и, потерявъ въ перестрѣлкѣ одного убитымъ, долженъ былъ запереться вмѣстѣ съ жителями. Критическое положеніе Сарова заставило тотчасъ выслать къ нему два эскадрона съ орудіемъ, подъ командой подполковника Меликъ-Алахвердова, а на пути присоединилась къ нему еще казачья сотня. Образовался такимъ образомъ летучій кавалерійскій отрядъ, сильный по духу, но ничтожный по своей численности. Надо сказать, что по приходѣ въ Елизаветполь, драгуны отпустили запасныхъ нижнихъ чиновъ и теперь въ обоихъ эскадронахъ насчитывалось только 60 человѣкъ, и въ такомъ же составѣ явилась казачья сотня. Стоялъ декабрь; погода была ненастная, дулъ холодный вѣтеръ, пронизывающій до костей, а переходъ былъ въ 60 верстъ, и отрядъ только къ свѣту добрался до Сарова. Татары тотчасъ сняли осаду, но запрудили рѣку, протекавшую по ихъ землѣ, и въ одинъ прекрасный день жители остались безъ воды. Меликъ-Алахвердовъ тотчасъ выслалъ сильные разъѣзды, которые должны были уничтожать запруды и наблюдать за цѣлостью водопроводныхъ канавъ. 17-го декабря разъѣздъ былъ отъ 4-го эскадрона съ корнетомъ Шатиловымъ. Онъ дошелъ до сел. Джамалли, уничтожилъ найденную запруду, но на обратномъ пути былъ встрѣченъ залпомъ изъ дома джамалинскаго бека. Проскакавъ подъ выстрѣлами, Шатиловъ доложилъ объ этомъ Меликъ-Алахвердову, который тотчасъ выслалъ эскадронъ и 30 казаковъ съ орудіемъ. На дорогѣ отрядъ встрѣтилъ однако мѣстный приставъ и сообщилъ, что у Джамалинскаго бека находится уже уѣздный начальникъ, которому заявлена жалоба, что будто бы драгунскій разъѣздъ разорилъ и разграбилъ имѣніе бека. Клевета была очевидная, потому что Шатиловъ не заѣзжалъ даже къ беку и разорилъ не имѣніе, а запруду, которую тотъ не имѣлъ права ставить, но таково уже было время и таковы были люди! Уѣздный начальникъ объявилъ, что

принимаетъ бека подъ свое покровительство, и отряду ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ возвратиться назадъ и донести генералъ-губернатору.

Во время этого похода произошелъ въ отрядѣ слѣдующій случай: одинъ татаринъ внезапно бросился на казака, ѣхавшаго дозорнымъ, моментально вырвалъ изъ его рукъ винтовку и ускакалъ съ нею прежде, чѣмъ оплошавшій казакъ успѣлъ опомниться. Это видѣлъ драгунскій дозоръ, и рядовой 2 эскадрона Трифонъ Деричъ одинъ пустился въ погоню за татариномъ. Скоро къ нему присоединилось еще нѣсколько казаковъ. Казачій офицеръ, выстрѣливъ на полномъ скаку, ранилъ татарина; но и татаринъ, отвѣтивъ въ свою очередь выстрѣломъ, убилъ казака. Въ эту минуту настигъ его Деричъ и, послѣ отчаянной борьбы, отнялъ казачью винтовку, а самаго его положилъ на мѣстѣ ударомъ его же собственнаго кинжала. Вся эта сцена произошла подъ пулями, такъ какъ конвой джемалинскаго бека, выскочивъ на выстрѣлы, открылъ огонь по казакамъ.

Между тѣмъ саровцы, деревня которыхъ со всѣхъ сторонъ была окружена татарскими селеніями, получили дозволеніе переселиться въ горы, гдѣ самая мѣстность до извѣстной степени уже гарантировала имъ безопасность, и драгунамъ приказано было прикрывать переселенцевъ. 20 декабря съ ранняго утра всѣ жители были уже на ногахъ, и тяжело нагруженные воза запрудили улицы. Въ это же время армяне, не желавшіе ничего оставлять татарамъ, сами подожгли деревню, и пожаръ такъ быстро охватилъ ее со всѣхъ сторонъ, что драгуны едва успѣли вывести своихъ лошадей, а среди переселенцевъ, захваченныхъ огнемъ въ самыхъ улицахъ, произошла настоящая паника. Обозы ихъ, обгоняя, опрокидывая и топча другъ друга, устремились въ поле, и надо еще удивляться, какъ при такой паникѣ не произошло ни одного несчастнаго случая. За то пока транспортъ приводился въ порядокъ, на сосѣднемъ хребтѣ, окаймлявшемъ равнину, уже показалась сильная татарская конница. Чтобы успокоить встревоженныхъ жителей, ежеминутно ожидавшихъ нападенія, сдѣланъ былъ пушечный выстрѣлъ; но когда татары въ отвѣтъ на него открыли учащенный огонь, драгуны спѣшились и повели наступленіе. Вторично грохнуло орудіе, и граната, лопнувшая на этотъ разъ въ самой серединѣ татаръ, разметала ихъ въ разныя сто-

роны. Пальба прекратилась, и транспортъ благополучно дошелъ до мѣста своего назначенія. Проводивъ его, драгуны возвратились въ Елизаветполь.

Отдыхать имъ однако не пришлось. Событія, разыгравшіяся въ окрестностяхъ Кедабекскаго завода въ самый день Новаго года, о чемъ мы уже говорили, заставили немедленно отправить на помощь къ первому эскадрону—4-й ротмистра князя Гирея, а 2-й ротмистра Де-Шмиденъ-Ковальскаго—въ деревню Карачинаръ, гдѣ татары опять напали на армянъ и принялись ихъ рѣзать. Послѣднему эскадрону приказано было взять съ собой и орудіе; но такъ какъ батарея уволила въ запасъ почти весь свой составъ и артиллеристовъ не хватало даже на тѣ орудія, которыя стояли на постахъ, то ротмистръ Ковальскій быстро сформировалъ ѣздовыхъ и прислугу изъ своего эскадрона, а корнетъ Дембинскій-Піеро принялъ на себя роль артиллерійскаго офицера. Выступили форсированнымъ маршемъ и, несмотря на распутицу, когда орудіе почти все время приходилось тащить на рукахъ, къ вечеру уже были въ Карачинарѣ. Но едва эскадронъ показался въ виду деревни, какъ армяне открыли по немъ огонь и, несмотря на всѣ подаваемые сигналы, не прекращали его до тѣхъ поръ, пока ротмистръ Ковальскій не выдвинулъ впередъ орудія и не послалъ сказать, что если стрѣльба не прекратится сейчасъ, то онъ не оставитъ у нихъ камня на камнѣ. Это тотчасъ-же подѣйствовало, и армяне, встрѣтившіе эскадронъ, старались объяснить все дѣло простымъ недоразумѣніемъ; они не ожидали драгунъ и принимали ихъ за татарскую конницу. За неимѣніемъ другого, приходилось удовлетвориться и этимъ объясненіемъ. На другой день эскадронъ обошелъ всѣ окрестныя села и, водворивъ порядокъ, возвратился назадъ.

Это была его послѣдняя экскурсія; 11-го января 1906 года всѣ три эскадрона отозваны были обратно въ Тифлисъ, а на смѣну ихъ прибыли 3-й и 5-й.

Характернымъ памятникомъ этихъ походовъ осталась простая, безъискусственная солдатская пѣсня, сложенная каптенармусомъ 2-го эскадрона Петромъ Ѳомичемъ; она дорога намъ, какъ отраженіе тѣхъ взглядовъ, которые установились тогда между самими солдатами на происходившія событія.

Вотъ эта пѣсня:

Грустно вспомнить про то время,
Какъ татаринъ бушевалъ
И армянъ, какъ злое племя,
Всюду рѣзалъ на повалъ.

Нижгородцамъ приказали
Усмирить татаровъ злыхъ;
Дивизьонъ тогда послали
Зашищать армянъ отъ нихъ.

Думать мы не стали долго,
Вмигъ въ походъ всѣ собрались,
И пошли путемъ-дорогой,
Гдѣ давно ужъ не дрались.

Злой татаринъ всюду бродитъ,
Городъ весь стоитъ въ огнѣ,
Отъ стрѣльбы-пальбы все стонетъ,
Жгутъ и рубятъ все они.

А армяне у порога
Въ Божьемъ храмѣ собрались,
И усердно молятъ Бога,
Чтобъ помогъ Онъ имъ спастись.

Насъ тамъ встрѣтили картечи,
Пули сыпались кругомъ,
Мы-жъ не дрогнули отъ встрѣчи
И прорвались на проломъ.

Грозный видъ драгуновъ стройныхъ
Устрашилъ татаровъ злыхъ
И заставилъ непокорныхъ
Прекратить стрѣльбу при нихъ.

Мы весь городъ объѣзжали
Разсмотрѣть въ чемъ дѣло тамъ,
И подводы собирали,
Чтобъ послать ихъ въ Божій храмъ.

Насъ давно армяне ждали,
Какъ спасителей своихъ:

Мы изъ храма провожали
Два дня сряду почти ихъ;

На подводы тутъ же клали
Все имущество они,
А на верхъ дѣтей сажали:
Не остались бы одни!

Визгъ дѣтей и плачъ армянокъ,
Громъ и трескъ стоялъ кругомъ,
И вездѣ пожаръ въ добавокъ,—
Настоящій былъ Содомъ!

Пріѣзжалъ тогда къ намъ славный
Генералъ нашъ Малама,
Говорилъ, что долгъ нашъ главный
Помирить два племена.

Самъ, какъ должно быть герою,
Гдѣ стрѣльба туда спѣшилъ,
Устрашалъ татаръ собою,
И примѣромъ намъ служилъ.

Мы тогда на стражѣ стали,
И рѣзню чтобъ прекратить,
Снять оружье приказали
И миръ братскій заключить.

Не рѣшалися татары...
Но нашъ видъ ихъ устрашилъ,
И въ мечети надъ кораномъ
Миръ мулла ихъ заключилъ.

Много тамъ мы потрудились,
Но за то былъ край спасенъ;
Братски съ нами всѣмъ дѣлился
И четвертый эскадронъ.

Изстарь славу полковую
Мы сумѣли поддержать,
Не въ бою, а въ примиреньѣ
Лавры новыя стяжать.

Генералъ нашъ Флейшеръ бравый
Насъ за трудъ благодарилъ,

И съ почетомъ и со славой
Въ штабъ квартиру отпустилъ.

Генералъ Флейшеръ — тогда временный генералъ - губернаторъ Елизаветпольской губерніи—дѣйствительно напутствовалъ уходившие эскадроны, на смѣну коимъ отправлены были изъ Тифлиса 3-й ротмистра Эфендіева и 5-й ротмистра Шереметева, слѣдующимъ сердечнымъ приказомъ:

„Переживъ со славными Нижегородцами тяжелые дни безпорядковъ въ Елизаветполѣ, я перебрасывалъ ихъ эскадроны для предупрежденія рѣзни и безпорядковъ изъ одного уѣзда въ другой, причемъ появленіе ихъ всегда являлось грознымъ для хищниковъ, которые не успѣвали осуществлять своихъ преступныхъ намѣреній. Не могу не отмѣтить того случая, когда по обстоятельствамъ оказалось необходимымъ послать орудіе. За недостаткомъ артиллеристовъ драгуны ни минуты не задумались замѣстить ихъ своими людьми, до ѣздовыхъ включительно, и съ полнымъ успѣхомъ выполнили принятыя на себя обязанности. Съ болью въ сердцѣ разставаясь съ доблестными 1, 2 и 4 эскадронами, я считаю душевною потребностью выразить мою сердечную благодарность за неутомимую, энергическую и полезную службу командиру дивизіона подполковнику Меликъ-Алахвердову, командирамъ эскадроновъ: ротмистрамъ Де-Шмиденъ-Ковальскому, князю Гирею и поручику Рыльскому, а также всѣмъ господамъ офицерамъ. Молодцамъ-же нижнимъ чинамъ объявляю сердечное спасибо за ихъ молодецкую и честную службу“.

Но едва эскадроны выступили въ Тифлисъ, а на мѣста ихъ новые еще не прибыли, какъ безпорядки начались уже вновь, и виновниками ихъ на этотъ разъ явились разбойничьи шайки татаръ, свившія себѣ гнѣздо въ ближайшихъ горахъ къ Анненфельду. Всѣ сообщенія между населенными пунктами тамъ были прерваны; колонисты-нѣмцы не смѣли выходить на работы даже въ собственные свои сады. Торговля остановилась; терроризованные армяне бѣжали изъ Анненфельда, покинувъ свои лавки на произволъ судьбы, и онѣ были разграблены. Въ такомъ положеніи дѣла оставались до занятія Анненфельда 3-мъ эскадрономъ, командиръ котораго ротмистръ Эфендіевъ получилъ право дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, не спра-

шивая никакихъ приказаній. Отлично зная языкъ, нравы и обычаи татаръ, Эфендіевъ сблизился съ людьми, пользовавшимися въ краѣ вліяніемъ, и долгими бесѣдами съ ними успѣлъ значительно ослабить тревожное настроеніе жителей, а между тѣмъ одно обстоятельство, не замедлило внушить и разбойникамъ убѣжденіе, что нападенія ихъ не будутъ проходить безнаказанно.

Однажды, 9-го февраля вечеромъ, въ Анненфельдъ дали знать, что шайка извѣстнаго Гассанъ-Лезги-оглы, каторжника, бѣжавшаго изъ Сибири, явилась въ деревню Мурали, верстахъ въ десяти отъ колоніи, и грабитъ домъ богатаго купца. Ротмистръ Эфендіевъ съ полуэскадрономъ тотчасъ выскочилъ на тревогу и захватилъ разбойниковъ въ домѣ. Ихъ было девять человѣкъ. Пока спѣшенный взводъ завязалъ перестрѣлку, другой вмѣстѣ съ корнетомъ Чхотуа ворвался во дворъ, прилегавшій къ густому обширному саду, и унтеръ-офицеръ Фоминъ вмѣстѣ съ рядовыми Школа и Ткаченко сразу захватили девять осѣдланныхъ лошадей, принадлежавшихъ разбойникамъ. Оставшись пѣшими, послѣдніе засѣли на плоской кровлѣ дома и продолжали учащенный огонь изъ своихъ магазинокъ. Тогда драгуны пошли на приступъ. Взводные унтеръ-офицеры Никифоровъ, Бзнюкинъ и рядовой Бондаренко первые вскочили на крышу и бросились на толпу въ рукопашную. Бондаренко ударомъ приклада сбилъ съ ногъ помощника атамана, также извѣстнаго разбойника Мехрали-Лезги-оглы, а Никифоровъ схватилъ и обезоружилъ другого; остальные, пользуясь темнотой и хорошо извѣстными имъ глухими тропинками сада успѣли скрыться. Оба задержанные татарина на возвратномъ пути эскадрона пытались бѣжать—и оба были убиты. Послѣ этого случая татарскія шайки сочли за лучшее откочевать подальше, и въ окрестностяхъ Анненфельда водворилось спокойствіе.

Почти въ то же время 5-й эскадронъ, шедшій на Бидакенъ, получилъ извѣстіе, что казаки завязали перестрѣлку съ разбойничьей шайкой у селенія Хайналы. На помощь къ нимъ тотчасъ посланы были изъ 5-го эскадрона унтеръ-офицеры Скляровъ и Головачевъ съ восьмью драгунами. Но едва они подскакали къ оврагу, въ которомъ засѣли казаки, какъ были осыпаны пулями изъ-за крайняго дома деревни. Оба унтеръ-офицера, не раздумывая долго, повернули коней и вдвоемъ бросились въ шашки. Скляровъ срубилъ одного и вмѣстѣ

съ Головачевымъ заставилъ трехъ бросить оружіе, а подоспѣвшіе драгуны переловили остальныхъ четырехъ. Такимъ образомъ вся шайка, состоящая изъ восьми человѣкъ была уничтожена. Это было послѣднее вооруженное столкновеніе драгунъ въ Елизаветпольской губерніи. Явившіеся на смѣну къ нимъ сначала 2-й и 6-й, а потомъ 1-й и 4-й эскадроны, нашли край настолько умиротвореннымъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ признано было возможнымъ совсѣмъ отозвать драгунъ изъ Елизаветпольской губерніи, и весь Нижегородскій полкъ сосредоточился наконецъ въ Тифлисѣ.

XV.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ПОЛКА 1905—1907 ГОДОВЪ.

Событія внутренней жизни полка.—Кончина трехъ старѣйшихъ Нижегородцевъ.—Смерть вахмистра Горлова.—Прискорбный случай убійства часоваго.—Капиталъ Пекарскаго.—Смѣна полковыхъ командировъ.—Сдача полка полковникомъ Комстадіусомъ.—Новый командиръ полка полковникъ Гуссейнъ Ханъ-Нахичеванскій.—Зачисленіе въ полкъ наслѣдника цесаревича.—Георгіевскій кавалеръ подполковникъ Кобіевъ.—Тревожное лѣто 1906 года.—Новое назначеніе Хана Нахичеванскаго.—Командиръ полка полковникъ Гилленшмитъ и его дѣятельность.

Прошелъ наконецъ 1905 годъ. Теперь, когда революціонное движеніе было задавлено, а отдѣльные, все еще продолжавшіеся террористическіе акты свидѣтельствовали лишь о полномъ безсиліи революціи пошатнуть вѣковые устои русскаго народа, мы должны обратиться назадъ къ внутренней, домашней жизни полка, совершенно

стушевывавшейся до сихъ поръ за тою лихорадочною дѣятельностью, которою жилъ цѣлый край, а вмѣстѣ съ нимъ и Нижегородцы.

1905 годъ былъ годомъ по истинѣ феральнымъ, наложившимъ свою роковую печать не только на внѣшнія событія, но и на внутреннія стороны жизни полка, которому довелось внести въ свою хронику не мало скорбныхъ листковъ. Начнемъ съ того, что полку съ чувствомъ глубокой утраты пришлось вычеркнуть изъ своихъ списковъ двухъ старѣйшихъ Нижегородцевъ, имена которыхъ, какъ яркія звѣзды, горѣли на славныхъ страницахъ его исторіи. Такъ, 27 августа скончался въ Гори маститый ветеранъ генералъ-адъютантъ князь Амилахвари, пятьдесятъ пять лѣтъ не снимавшій съ себя Нижегородскаго мундира. Въ немъ онъ началъ свою службу, въ немъ дослужился до высокаго званія генералъ-адъютанта, и въ немъ же положили его въ могилу. Послѣдніе годы, откомандовавъ кавказскимъ корпусомъ, маститый ветеранъ жилъ на покоѣ, но кровавый ураганъ, пронесшійся надъ краемъ, снова призвалъ его къ обычной дѣятельности. Онъ, помнившій свѣтлые дни Иверіи, съ горечью въ сердцѣ смотрѣлъ на то, что творилось кругомъ, видѣлъ неизбѣжность глубокаго нравственнаго паденія любимой родины, и со всею энергіею повелъ борьбу съ потаенной крамолой. Но силы измѣнили ему, нервы не выдержали, и онъ, какъ простой солдатъ, легъ на своемъ посту, не покинувъ его до конца.

Согласно духовнаго завѣщанія, тѣло князя перевезено было въ Тифлисъ для погребенія въ Квашветской церкви св. Георгія, которая воздвигнута была его знаменитыми предками, въ которой онъ любилъ молиться при жизни и которую самъ назначилъ мѣстомъ для вѣчнаго своего успокоенія. Главнокомандующаго въ это время въ Тифлисѣ не было, онъ находился далеко—на Сѣверномъ Кавказѣ, но отъ имени его возложенъ былъ на гробъ почившаго серебряный вѣнокъ: съ надписью „Сослуживцу и другу князю Ивану Гивичу Амилахвари“. Къ сожалѣнію, похороны его случились въ самый разгаръ революціоннаго движенія, и, по распоряженію генералъ-губернатора, опасавшагося безпорядковъ, тѣло этого доблестнаго кавказскаго вождя перевезено было съ вокзала въ глухую полночь, „безъ почестей бранныхъ“, безъ духовенства, въ сопровожденіи лишь одного эскадрона дорогихъ ему Нижегородцевъ. Какое это было печальное зрѣлище! Парадъ собрался

только на слѣдующій день у самой церкви, и когда гробъ опускали въ могилу, приготовленную въ самомъ храмѣ, троекратный залпъ возвѣстилъ, что все земное для князя Амилахвари окончилось.

Только двумя мѣсяцами пережилъ его и другой старый Нижегородецъ, генералъ-адъютантъ князь Захарій Гульбатовичъ Чавчавадзе, „витязь кавказской войны", подвиги котораго заполняли собою блестящія страницы полковой эпопеи. На Кавказѣ, кажется, не было человѣка, незнакомаго, хотя бы по наслышкѣ, съ этими двумя именами, которымъ исторія не даромъ отводитъ почетное мѣсто среди нашихъ славныхъ вождей. Никогда не забудутся имена ихъ среди сроднившихся съ ними кавказскихъ войскъ, и тѣмъ болѣе не изгладятся они изъ памяти Нижегородцевъ.

Князь Захарій Гульбатовичъ скончался 25 октября въ Тифлисѣ, тоже въ самый острый моментъ революціи, но отпѣваніе его совершалось въ военномъ соборѣ, въ присутствіи главнокомандующаго, при самой торжественной обстановкѣ. Отсюда процессія направилась въ Навтлугъ, гдѣ гробъ поставленъ былъ временно въ церкви Нижегородскаго полка и только на другой день отправленъ въ Цинондалы для погребенія въ родовомъ имѣніи князей Чавчавадзе.

Нѣсколько ранѣе ихъ, далеко отъ Кавказа, сошелъ въ могилу и третій ветеранъ генералъ-лейтенантъ графъ Иванъ Григорьевичъ Ностицъ, командовавшій полкомъ въ послѣдній періодъ кавказской войны и заслужившій въ бояхъ съ Нижегородцами Георгіевскій крестъ и званіе флигель-адъютанта. И Ностицъ, и князь Амилахвари были уже послѣдними могиканами Нижегородскаго мундира, и послѣ кончины ихъ въ спискахъ полка не осталось уже никого изъ старыхъ Нижегородцевъ.

Вслѣдъ за этими тремя корифеями Нижегородской славы сошелъ въ могилу вахмистръ 6-го эскадрона Герасимъ Горловъ, убитый предательскимъ выстрѣломъ въ собственной квартирѣ въ г. Гори. Случилось это въ самую полночь 10-го ноября. Эскадронный командиръ тотчасъ прибылъ на мѣсто происшествія, но засталъ вахмистра мертвымъ, а слѣдствіе, произведенное по горячимъ слѣдамъ, ничего не выяснило, такъ какъ самаго момента убійства никто не видѣлъ, а сбѣжавшіеся на выстрѣлъ драгуны никого уже не застали. Вскрытіе трупа показало однако, къ общему изумленію, что пуля была солдат-

ская. Правда, не мало солдатскихъ ружей находилось въ то время и въ рукахъ революціонеровъ, со стороны которыхъ смерть эта могла явиться простою местью за дѣйствія эскадрона, но тѣмъ не менѣе четыре драгуна были заподозрѣны и отправлены въ метехскій замокъ. Ихъ предали военному суду. Но судъ не нашелъ никакихъ уликъ къ обвиненію, и всѣ четверо были оправданы. Тяжелое пятно, ложившееся на 6-й эскадронъ, было такимъ образомъ снято.

Осталось не выясненнымъ и другое загадочное дѣло, случившееся вскорѣ послѣ смерти Горлова.

19 декабря, рядовой Бондаренко, стоя на часахъ у цейхгауза, заслышалъ шаги приближавшагося человѣка. Ночь была темная. Бондаренко два раза окликнулъ неизвѣстнаго, но, не получивъ отвѣта, выстрѣлилъ и убилъ его наповалъ. Сбѣжавшіеся драгуны узнали въ убитомъ рядового Гришкевича, стоявшаго также на часахъ у полковой церкви. Гришкевичъ считался хорошимъ солдатомъ, но почему онъ оставилъ постъ, зачѣмъ подходилъ къ цейхгаузу выяснить было нельзя. Гришкевичъ былъ убитъ, Бондаренко ничего не могъ объяснить, кромѣ того, что имъ было сказано, а другихъ свидѣтелей не было. Какъ не прискорбенъ былъ этотъ случай, но и его пришлось предать волѣ Божьей.

Среди этихъ печальныхъ дней, отрадно остановиться на одной симпатичной чертѣ, присущей Нижегородцамъ и прошедшей красною нитью черезъ всю историческую жизнь полка. Эта черта— отзывчивость и сердечное отношеніе къ судьбѣ своихъ сослуживцевъ. Такъ было въ сѣдую старину, такъ тѣми же высоко нравственными принципами руководилось и молодое поколѣніе Нижегородцевъ, взявъ на свое попеченіе сиротъ, оставшихся послѣ смерти Горлова. Офицеры тогда же рѣшили принять участіе въ ихъ воспитаніи, дать имъ нужное образованіе и вывести въ жизни на свѣтлую дорогу. Съ этою цѣлью полковое общество сдѣлало постановленіе за себя и будущихъ товарищей, производить ежемѣсячный вычетъ по рублю съ каждаго офицера впредь до того времени, когда дѣти достигнутъ совершеннолѣтія.

Но если общество Нижегородцевъ поддерживало съ такою страстностью свои вѣковыя традиціи, то и само общество получило въ этомъ году наслѣдіе, завѣщанное матерью поручика Пекарскаго, дав но,

Полковникъ Я. Ф. Гилленшмитъ.

еще въ 1889 году, убитаго рукою женщины. Замѣчательно, что и другой его братъ, служившій въ Тверскомъ полку, почти одновременно съ нимъ скончался скоропостижно. Потрясенная горемъ, мать ихъ тогда же завѣщала передать послѣ своей смерти особый капиталъ въ оба полка, чтобы сохранить въ нихъ память о ея сыновьяхъ. Въ 1905 году она скончалась. Духовное завѣщаніе было утверждено, и Государь Императоръ повелѣлъ принять капиталъ ея въ 18 тысячъ для учрежденія двухъ стипендій при тифлисскомъ кадетскомъ корпусѣ: одну—имени поручика Николая Николаевича Пекарскаго для Нижегородцевъ, другую—для Тверскаго полка съ тѣмъ, чтобы на эти стипендіи воспитывать сиротъ, или дѣтей бѣднѣйшихъ офицеровъ, безъ различія національностей, по усмотрѣнію самихъ полковыхъ командировъ.

Картина, представленной нами, духовной жизни полка была бы неполна, если не сказать еще о благотворномъ вліяніи, которое имѣли на нижнихъ чиновъ религіозно-нравственныя бесѣды, принятыя на себя въ это смутное время полковымъ священникомъ от. Евфиміемъ. Онъ обладалъ и обширными свѣдѣніями и даромъ слова и, главное, умѣніемъ говорить съ солдатомъ простымъ, но образнымъ, понятнымъ для него языкомъ. Въ тѣ тяжкіе годы, когда, по словамъ очевидца, войска засыпались прокламаціями, когда въ окружавшемъ воздухѣ чувствовалось скопленіе электричества, и малѣйшая неосторожность могла вызвать искру, за которой послѣдовалъ бы страшный громовой ударъ,—эти бесѣды вносили успокоеніе въ умы, помогали болѣе слабымъ разобраться въ лживыхъ ученіяхъ, вносимыхъ пропагандой, и Нижегородцы, не колеблясь, шли по пути чести и долга. Эту услугу скромнаго служителя церкви, совмѣстно съ общею, дружною работой въ этомъ направленіи всѣхъ офицеровъ, нельзя не внести на страницы полковой исторіи.

Тѣ же наставленія встрѣчаемъ мы и въ прощальномъ приказѣ полковника Комстадіуса, который назначенъ былъ командиромъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка и 1 декабря 1905 г. сдалъ временно полкъ старшему штабъ-офицеру полковнику князю Церетели.

„Съ грустью разставаясь, писалъ онъ, со славнымъ Нижегородскимъ полкомъ, которымъ имѣлъ счастіе командовать, къ сожалѣнію, не многимъ болѣе года, горячо благодарю всѣхъ г. г. офицеровъ и

классныхъ чиновниковъ за ихъ непрерывную помощь мнѣ, безъ которой мои личные труды не могли бы увѣнчаться успѣхомъ. Всѣхъ нижнихъ чиновъ сердечно благодарю за ихъ молодецкую службу во время моего командованія. Напоминаю имъ, что долгъ всякаго честнаго солдата ясно выраженъ въ словахъ присяги, опредѣленъ воинской дисциплиной, и никакія ухищренія подпольныхъ силъ, завѣдомо ложныя, клонящіяся къ погибели нашей родины, не могутъ колебать святости присяги, даваемой Господу Богу. Все доброе и честное дѣйствуетъ открыто, не боясь свѣта; люди же, которые, крадучись въ темнотѣ, подбрасываютъ свои грязные листы, исполненные завѣдомо ложными обѣщаніями и вѣстями; люди, которые убиваютъ изъ-за угла, какъ разбойники, которые, вызывая забастовки, мѣшаютъ посылать деньги и хлѣбъ въ голодающія губерніи, люди, не признающіе Бога и его помазанника царя русскаго, не могутъ быть людьми честными. Они заставляютъ крестьянъ требовать раздѣла всѣхъ земель, но скрываютъ, что земель-то этихъ не хватитъ и по десятинѣ на брата; они подбиваютъ солдатъ требовать увеличенія жалованья, но не говорятъ, что для этого надобно наложить новые налоги и подати на отцовъ и братьевъ тѣхъ же солдатъ. Сторонитесь отъ этихъ людей. Храните Нижегородцы доблестные завѣты предковъ вашихъ, которые кровью своею много разъ запечатлѣли вѣрность Богу, царю и родинѣ. Прощайте товарищи!“.

На мѣсто Комстадіуса командиромъ полка назначенъ былъ 24-го ноября 1905 года полковникъ Гуссейнъ-ханъ-Нахичеванскій, происходящій изъ владѣтельной ханской фамиліи Эриванской губерніи, потомокъ знаменитаго въ нашей исторіи Эксанъ-хана Нахичеванскаго. Онъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, и въ 1883 году былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, гдѣ прослужилъ болѣе 20 лѣтъ, и затѣмъ, когда началась Японская война, назначенъ былъ командиромъ 2-го конно-дагестанскаго полка, который самъ и формировалъ на Кавказѣ въ апрѣлѣ 1904 года. Съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ отъ Лаояна до заключенія мира, и подвиги его отмѣчены длиннымъ рядомъ боевыхъ наградъ, начиная съ ордена св. Станислава 2 степени и кончая Владиміромъ на шеѣ, золотой шашкой и, наконецъ, крестомъ Георгія 4-й степени. Послѣдній онъ получилъ за

бой 14 января 1905 года у д. Ланду-Гоу, гдѣ во главѣ своего полка выручилъ казачью батарею, которой угрожали японцы. По окончанiи войны онъ прибылъ въ Нижегородскiй полкъ 14 февраля 1906 года, и въ тотъ же день отдалъ слѣдующiй приказъ по полку:

„При представленiи моемъ въ Петербургѣ Государю-Императору, Его Величеству, державному шефу, благоугодно было передать полку свой царскiй поклонъ. Счастливъ объявить сiю монаршую милость доблестнымъ Нижегородцамъ“.

Этимъ приказомъ начинается командованiе Хана-Нахичеванскаго. Почти въ то же время послѣдовало назначенiе и новаго начальника дивизiи генералъ-лейтенанта Вилламова, на мѣсто принца Наполеона, уволеннаго въ 11-ти мѣсячный отпускъ. Послѣднiй прощальный приказъ его свидѣтельствуетъ о той крѣпкой связи, которая установилась между нимъ и кавказскими драгунами, въ рядахъ которыхъ онъ началъ свою службу, командовалъ эскадрономъ, потомъ полкомъ и наконецъ дивизiей.

„Выѣзжая заграницу по непредвидимымъ домашнимъ обстоятельствамъ, писалъ онъ, я съ чувствомъ глубокаго сожалѣнiя разстаюсь съ близкой сердцу моему славной дивизiей, которой я имѣлъ честь командовать три съ половиною года и въ которой началъ свою службу въ русской армiи.

„Части кавказской кавалерiйской дивизiи, воспитанныя въ духѣ доблестныхъ традицiй боевого прошлаго, всегда стояли на высотѣ своего призванiя, какъ въ смыслѣ строевой подготовки, такъ и въ смыслѣ внутренняго порядка.

„Отличный офицерскiй составъ полковъ, свято хранящiй безсмертные завѣты прошлаго, всегда былъ на высотѣ положенiя, а нижнiе чины отличались молодечествомъ. Вѣрность традицiямъ и славное прошлое дивизiи сказалось особенно въ послѣднее время, когда части, призываемыя въ помощь гражданской администрацiи, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ Закавказья, самоотверженно несли и несутъ тяжелую службу съ беззавѣтной преданностью царю и отечеству. Я горжусь этимъ. Я увѣренъ, что и будущее дивизiи будетъ полно чести и славы, какъ все ея прошлое и настоящее“.

Послѣ проводовъ принца, командиръ полка снова выѣхалъ въ Петербургъ 21 марта вмѣстѣ съ депутацiей отъ конной кавказской

бригады, возвратившейся съ японской войны, а спустя нѣсколько дней 26 числа отъ него получена была въ полку слѣдующая телеграмма:

„Счастливъ сообщить дорогимъ Нижегородцамъ, что сегодня Государю Императору благоугодно было зачислить Наслѣдника-Цесаревича въ списки родного намъ полка“.

Ликованіямъ Нижегородцевъ не было конца. Новая царская милость была ознаменована торжественнымъ молебствіемъ, парадомъ, и дружеской, семейною трапезой. Тогда же явилась мысль поднести цесаревичу полную форму Нижегородскаго полка, и съ разрѣшенія Государя Императора въ Петербургъ представилась депутація, въ составѣ командира полка Хана Нахичеванскаго, подполковника Глонти, ротмистровъ Кобіева и Кусова, полкового адъютанта штабсъ-ротмистра князя Трубецкого, и поручиковъ Дена и князя Чавчавадзе (Давида). Пріемъ депутаціи послѣдовалъ 5 апрѣля 1906 года въ Царскомъ Селѣ, гдѣ находилась тогда императорская фамилія.

Государь вышелъ въ сюртукѣ Нижегородскаго полка, вмѣстѣ съ императрицей и августѣйшими дѣтьми. Наслѣдника-цесаревича онъ держалъ на рукахъ. Послѣ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ, обращенныхъ имъ къ депутаціи, командиръ полка поднесъ цесаревичу миніатюрный нижегородскій мундиръ со всѣми принадлежностями парадной формы, и такую же миніатюрную шашку; другая шашка, поднесенная имъ же, была настоящая боевая, съ превосходнымъ стариннымъ клинкомъ, принадлежавшимъ лично самому Хану Нахичеванскому. Государь милостиво принялъ подношеніе, благодарилъ Нижегородцевъ отъ имени императрицы и цесаревича, удостоилъ каждаго изъ нихъ своимъ разговоромъ и, обратясь къ командиру полка, сказалъ: „Въ память сегодняшняго дня Я назначаю васъ флигель-адъютантомъ“. Онъ обнялъ и поцѣловалъ его. Затѣмъ государь подошелъ къ ротмистру Кобіеву и, передавая ему собственноручно небольшую коробочку, сказалъ: „Я очень радъ, что могу пожаловать вамъ сегодня этотъ Георгіевскій крестъ, который вы такъ достойно заслужили въ минувшую кампанію“. Затѣмъ императрица соизволила пожаловать каждому изъ депутатовъ по фарфоровому пасхальному яйцу художественной работы. Этимъ пріемъ окончился, и государь, удаляясь во внутренніе покои, еще разъ обратился къ депутатамъ со

слѣдующими словами: „Когда возвратитесь домой, передайте полку Мой сердечный поклонъ“.

Здѣсь умѣстно сказать, въ чемъ состоялъ подвигъ ротмистра Кобіева, отмѣченный самимъ государемъ.

18-го августа 1904 года, когда арміи Оку и Нодзу вели наступленіе на передовыя лаоянскія позиціи, армія Куроки переходила рѣчку Тайцзыхе и двигалась въ обходъ нашего лѣваго фланга. 19-го—русскія войска покинули свои окопы и сосредоточились въ главномъ укрѣпленіи передъ Лаояномъ. 2-й Дагестанскій конный полкъ, находившійся на оконечности нашего лѣваго фланга, отходя вмѣстѣ съ другими войсками, оставилъ на пути четвертую сотню есаула Кобіева съ приказаніемъ наблюдать за непріятелемъ, и въ случаѣ его появленія держаться до новаго приказанія.

Въ 11-ть часовъ утра передъ Кобіевымъ появились сильныя цѣпи японцевъ, которыя стали обходить его справа, и даже появились въ тылу. Здѣсь былъ эскадронъ драгунъ и четыре роты. Разъѣздъ, посланный влѣво съ сотникомъ Долидзе, также наткнулся на войска, шедшія со стороны деревни Тахеань, и отступилъ уже съ перестрѣлкой. Ихъ очевидно окружали. Въ эту минуту Кобіевъ получилъ слѣдующую записку отъ командира полка:

„Соединиться съ полкомъ по прежней дорогѣ вы не можете: она занята японцами: идите на Янтай-Копи, или куда найдете возможнымъ“. Въ такомъ положеніи оставалось одно—прорваться между двумя японскими отрядами, пока они еще не сомкнулись въ кольцо, но для этого надо было перевалить высокую, почти отвѣсную сопку, преграждавшую путь. Крутой подъемъ заставилъ бы призадуматься многихъ, но не остановилъ Кобіева; къ счастію добрые дагестанскіе кони вынесли своихъ всадниковъ, и японцы, никакъ не ожидавшіе такого маневра, остались позади. Теперь съ вершины сопки, въ томъ направленіи, куда лежалъ ихъ путь, виднѣлась деревушка, окруженная рощей. Дозорцы, посланные туда, дали знать, что она не занята; но едва сотня подошла шаговъ на 600, какъ по ней открылся учащенный огонь изъ рощи, гдѣ оказался цѣлый эскадронъ японскихъ драгунъ. „У меня, говоритъ Кобіевъ, былъ единственный выходъ: самому броситься на непріятеля, и пробить дорогу оружіемъ; но какъ только мы гикнули въ шашки, японцы вскочили на коней, и такъ поспѣшно снялись съ позиціи,

что мы захватили на мѣстѣ массу патроновъ и даже нѣсколько ружей. Мы тотчасъ спѣшились и успѣли дать нѣсколько залповъ по хвосту уходившей конницы. Въ эту минуту съ дальнихъ высотъ насъ стали обстрѣливать пулеметы. Впослѣдствіи мы узнали, что тамъ шло жаркое дѣло, и японцы наступали на Янтай-Копи. Къ счастію дальность разстоянія избавила насъ отъ потерь. Тѣмъ не менѣе мы поспѣшили выйти изъ подъ этихъ выстрѣловъ, но не прошли и трехъ верстъ, какъ опять началось ущелье, опять деревня и опять новый эскадронъ, преграждавшій нашъ путь. Очевидно, что мы очутились среди войскъ Куроки, занявшихъ своими постами всѣ горные проходы. Мы рѣшили снова пробиться: одинъ конный взводъ остался въ резервѣ, что-бы наблюдать за тыломъ, откуда вотъ-вотъ могли нагрянуть японцы; одинъ спѣшенный взводъ, подъ командой сотника Дена, двинулся прямо въ лобъ непріятельской позиціи, стараясь привлечь на себя весь огонь непріятеля, между тѣмъ какъ конная полусотня Долидзе, пробравшись по гаоляну, должна была обойти непріятеля съ фланга и кинуться на коноводовъ. Послѣднее удалось не совсѣмъ. Пока сотникъ Денъ, уже раненый пулею въ щеку, упорно продолжалъ наступленіе, Долидзе выскочилъ изъ гаоляна, но въ эту минуту эскадронъ вскочилъ на коней, и наши отважные горцы, пустившіеся во весь опоръ, успѣли отхватить только часть его, которая и пала вся подъ ударами дагестанскихъ шашекъ. Путь былъ открытъ, но дѣло этимъ еще не окончилось. На выстрѣлы откуда-то явились двѣ роты японской пѣхоты, открывшія тотчасъ учащенный огонь. „Впечатлѣніе, говоритъ Кобіевъ, выходило такое, какъ будто они стрѣляли и по своимъ и по нашимъ“. Къ счастію было уже темно, и пули японцевъ, летѣвшія цѣлымъ роемъ, не причиняли намъ вреда. Мы обскакали пѣхоту и двинулись дальше. Шли всю ночь, и утромъ 20 августа, вырвавшись наконецъ изъ западни, прибыли въ Янтай-Копи, гдѣ присоединились къ отряду генерала Орлова, который считалъ насъ погибшими. За весь этотъ день въ сотнѣ раненъ одинъ офицеръ (сотникъ Денъ) и 12 всадниковъ: изъ нихъ одинъ смертельно, а два такъ тяжело, что ихъ все время пришлось нести на рукахъ; лошадей было убито 5 и нѣсколько ранено. Сотня вынесла съ собою всѣхъ раненыхъ, и не оставила въ рукахъ непріятеля ни единаго трофея.

Радостная и гордая царскими милостями, депутація возвратилась 29 апрѣля и привезла съ собою фотографическій портретъ Цесаревича въ полной парадной формѣ Нижегородскаго полка, лично снятый самою императрицею. Драгоцѣнный даръ этотъ хранится нынѣ въ полковомъ офицерскомъ собраніи.

Такъ наступило лѣто 1906 года. Учебныхъ сборовъ не было опять, такъ какъ отвлекать войска отъ охранной службы было еще преждевременно; ходили зловѣщіе слухи о готовящейся новой всеобщей забастовкѣ и, дѣйствительно, вечеромъ 21 іюня, по сигналу, данному изъ Петербурга революціоннымъ кружкомъ, всѣ желѣзнодорожные поѣзда остановились разомъ; но замѣшательство, вызванное этимъ обстоятельствомъ, было уже кратковременно. Войска тотчасъ заняли вокзалъ, замѣнили собой бастующихъ, и черезъ нѣсколько часовъ движеніе по всѣмъ линіямъ опять возобновилось.

Еще менѣе успѣха имѣли замыслы заговорщиковъ въ самомъ городѣ, гдѣ разъѣзды и патрули тотчасъ были удвоены, а наблюденія за магазинами, лавками и торговыми заведеніями усилены. Забастовка, такимъ образомъ, не смотря на цѣлый рядъ отдѣльныхъ террористическихъ актовъ, не была допущена, и городская жизнь пошла своею обычной колеей. Какъ разъ въ это время флигель-адъютантъ Гуссейнъ-Ханъ-Нахичеванскій назначенъ былъ командиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, и 11-го іюля 1906 года отдалъ свой послѣдній приказъ:

Нижегородцы! Съ чувствомъ глубокой грусти разстаюсь съ вами. Всѣмъ сердцемъ привязался я къ вамъ за короткое время моего командованія. Всегда буду гордиться, что имѣлъ честь командовать столь знаменитымъ и доблестнымъ Нижегородскимъ полкомъ. Увѣренъ, что никакія обстоятельства не заставятъ его забыть долгъ и присягу Нижегородца! Прощайте друзья, дорогіе однополчане! Храни васъ Богъ!“

На мѣсто Гуссейнъ-Хана командиромъ Нижегородскаго полка назначенъ былъ полковникъ Яковъ Федоровичъ Фонъ-Гилленшмитъ, внукъ знаменитаго на Кавказѣ артиллерійскаго генерала Якова Яковлевича Гилленшмита, сподвижника Паскевича, носившаго рѣдкій въ то время крестъ св. Георгія на шеѣ. Самъ Яковъ Федоровичъ выпущенъ въ 1890 году изъ камеръ-пажей въ гвардейскую конно-артиллерійскую бригаду, и на двѣнадцатомъ году своей службы былъ уже полковникомъ и командиромъ 1-й конной Его Величества батареи. Но тутъ

началась Японская война, и Гилленшмитъ, вѣрный фамильнымъ традиціямъ, оставилъ гвардію и перешелъ въ Терско-Кубанскій конный полкъ, формировавшійся тогда на Кавказѣ изъ воинственныхъ племенъ закубанскихъ черкесъ, изъ кабардинцевъ, осетинъ, ингушей и чеченцевъ. Съ этимъ полкомъ, командуя первымъ дивизіономъ, онъ прошелъ черезъ всѣ важнѣйшія битвы отъ Ляояна до заключенія мира, и возвратился съ войны съ золотою шашкой, съ Владимиромъ на шеѣ съ мечами и съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. Тѣсныя рамки полковой исторіи не даютъ возможности изобразить, хотя бы въ общихъ чертахъ, его боевую дѣятельность, но на страницы ея долженъ быть занесенъ одинъ эпизодъ, близко касающійся нашего родного кавалерійскаго дѣла,—эпизодъ, на которомъ будущій историкъ остановится съ любовью и удивленіемъ.

Это былъ знаменитый Хайченскій набѣгъ, показавшій на дѣлѣ, что можетъ дѣлать конница въ современныхъ бояхъ, и чего она не дѣлала въ минувшую кампанію. Хайченскій набѣгъ стоитъ одиноко. Довольно сказать, что небольшой отрядъ Гилленшмита въ пять дней прошелъ 370 верстъ, обогнулъ флангъ непріятельскаго сторожевого охраненія, и проникъ за 200 верстъ въ тылъ непріятеля, гдѣ посреди его войскъ уничтожилъ все, что было ему по силамъ. Нельзя не обратить вниманія, что этотъ набѣгъ, о которомъ у насъ даже мало знаютъ, превосходитъ все, что до сихъ поръ дала намъ конница на страницахъ своей исторіи; даже прославленные сѣверо-американскіе рейды должны уступить ему первенство, такъ какъ средняя скорость лучшихъ изъ нихъ равняется шестидесяти верстамъ въ сутки, а скорость Хайченскаго отряда простиралась до 75. Мы должны включить этотъ эпизодъ въ исторію полка еще и потому, что съ нимъ тѣсно связываются имена двухъ Нижегородцевъ: полковника Гилленшмита и подполковника Ягмина.

Послѣ январьскихъ операцій 1905 г., закончившихся неудачей у Сандепу, главнокомандующій манджурской арміей рѣшилъ перейти въ наступленіе всѣми силами, но предварительно приказалъ генералу Ренненкампфу, произвести набѣгъ въ тылъ непріятельскаго расположенія, разрушить одинъ изъ желѣзнодорожныхъ мостовъ и, такимъ образомъ, затруднить тыловыя сообщенія японцевъ. Для взрыва былъ избранъ мостъ находившійся верстахъ въ пяти южнѣе Хайчена на рѣч-

Группа офицеровъ полка въ 1907 году.

кѣ Сяохѣ, въ участкѣ желѣзнодорожной линіи между Дашичоу и Лаояномъ, Ренненкампфъ назначилъ для этого четыре сотни и поручилъ летучій отрядъ полковнику Гилленшмиту. Въ бесѣдѣ съ нимъ онъ высказалъ откровенно, что предпріятіе опасно, что при той усиленной бдительности, съ которой японцы стали охранять свой тылъ послѣ набѣга на Инкоу, успѣхъ сомнителенъ, а потому онъ не стѣсняетъ начальника никакими инструкціями, предоставляя ему полную свободу дѣйствій.

Отрядъ выступилъ въ полдень 5-го февраля изъ деревни Убанюръ, гдѣ была главная квартира Ренненкампфа и, переправившись черезъ рѣчку Ляохе, вошелъ въ районъ, занятый непріятелемъ. „Опасность положенія, говоритъ одинъ изъ участниковъ набѣга, чувствовалась всѣми, и на всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ какой-то особой серьезности. Мы шли вдоль западнаго берега рѣчки, стараясь обходить встрѣчавшіяся на пути деревни; но японскіе разъѣзды уже двигались параллельно съ нами и слѣдили за нашимъ движеніемъ. Такъ, въ сумеркахъ дошли до деревни Сидякошенъ и стали на привалъ. Японцы успокоились, полагая, что, послѣ большого перехода, мы будемъ ночевать, а затѣмъ вернемся назадъ. Между тѣмъ, едва наступила ночь, отрядъ сѣлъ на коней, и сдѣлавъ однимъ почеркомъ безъ дорогъ, по обледенѣвшимъ грядкамъ мадчжурскихъ полей, 70 верстъ, очутился въ д. Сяолипуза, которую тотчасъ окружили цѣпью, съ приказаніемъ никого не выпускать и задерживать всѣхъ пріѣзжавшихъ. Здѣсь собраны были свѣдѣнія, что весь районъ, въ которомъ мы находились, занятъ японцами: въ 12 верстахъ отсюда въ м. Шалинѣ стояло триста конныхъ хунхузовъ; въ окрестныхъ деревняхъ кругомъ расположены были кавалерійскіе отряды; въ Ньючжуанѣ, по дорогѣ къ Хайчену, стояло пять тысячъ японской пѣхоты, и туда же подходили войска изъ Чинжоу и Инкоу. Къ счастію, быстрый ночной переходъ сбилъ съ толку японскіе разъѣзды, и они потеряли слѣдъ нашего отряда. Ночь опять наступила темная, безлунная; ни одна звѣздочка не загоралась на небосклонѣ, задернутомъ сѣрыми тучами. Отрядъ двинулся дальше. Беззвучно, точно ночныя приведенія, проносились сотни мимо китайскихъ деревень, покоившихся сномъ, и къ свѣту захватили деревню Тава, гдѣ тотчасъ же приняли всѣ мѣры къ охранѣ. Это былъ уже послѣдній этапъ къ намѣченному мосту: отсюда до Хайчена остава-

лось верстъ 15 или 20. Полковникъ Гилленшмитъ собралъ всѣхъ офицеровъ и подробно изложилъ дальнѣйшій планъ своихъ дѣйствій, ознакомивъ съ нимъ и нижнихъ чиновъ, чтобы каждый зналъ, что и какъ ему надо дѣлать. Главная трудность заключалась теперь въ переправѣ на правый берегъ Ляохе, такъ какъ изъ разспросовъ жителей выяснилось, что всѣ броды охраняются пѣхотою. Было одно мѣсто, не наблюдаемое непріятелемъ, но это были сплошныя болота, едва ли доступныя для кавалеріи. Рѣшили однако воспользоваться этимъ крайнимъ средствомъ, и, переправившись благополучно, понеслись къ Хайчену. Въ окрестностяхъ Ньючжуана, который миновать было нельзя, отрядъ былъ замѣченъ, судя по усиленной сигнализаціи электрическими фонариками; но къ счастію, онъ въ это время былъ уже за Хайченомъ. Еще 2—3 версты,—и передъ нимъ во мракѣ ночи вырисовался массивный силуэтъ желѣзнодорожнаго моста. Въ эту минуту послышался свистокъ паровоза, и мимо отряда пронесся товарный поѣздъ съ юга.

Отрядъ остановился. Двѣ сотни: одна Забайкальская, другая Дагестанскаго полка, бывшая подъ командой Нижегородца есаула Ягмина, спѣшились; двѣ конныя полусотни быстро захватили пространство къ югу и къ сѣверу отъ моста вдоль полотна желѣзной дороги, чтобы порвать телеграфъ и подготовить ко взрыву рельсы; послѣдняя сотня осталась въ резервѣ; былъ уже второй часъ ночи, и надо было торопиться; но едва спѣшенныя сотни подошли къ мосту шаговъ на 600, какъ часовой далъ выстрѣлъ, и команда, стоявшая на охранѣ моста, открыла учащенный огонь. Мостъ взятъ былъ штурмомъ, но японцы, укрывшись въ ближайшей рощѣ, продолжали огонь. Приходилось работать подъ пулями. Подрывная конно-саперная команда приступила къ дѣлу, и часа черезъ полтора послѣдовательно грянули четыре страшные взрыва; мостъ удержался только на нижнихъ устояхъ, но до того былъ исковерканъ, что на поправку его требовалось уже значительное время.

Пока тревога подняла войска, расположенныя въ окрестности, Гилленшмитъ уже былъ далеко: въ 26 часовъ онъ проскакалъ 130 вер. и ночевалъ близъ Шалина. Но здѣсь японцы охватили его желѣзнымъ кольцомъ. Куда ни обращался отрядъ, его повсюду встрѣчали залпами, а разъѣзды между тѣмъ давали знать, что отъ юго-запада идутъ

сильныя колонны пѣхоты. Отрядъ очевидно былъ окруженъ, и Гилленшмитъ рѣшилъ пробиться съ тѣмъ, что если японцы успѣютъ преградить ему путь, то биться до послѣдняго патрона, а затѣмъ броситься въ шашки. Двинулись на полныхъ рысяхъ и, не смотря на перекрестный огонь, прорвались между двумя деревнями. Теперь пѣхота осталась далеко позади, но зато появилась значительная масса конныхъ хунхузовъ. Въ это время у насъ было уже не мало убитыхъ и раненыхъ. Чтобы поднимать послѣднихъ приходилось останавливаться, и спѣшивать то ту, то другую сотню, чтобы задерживать преслѣдованіе. Горячій бой продолжался до 7 часовъ вечера, когда отрядъ, сдѣлавъ почти сто верстный переходъ, прибылъ наконецъ на линію нашихъ аванпостовъ. Общая потеря отряда состояла изъ двухъ раненыхъ офицеровъ (одинъ изъ нихъ смертельно); нижнихъ чиновъ убито 13, ранено 19, а лошадей выбыло 167. Раненые вывезены были всѣ, и въ рукахъ непріятеля не осталось ни одного трофея. Полковникъ Гилленшмитъ получилъ за этотъ набѣгъ орденъ св. Георгія 4 степени; всѣ сотенные командиры (въ томъ числѣ Ягминъ) владимирскіе кресты; всѣ офицеры слѣдующія награды; а нижнимъ чинамъ пожаловано было 75 знаковъ отличія Военнаго ордена.

По окончаніи войны, полковникъ Гилленшмитъ назначенъ былъ 14 января 1906 г. командиромъ кавказскаго запаснаго кавалерійскаго дивизіона, а спустя пять мѣсяцевъ, 7-го іюля—командиромъ Нижегородскаго полка.

Полкъ въ это время находился въ сборѣ; Закавказье вышло уже изъ періода безконечныхъ смутъ и успокоилось; въ Тифлисѣ также царило относительное спокойствіе, и никакихъ дальнихъ командировокъ эскадронамъ не предвидѣлось. Передъ Гилленшмитомъ лежала теперь не легкая задача воспользоваться этимъ затишьемъ, чтобы заполнить тѣ значительныя бреши, которыя образовались въ строевомъ обученіи полка, благодаря безпрерывной охранной службѣ его, и перекочевкамъ эскадроновъ съ мѣста на мѣсто въ теченіи почти полутора года. Нѣкоторые эскадроны, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ приказовъ бывшаго командира полка Хана-Нахичеванскаго, за все это время могли произвести не болѣе трехъ эскадронныхъ ученій, и только самые счастливые довели число ихъ до семи. Учебная

команда, отвлекаемая отъ своихъ прямыхъ обязанностей нарядами на службу вмѣстѣ съ другими эскадронами, очевидно не могла также выполнить своего назначенія и стать на должную ей высоту. Съ прибытіемъ Гилленшмита въ полку и закипѣла дружная энергическая работа.

Почти одновременно съ его пріѣздомъ, въ командованіе 2-ымъ Кавказскимъ корпусомъ вступилъ генералъ адъютантъ Мищенко, одинъ изъ тѣхъ вождей, выдвинутыхъ минувшею войною, которые пріобрѣли въ арміи громадную популярность. Боевой генералъ и поставилъ дѣло обученія корпуса на боевую ногу. Начались небольшіе, но непрерывные маневры, производившіеся во всякую погоду, и днемъ и ночью, и въ ненастную осень, и въ холодную зиму. Трудна была эта практическая школа, но умѣніе поставить маневръ въ такія условія, которыя возбуждали-бы интересъ въ каждомъ изъ участниковъ, облегчало труды и заставляло людей, какъ бы шутя, переносить усталость и лишенія.

Участвуя постоянно въ этихъ маневрахъ небольшими частями, Нижегородцы въ тоже время стремились и у себя въ домашнемъ быту поддерживать. помимо основныхъ началъ—одиночнаго развитія всадниковъ, тѣ же боевыя качества, и подъ руководствомъ Гилленшмита, возобновились опять и офицерскіе пробѣги, и конныя состязанія (concours hippiques) и охоты съ борзыми, производившіяся почти еженедѣльно. Одна изъ этихъ охотъ, 15-го октября 1906 года, была особенно замѣчательна. Въ ней приняли участіе даже дамы: графиня В. Д. Воронцова-Дашкова и графиня И. И. Шереметьева, прибылъ помощникъ Главнокомандующаго генералъ отъ кавалеріи Малама, корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Мищенко, начальникъ дивизіи генералъ Вилламовъ, и другія постороннія лица высшаго общества. Всѣхъ участниковъ было около 50-ти человѣкъ.

Къ 9-ти часамъ утра, все общество собралось на сборномъ пунктѣ у Лагинскаго оврага, гдѣ были разбиты шатры и приготовленъ утренній чай. Затѣмъ по приказанію командира полка, четыре эскадрона драгунъ,—два подъ командой извѣстнаго спортсмена-охотника ротмистра князя Гирея, и два подъ командой завѣдывающаго полковой охотой штабсъ-ротмистра Люкса, были отправлены захватить заранѣе намѣченный кругъ, а за ними выѣхали верхами и всѣ участники охоты.

Парадъ 27 Ноября 1907 года.

Началась оживленная травля, и картина для охотника-любителя была дѣйствительно прекрасная: масса лисицъ несущихся повсюду, за ними своры собакъ, и сломя голову летящіе всадники. . . Охота продолжалась два часа и результатомъ ея были три зайца и 31 лисица, причемъ королевой охоты явилась лихая наѣздница графиня И. И. Шереметьева, лично затравившая восемь лисицъ.

По окончаніи охоты генералъ Малама пропустилъ мимо себя эскадроны церемоніальнымъ маршемъ, и затѣмъ все общество отправилось на мѣсто сбора къ Лагинскому оврагу, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Веселые, оживленные разговоры, передача другъ другу впечатлѣній удачной охоты, полковая музыка, лихія солдатскія пѣсни,— все воскрешало въ памяти старую кавказскую жизнь, и завтракъ затянулся до поздняго вечера.

Между тѣмъ охранная служба въ Тифлисѣ шла своимъ чередомъ, и революціонныя шайки нѣтъ-нѣтъ да и заявляли о своемъ существованіи.

Такъ, 28 февраля 1907 года, въ полковое собраніе Нижегородскаго полка вбѣжали два татарина съ крикомъ, что возлѣ самыхъ казармъ на нихъ напали четверо вооруженныхъ людей и отняли у нихъ 1500 рублей. Нѣсколько офицеровъ тотчасъ кинулись въ погоню по Кахетинскому шоссе, а другіе, замѣтившіе трехъ человѣкъ, перебѣжавшихъ желѣзно-дорожные рельсы, бросились къ Навтлугу. Къ нимъ скоро подоспѣло нѣсколько нижнихъ чиновъ и прискакалъ разъѣздъ съ корнетомъ Беренсомъ; вахмистръ 2-го эскадрона Голочаловъ и два писаря Прогнимакъ и Климашевъ, опередившіе на бѣгу всѣхъ, указали разъѣзду оврагъ куда бѣжали преступники, и унтеръ-офицеръ Гавриловъ, вмѣстѣ съ рядовымъ Веревченко, настигли и захватили всѣхъ трехъ; денегъ однако же при нихъ не оказалось; онѣ остались у четвертаго, который успѣлъ скрыться.

Въ другой разъ, 5-го апрѣля, на Эриванской площади брошена была бомба въ то время, когда въ государственный банкъ перевозилась изъ комерческаго значительная сумма денегъ. Пострадавшихъ не было, но экипажъ былъ разбитъ, и деньги были похищены. Прискакавшій сюда разъѣздъ 4-го эскадрона пустился въ погоню, и благодаря его энергіи и вполнѣ самостоятельному образу дѣйствій, преступники были пойманы и арестованы. По ихъ указанію тогда же

произведенъ былъ обыскъ на Греческой улицѣ, гдѣ обнаруженъ цѣлый складъ разрывныхъ снарядовъ и найдено сорокъ уже снаряженныхъ бомбъ.

Эти революціонныя вспышки, все еще продолжавшія время отъ времени вторгаться въ жизнь Нижегородцевъ, не останавливали уже правильнаго хода занятій, и въ короткій срокъ результаты добыты были блистательные. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ три нижеслѣдующіе приказа, которыми и закончимъ XI-й томъ полковой исторіи:

„Присутствуя 15 апрѣля 1907 г. на конномъ состязаніи въ Нижегородскомъ полку, писалъ генералъ адъютантъ Мищенко, считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать то отличное впечатлѣніе, которое оставлено во мнѣ всѣмъ видѣннымъ: ѣзда офицерской смѣны, и преодолѣніе препятствій были исполнены превосходно. Ѣзда унтеръ-офицерской смѣны и рубка учебной команды безупречны. Особенно заслуживаетъ вниманіе карусельная ѣзда, (безъ командъ) унтеръ-офицерской смѣны въ 36 чел., свидѣтельствующая о полномъ развитіи въ нихъ вниманія и любви къ дѣлу.

„Отношу все видѣнное къ усердной и умѣлой работѣ всего командоого состава полка, а также къ преданности лихихъ молодцовъ драгунъ службѣ и своему родному полку“.

Второй приказъ принадлежитъ начальнику дивизіи генералу Вилламову, отданный послѣ инспекторскаго смотра, произведеннаго полку въ апрѣлѣ 1907 года. Мы приведемъ изъ него выдержки:

„Смѣна г. г. офицеровъ представилась во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Видно, что офицерская ѣзда не является только отбываніемъ номера по расписанію, а привычкой ежедневной работы своихъ лошадей...

„Посадка нижнихъ чиновъ правильна, управленіе сознательное какъ въ смѣнѣ, такъ и въ одиночку. На барьеръ ведутъ лошадей очень хорошо и на свободномъ поводу; лошади идутъ смѣло и закидокъ не было. Рубка и уколы почти безъ промаховъ.

„Въ учебной командѣ видна толковая и умѣлая работа завѣдующаго командой.

„Молодые солдаты вполнѣ подготовлены къ постановкѣ въ строй, сидятъ крѣпко, аллюры держатъ вѣрно, вниманія много. На вопросы

во время ѣзды отвѣчаютъ,—значитъ голова работаетъ. Рубятъ и колятъ на галопѣ не хуже, если не лучше старослужащихъ; барьеръ берутъ лихо; на ходу соскакиваютъ и вскакиваютъ на лошадь довольно ловко.

„Обмундированіе щегольское, и, кромѣ того, всѣмъ нижнимъ чинамъ построены куртки изъ верблюжьяго сукна,—это хорошо. Однимъ мундиромъ обойтиться трудно, а это и мундиръ сбережетъ, и на работѣ и занятіяхъ свободнѣй и удобнѣе.

„Лошади въ большомъ порядкѣ, и вполнѣ подготовлены къ усиленной работѣ полкового сбора; видно, что при обученіи людей, много вниманія удѣлялось и лошади".

„Вообще, заканчиваетъ генералъ Вилламовъ свой приказъ, во всемъ видно общее направленіе, одни руководящія начала, твердое руководство командира полка, дружная работа и любовь къ дѣлу г. г. офицеровъ. По долгу службы прошу полковника Гилленшмита, сумѣвшаго въ короткое время командованія полкомъ и при настоящихъ неблагопріятныхъ условіяхъ такъ рельефно проявить свою инициативу и умѣлое руководство, принять мою сердечную признательность; также сердечно благадарю штабъ-офицеровъ, эскадронныхъ командировъ, завѣдующаго учебной командой и офицеровъ, завѣдующихъ молодыми солдатами. Молодцамъ драгунамъ сердечное спасибо."

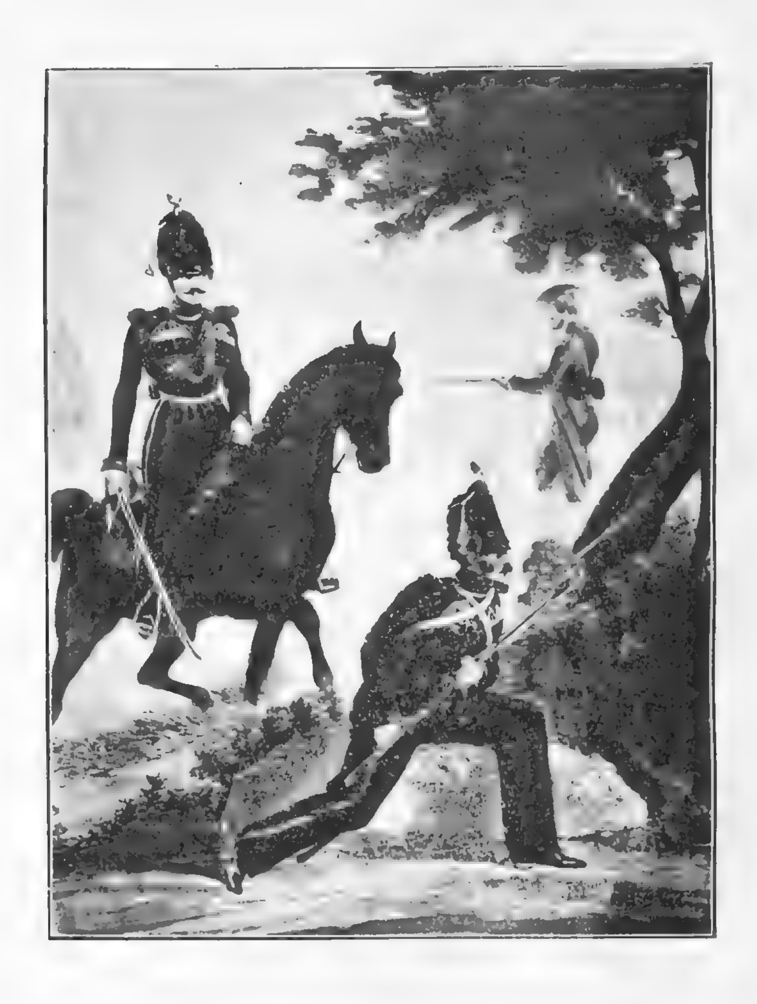
Третій и послѣдній приказъ относится ко дню полкового праздника 27 ноября 1907 года. Вотъ что писалъ командиръ 2-го кавказскаго корпуса генералъ-адъютантъ Мищенко:

„Сердечно радъ привѣтствовать доблестныхъ Нижегородцевъ съ отличнымъ парадомъ въ присутствіи главнокомандующаго въ день полкового праздника 27-го ноября.

„Полкъ проявилъ высокое уваженіе къ своему славному имени, къ своему празднику и къ строю. Всѣ движенія, перестроенія и прохожденіе полка церемоніальнымъ маршемъ отличались выдающейся стройностью, а щеголеватая одежда и снаряженіе Нижегородцевъ придавала имъ молодецкій и нарядный видъ. Вотъ почему лестная похвала и сердечное спасибо его сіятельства главнокомандующаго и живѣйшее одобреніе всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ на именинномъ торжествѣ Нижегородцевъ, являются вполнѣ ими заслуженными. Относя все это прежде всего къ заботѣ командира полка, а затѣмъ и всѣхъ его помощниковъ штабъ и оберъ-офицеровъ, считаю своимъ пріятнымъ

долгомъ отъ лица службы сердечно благодарить полковника фонъ-Гилленшмита и всѣхъ офицеровъ, а молодцамъ Нижегородцамъ, царевымъ драгунамъ, объявляю мое сердечное „спасибо“.

Такимъ образомъ и въ конныхъ состязаніяхъ, и въ конномъ и пѣшемъ строю Нижегородцы, носящіе имя царевыхъ драгунъ, достойно и съ честью занимаютъ первое мѣсто въ дивизіи.



XVI.

НИЖЕГОРОДЦЫ НА ПОЛЯХЪ МАНДЖУРІИ.

Нижегородцы въ Японской войнѣ.—Возвращеніе домой.—Гимнъ Нижегородской шашкѣ.

Японская война, въ которой приняли живое участіе почти двѣ трети офицерскаго состава Нижегородскаго полка, къ сожалѣнію, еще не можетъ быть описана подробно по отсутствію матеріаловъ; но и тѣ немногіе эпизоды, которые могли найти себѣ мѣсто на страницахъ полковой исторіи, ярко хорактеризуютъ доблестную службу Нижегородцевъ.

Первымъ изъ нихъ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій ротмистръ князь Меликовъ *), сынъ покойнаго генералъ-адъютанта и андреевскаго кавалера. Онъ былъ назначенъ во 2-й Нерчинскій полкъ Забайкальскаго казачьяго войска и, получивъ телеграмму объ этомъ въ 10 часовъ вечера 2-го февраля,—3-го, съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ, уже былъ на пути къ Нерчинску. Оттуда онъ повелъ головной дивизіонъ полка въ Манджурію и, дѣлая при сорока градусныхъ морозахъ отъ 45 до 65 верстъ въ день, на десятые сутки прибылъ въ отрядъ генерала Ренненкампфа, не оставивъ въ пути ни одного заболѣвшаго казака, ни одной павшей лошади. Генералъ Ренненкампфъ—этотъ типъ настоящаго кавалерійскаго вождя—въ которомъ все дышало безстрашіемъ и желѣзною волей, сразу обратилъ вниманіе на этотъ замѣчательный походъ, и Меликовъ сталъ получать въ коман-

*) Князь Меликовъ числился въ то время при Государственномъ коннозаводствѣ.

дованіе не только передовыя сотни, но и цѣлые передовые отряды, составлявшіеся иногда изъ двухъ батальоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ сотенъ съ артиллеріей. „Когда Меликовъ былъ въ авангардѣ, говоритъ одинъ участникъ войны, отрядъ спалъ спокойно, зная, что отъ Меликова ничего не укроится, ничто не останется имъ не замѣченнымъ.“ Ренненкампфъ высоко ставилъ его боевую дѣятельность и выразилъ оцѣнку ея въ слѣдующей характерной надписи, сдѣланной собственноручно на портретѣ, подаренномъ имъ Меликову: „Хранителю дорогихъ кавалерійскихъ традицій, образцовому боевому штабъ офицеру, начальнику авангарда, дорогому князю Николаю Меликову отъ искренно и глубоко-преданнаго Павла Ренненкампфа“. Кто знаетъ насколько Ренненкампфъ былъ остороженъ въ сближеніи съ людьми, насколько онъ былъ не словоохотливъ и не любилъ лишнихъ словъ, тотъ дастъ этой надписи настоящую цѣну.

Въ концѣ іюня мѣсяца 1904 года съ Кавказа прибылъ 2-й конно-Дагестанскій полкъ, въ которомъ много было Нижегородскихъ офицеровъ: подполковникъ князь Константинъ Тумановъ занималъ мѣсто помощника полкового командира, и его дѣятельности полкъ обязанъ былъ своимъ превосходнымъ матеріальнымъ устройствомъ и сильнымъ нравственнымъ духомъ; ротмистра Ягминъ, Глонти, Кобіевъ и Кусовъ командовали сотнями. О подвигѣ Кобіева, удостоившагося особаго милостиваго вниманія Государя Императора, и о дѣйствіяхъ Ягмина,—участника знаменитаго набѣга полковника Гилленшмита на Хайченъ, мы уже говорили; о подвигахъ остальныхъ пусть свидѣтельствуютъ полученныя ими боевыя награды. *) Описывать ихъ дѣйствія значило бы описывать всю японскую войну, такъ какъ не было сколько нибудь важнаго дѣла, въ которомъ бы они не участвовали: рекогносцировки, предшествовавшія Лаоянскому бою, самый Лаоянъ, битвы на Шахэ, Инкоу, Сандепу, Мукденъ, и послѣдующія стычки до заключенія мира,—все связано съ Дагестанскимъ полкомъ и именами нашихъ Нижегородцевъ. Многіе изъ нихъ пролили въ бояхъ свою кровь и запечатлѣли ею свою доблестную боевую службу. Такъ ротмистръ Глонти сильно кантуженъ въ голову, плечо и въ обѣ ноги, князь Давидъ Чавчавадзе тяжело раненъ въ

*) Приложеніе: Списки наградъ.

ногу съ раздробленіемъ кости, ротмистръ Алтуховъ пулею въ животъ на вылетъ; получили также раны Кобіевъ, Кусовъ, Денъ и Лопухинъ. И никто изъ нихъ не хотѣлъ возвратиться въ Россію; всѣ лечились въ походныхъ лазаретахъ и ждали только минуты выздоровленія, чтобы примкнуть къ своимъ боевымъ товарищамъ.

Нижегородскіе солдаты также записали въ исторію полка свое скромное имя. Однажды, въ ночь съ 20 на 21-е мая 1905 года, небольшой конный отрядъ изъ 20 дагестанскихъ всадниковъ и 60 оренбургскихъ казаковъ, подъ общей командой подъесаула Махатадзе, получилъ приказаніе сдѣлать усиленную рекогносцировку деревни Людіаза, чтобы выяснить занята-ли она непріятелемъ, и въ какихъ именно силахъ. Отрядъ садился уже на коней, когда Яковъ Дроздъ, находившійся при Махатадзе казенною прислугой, подошелъ къ нему и сказалъ: „Ваше благородіе, имѣю сильное желаніе вступить въ бой съ японцами; я хотя и деньщикъ вашъ, но во мнѣ боевое сердце Нижегородца! „Махатадзе поцѣловалъ его и велѣлъ дать коня: Дѣло вышло горячее. Упорное наступленіе Махатадзе заставило японцевъ развернуть свои силы, и когда выяснилось, что деревня занята болѣе, чѣмъ батальономъ пѣхоты, цѣпь медленно стала отходить назадъ. Въ это время Яковъ Дроздъ, все время находившійся въ огнѣ съ передовыми парами, былъ раненъ пулею въ голову, но вывезенъ изъ боя дагестанскими всадниками. Другой рядовой Иванъ Гальскій участвовалъ во всѣхъ бояхъ съ полковникомъ княземъ Тумановымъ, а третій, Кондратъ Гончаренко, вынесъ изъ боя подъ Инкоу тяжело контуженнаго въ голову подполковника Глонти. Главнокомандующій пожаловалъ всѣмъ троимъ знаки отличій Военнаго ордена 4-й степени. Такова была служба дагестанцевъ.

Съ такою же доблестью служилъ въ теченіи всей кампаніи прибывшій одновременно съ нимъ Терско-Кубанскій конный полкъ, составленный изъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа. Въ рядахъ этого полка находился полковникъ Гилленшмитъ—нынѣ командиръ Нижегородцевъ, съ дѣятельностью котораго мы уже знакомы, а одною изъ сотенъ полка командовалъ Нижегородскій офицеръ ротмистръ Алексѣй Шереметевъ,—сынъ бывшаго Главноначальствующаго на кавказѣ Сергѣя Алексѣевича Шереметева. Позднѣе другихъ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій Владикавказско-Сунженскій генерала Слѣпцова казачій полкъ, съ сво-

имъ лихимъ командиромъ полковникомъ Баратовымъ. Въ этомъ полку было четыре Нижегородца: штабсъ-ротмистръ Шмитъ командовалъ 6-ю сотней, а штабсъ-ротмистръ Ханъ-Зіатханъ и корнеты князь Петръ Трубецкой и князь Джорджадзе исполняли обязанности младшихъ офицеровъ. Не вина Слѣпцовцевъ, что они прибыли слишкомъ поздно, когда уже совершился Мукденскій погромъ, и потому имъ не представилось случая выказать передъ врагомъ всю свою боевую доблесть, завѣщанную Слѣпцовымъ; но и въ тѣхъ немногихъ дѣлахъ, гдѣ довелось имъ участвовать, они показали врагамъ и мѣткость казачьихъ винтовокъ и неотразимость смертельныхъ ударовъ ихъ шашекъ и кинжаловъ. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи штурмъ сильно укрѣпленной японцами позиціи у Санвайзы, во время рекогносцировки отряда генералъ-адъютанта Мищенко 18 іюня 1905 года.

Мы не будемъ касаться подробностей этого боя, и только отмѣтимъ слѣдующій фактъ: когда рекогносцировка приближалась къ концу, Слѣпцовскій полкъ получилъ приказаніе во что бы ни стало взять непріятельскую позицію, чтобы тѣмъ обезпечить спокойное отступленіе главнаго отряда. Лихо, съ беззавѣтной отвагой подскакалъ Баратовъ съ своимъ полкомъ на дистанцію семисотъ шаговъ, и, послѣ горячей перестрѣлки, бросился на приступъ. Слѣпцовцы дружнымъ ударомъ сразу выбили непріятеля изъ фанзъ, раскинутыхъ по срединѣ горы и обнесенныхъ высокими глинобитными стѣнами съ бойницами. Но это была только еще половина дѣла. Отброшенный на гребень, непріятель засѣлъ въ окопахъ, и оттуда открылъ убійственный огонь. Тогда казаки, закинувъ винтовки за спину, съ гикомъ бросились на штурмъ съ кинжалами и шашками въ рукахъ. Хорунжій князь Джорджадзе, во главѣ своего взвода, первый ворвался въ окопъ и, произведя въ немъ ужасающую рѣзню, овладѣлъ важнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ позиціи. Японская пѣхота не выдержала этого страшнаго кинжальнаго боя и обратилась въ бѣгство. Главный отрядъ могъ отступить спокойно. „Князь Джорджадзе, говоритъ въ своемъ донесеніи полковникъ Баратовъ, заслужилъ среди товарищей-Слѣпцовцевъ репутацію храбраго, способнаго на самыя отчаянныя предпріятія кавалерійскаго офицера.“

Впослѣдствіи, когда Слѣпцовскій полкъ представился на смотръ новому главнокомандующему, генералъ-адъютантъ Линевичъ, тоже

старый кавказецъ, обратился къ офицерамъ съ слѣдующими словами:

„Не смотря на кратковременное пребываніе ваше на театрѣ войны, вы, кавказскіе казаки, сумѣли честно поработать во славу своего родного войска; и гдѣ на конѣ съ шашками въ рукахъ, а гдѣ и въ пѣшемъ рукопашномъ бою съ кинжалами, показали противнику свою старую кавказскую доблесть. Штурмъ же позиціи Санвайзы воскресилъ подвиги кавказскихъ Нижегородскихъ драгунъ.“

По возвращеніи на Сунжу, прощаясь съ Нижегородскими офицерами, переведенными обратно въ свой полкъ, командиръ Слѣпцовскаго полка генералъ Баратовъ прислалъ каждому изъ нихъ, при особомъ письмѣ полковой Слѣпцовскій жетонъ въ память совмѣстной боевой службы, и въ тоже время напутствовалъ ихъ слѣдующимъ сердечнымъ приказомъ:

„Всѣ они (Нижегородцы) показали себя отличными офицерами, любящими наше казачье дѣло и преданными ему, а потому заслужили общую любовь товарищей, оставивъ по себѣ добрую память и среди нашихъ казаковъ. Принявъ боевое крещеніе въ рядахъ доблестнаго полка Слѣпцова, я увѣренъ, что и они никогда не забудутъ всего пережитаго съ полкомъ, во время великой боевой страды въ Манджуріи. Не забудемъ и мы ихъ, сохраняя добрую память о нашемъ боевомъ товариществѣ, и пожелаемъ имъ отъ сердца свѣтлаго будущаго.“

Въ свою очередь и Нижегородцы поднесли офицерамъ Слѣпцовскаго полка большую серебряную братину.

По окончаніи войны всѣ Нижегородцы, разбросанные по разнымъ полкамъ, снова вернулись въ свое родное гнѣздо. Не вернулся только одинъ изъ нихъ поручикъ Денъ, раненый, какъ было сказано, въ дѣлѣ 19 августа, когда сотня Кобіева прорывалась къ Янтай-Копи во время Лаоянскаго боя. Но не эта рана была причиной его преждевременной кончины. Вскорѣ послѣ битвы, онъ заразился злокачественнымъ тифомъ, и молодая жизнь его погасла въ Харбинѣ въ концѣ того же 1904 года. Въ далекой странѣ затеряется одинокая могила его, но не затеряется память о немъ среди его друзей и товарищей. Господь сохранилъ остальныхъ Нижегородцевъ, и они вернулись, не только поддержавъ, но и пріумноживъ старинную славу полка,— мощь и сила традицій котораго такъ ярко отразилась въ ихъ доблестномъ служеніи царю и отечеству. А такъ какъ славное настоящее

есть результатъ великаго прошлаго, то мы позволяемъ себѣ привести здѣсь извѣстное стихотвореніе, написанное старымъ Нижегородцемъ кн. Георгіемъ Тумановымъ, такъ характерно иллюстрирующее сѣдую старину полка.

Гимнъ Нижегородской шашкѣ.

Въ походъ-ли дальній выступаемъ,
Иль сушимъ чарку въ круговой,
Мы въ нашихъ пѣсняхъ воспѣваемъ
Тебя, кумиръ нашъ полковой.

Могучей волею адатовъ,
Повелѣвающихъ судьбой,
Подъ сѣнью дремлющихъ штандартовъ
Царитъ затишье предъ тобой.

Но у священнаго порога
Подъ бурнымъ огненнымъ дождемъ,
Чтобъ усладить себѣ дорогу,
Тебя на пиръ мы шумный ждемъ.

Тобой гордится полководецъ
Кавказа мощныхъ ратныхъ силъ
Великій Князь—Нижегородецъ
Нашъ драгоцѣнный Михаилъ.

Завѣшанъ весь отличьемъ славы,
Въ мундирѣ нашемъ полковомъ,
Тебя Онъ носитъ величаво
Съ своимъ фельдмаршальскимъ жезломъ,

Который тѣмъ ты предсказала,
Что, ярче пламени горя,
Ему съ полкомъ салютовала
Въ рукѣ почившаго царя.

Мы поклялись гробницамъ павшихъ
Отцовъ и братьевъ дорогихъ
Хранить въ сказаньяхъ бранныхъ нашихъ
Сказанья подвиговъ твоихъ.

ГИМНЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ШАШКѢ.

Ты въ силу царскихъ двухъ Указовъ
Оружьемъ стала строевымъ,
Когда полковникъ Безобразовъ
Былъ командиромъ полковымъ.

Представъ джигитамъ вражьей силы
Въ своей чарующей красѣ,
Ты принялась имъ рыть могилы
По всей Лезгинской полосѣ.

Съ Дидо кипучими струями
Несла ты кровь къ водамъ Койсу;
Тобой Барковскій передъ нами
Блисталъ при штурмѣ Елису.

Подъ страхомъ тяжкихъ наказаній
Тѣмъ переходъ, кто не крещенъ,
На правый берегъ Алазани
Тобой былъ всюду воспрещенъ.

Свершивъ работу за Кавказомъ
Въ концѣ годовъ сороковыхъ,
Ты снабжена была заказомъ
Отличій новыхъ полковыхъ.

И предъ полкомъ поднявъ проворно
Тебя могучею рукой,
Въ далекій край, намъ не покорный,
Повелъ насъ славный Крюковской,

Чтобъ на окраинѣ Дагестана,
Вблизи воинственной Чечни,
Взялась по прежнему ты рьяно
За дѣло бѣшеной рѣзни.

Оттуда къ дикому Аргуну,
Куда не смѣлъ никто пройти,
Нижегородскому драгуну
Тобой проложены пути.

Ты Дагестаномъ увлекалась
Обыкновенно въ лѣтній зной,

Въ Чечню погрѣться ты спускалась
Съ высотъ суровою зимой.

Твой чудный маршъ изъ Дагестана
За волны сказочной рѣки
Сразилъ апостола корана
Ахметъ—Талинскаго Эски.

Наставшей вскорѣ чередою
Горамъ сосѣдственной глуши
Знакомство первое съ тобою
Шамиль заводитъ въ Кутиши.

Пройдя въ Чечню путемъ привычнымъ
И разоривъ Урусъ—Мартанъ,
Кровавымъ облакомъ обычнымъ
Заволокла ты Дагестанъ.

На Турги-Дагѣ и подъ Чохомъ,
Когда твой жертвенникъ пылалъ,
Лезгинъ съ послѣднимъ смертнымъ вздохомъ
Тебѣ проклятья посылалъ.

Въ очередномъ твоемъ нарядѣ
Красивъ и лютъ былъ твой размахъ
Въ лихомъ Баклановскомъ отрядѣ
На Кочкалинскихъ высотахъ.

Ты воскресила рядомъ свалокъ
Въ томъ уголкѣ Большой Чечни,
Гдѣ рѣчка Басъ впадаетъ въ Джалку,
Едва забытые тамъ дни.

Тамъ Князь Захарій Чавчавадзе
Добылъ намъ, ставши въ авангардъ,
При Императорскомъ указѣ
Святой Георгьевскій штандартъ.

Въ главу скалистаго кургана
Вонзивъ свой шелковый значекъ,
На дымъ завѣтнаго тагана
Хаджи-Муратъ тебя привлекъ.

ГИМНЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ШАШКѢ.

И подъ Шуринскимъ небосклономъ
Нашъ Джомарджидзе Михаилъ
Тебя предъ первымъ эскадрономъ
По горло кровью напоилъ.

Тамъ Золотухинъ подполковникъ
Въ томъ мѣстѣ голову сложилъ,
Гдѣ надъ колючкою терновникъ
Къ кургану подступъ сторожилъ.

Онъ палъ сраженный пистолетомъ
Хаджи-Мурата самого,
Твоимъ кораловымъ браслетомъ
Успѣвъ напутствовать его.

Тамъ Князя Ратьева-джигита
Мы только голову нашли
И, разогнавъ хозяевъ скита,
Съ наибскимъ знаменемъ ушли.

Вѣнокъ побѣдный громкой славы
Тебѣ годъ новый преподнесъ,
И новый шагъ въ пути кровавомъ
На небеса тебя вознесъ.

Тебя съ драгуномъ на Кавказѣ
Воспѣли горецъ и казакъ,
Когда Захарій Чавчавадзе
Съ тобою бросился въ Сулакъ.

Подъ смертоноснымъ сѣрымъ градомъ
Свела ты насъ опять въ Чечню,
Гдѣ Князь Барятинскій съ отрядомъ
Встрѣчалъ кровавую весну,

Гдѣ подъ проклятыми стѣнами
Аула Гойты, за рѣкой,
Былъ горячо оплаканъ нами
Старинный вождь нашъ Крюковской.

За удалымъ твоимъ разгуломъ
Едва былъ данъ тебѣ отбой,

ГИМНЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ШАШКѢ.

Какъ подъ Чапчаковскимъ ауломъ
Вскипѣлъ опять горячій бой.

Къ безсмертной славѣ смерть искавшихъ
Вели кровавые слѣды
Двухъ офицеровъ, украшавшихъ
Нижегородскіе ряды.

Въ минуты тяжкихъ испытаній
Не осѣнялъ ихъ крестъ святой,
И былъ утѣхою страданій
Для нихъ твой отблескъ золотой.

То были князь Амилахвари,—
Нашъ командиръ въ позднѣйши дни,
И Чавчавадзе князь Захарій,—
Герой Сулака и Чечни.

Привычнымъ вѣрная законамъ,
Настроивъ рядъ кровавыхъ бань,
Ты Мичикомъ и Хобъ-Шавдономъ
Взялъ прощальную съ нихъ дань.

Тебѣ работа поспѣвала
Въ странѣ несмѣтныхъ дальнихъ силъ;
Малышко—важный запѣвало
Давно подъ Карсъ тебя манилъ.

Пославъ Чечнѣ и Дагестану
Свое поспѣшное „прощай“,
На страхъ Турецкому Султану
Ты понеслась за Арпачай.

За Баяндурскимъ жаркимъ дѣломъ
Ты поднесла намъ чудный даръ;
Тотъ даръ извѣстенъ въ мірѣ цѣломъ,
Его зовутъ Башъ-Кадыкъ-Ларъ.

Обрекши тамъ во время оно
Своихъ орловъ на вѣчный сонъ,
Повелъ въ атаку эскадроны
Нашъ Чавчавадзе князь Ясонъ.

На батареи тучей страшной
Неслась вершить ты чудеса;
Лугъ обращенъ былъ разомъ въ пашни,
И дымъ закрылъ намъ небеса.

Съ тобой въ рукѣ надъ облаками
Огня и дыма штуцеровъ
Былъ поднятъ вражьими штыками
Отваги дѣтище—Петровъ.

Орудья смолкли предъ тобою,
Твоей покорствуя судьбѣ.
Съ тѣхъ поръ серебряной трубою
Походъ вѣщается тебѣ.

Чрезъ годъ свершилась репетицья
За Караяльскою горой,
И стали братцемъ и сестрицей
Башъ-Кадыкъ-Ларъ съ Кюрюкъ-Дарой.

Тебя, всѣхъ милостей царицу,
Опять на временный постой
Въ твою Сулакскую столицу
Внесли дорогой мы витой.

И сталъ грозою Дагестана,
Грозой коварныхъ кумыковъ,
Грозой ихъ сакли и кутана
Князь Александръ Дундуковъ.

За бурей новыхъ искушеній,
Къ едва проснувшейся веснѣ,
Алтарь обычныхъ приношеній
Тобой воздвигнутъ былъ въ Чечнѣ.

Въ твоемъ губительномъ ударѣ
Чечнѣ былъ данъ урокъ лихой,
Когда нашъ князь Амилахвари
Съ тобой явился подъ Ачхой.

Въ толпу Шамилевскихъ мюридовъ,
Поднявшихъ дружно дикій вой,

ГИМНЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ШАШКѢ.

Копленко, Сотневъ и Свиридовъ
Вонзились мѣткою стрѣлой,

За ними бросился Трояновъ;
Злой мечъ на вахмистра набрелъ,
И во главѣ своихъ буяновъ
Погибъ Мирошниковъ орелъ.

Въ сказаньяхъ нашихъ не забыто,
Какъ Шиловъ—взводный удалой,
Значекъ отнять чтобъ у джигита,
Съ значкомъ и руку снесъ долой.

Изъ окровавленнаго строя
Онъ вызванъ былъ предъ эскадронъ
И, вмѣсто павшаго героя,
Поздравленъ вахмистромъ былъ онъ.

Съ тобой надъ горнымъ Дагестаномъ
И надъ долинами Чечни
Прошелъ графъ Ностицъ ураганомъ—
Грозой Даргинской западни.

За нимъ, не вѣдая преграды,
Неслись быстрѣе мы орлицъ
И удостоились въ награду
Почетныхъ Георгьевскихъ петлицъ.

Но были въ дебряхъ Закубанья
Забавной ради новизны
Тобой любимаго купанья
Мѣста давно отведены.

Алмазовъ заревомъ пылая
Подъ хладной стали красотой,
Въ рукѣ у Граббе Николая
Блеснулъ эфесъ твой золотой.

И съ нимъ десницей Геркулеса,
Тебя въ ней бережно храня,
Нижегородецъ билъ Черкеса
Пѣшкомъ и сѣвши на коня.

ГИМНЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ШАШКѢ

Прошло два мирныхъ семилѣтья,
Тебѣ казавшихся тюрьмой,
Насталъ текущаго столѣтья
Годъ славный—семьдесятъ седьмой.

Въ развитье плановъ генеральныхъ
Боевъ, набѣговъ и маршей
Ты отъ истоковъ минеральныхъ
Пошла на полчища пашей.

Имъ не забыть горячей бани,
Въ которой Кельнеръ наповалъ,
Вблизи развалинъ замковъ Ани,
Ихъ аккуратно заливалъ,

Твоихъ пронзительныхъ укусовъ
Въ Бѣгли Ахметскій твой набѣгъ,
Когда тобой взмахнули Кусовъ
И Наурузовъ Керимъ-Бекъ,

Гдѣ полкъ Черкесовъ родовитый
Былъ поголовно истребленъ
Врагу маіоромъ нашимъ Витте
Урокъ гдѣ лихо былъ вдолбленъ

Тѣмъ самымъ Витте, что штыками
Со всѣхъ надавленный сторонъ,
Покрылъ лавровыми вѣнками
Свой молодецкій эскадронъ

Надъ Визинкевскими горами
Волшебный рядъ твоихъ картинъ
Вращалъ въ чудесной панорамѣ
Нашъ Карангозовъ Константинъ.

Предъ тѣмъ, кто память окликаетъ
Тѣхъ дней въ теперешней тоскѣ,
Мурашкинъ весело мелькаетъ
Съ Турецкимъ знаменемъ въ рукѣ

ГИМНЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ШАШКѢ.

Погасъ твой жертвенникъ кровавый,
Сигналовъ бранныхъ зовъ умолкъ,
И задремалъ, покрытый славой,
Нижегородскій знатный полкъ.

Въ разгарѣ мирныхъ развлеченій
Царемъ намъ присланный привѣтъ
Въ своемъ могучемъ заключеньи
Напоминалъ намъ твой завѣтъ.

И полкъ, возставши, всенародно
Указу Царскому внималъ,
Какъ Цесаревичъ Первородный
Надъ нами шефство принималъ.

За Государевой депешей
Свой полкъ пріѣхавъ навѣстить,
Онъ въ списокъ братской азарпеши
Себя велѣлъ намъ помѣстить.

На немъ, какъ солнце, ты блистала,
Въ ножнахъ, тая святой зарокъ,
Лежалъ стариннаго закала
Амилахваровскій клинокъ.

Зари взошедшей свѣточъ сладкій
Тебя зоветъ въ желанный бой;
Спѣши, родная, безъ оглядки
На путь, извѣданный тобой.

Служи, по прежнему, примѣрно
И подростающимъ птенцамъ;
Служи имъ, шашка, также вѣрно,
Какъ ты служила ихъ отцамъ.

Да будетъ путь Нижегородца
Твоимъ покровомъ осѣненъ
И бѣлый крестъ Побѣдоносца
Тобою Шефу поднесенъ.

Да почіетъ же надъ полкомъ благословеніе великаго царя Александра третьяго, сказавшаго въ своей телеграммѣ 27 ноября 1892 го-

да по поводу назначенія шефомъ полка наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Александровича: „Да будетъ благословеніе Божіе надъ Нижегородцами и да не постыдится полкъ во вѣки“.

Съ этимъ девизомъ онъ и начинаетъ третье столѣтіе своей исторической жизни.

Ѳедигаровъ. Кн. Д Чавчавадзе. Ханъ Зіатханъ. Кн. З. Чавчавадзе. Кн. П Трубецкой. Махатадзе. Кн. Микеладзе. Кн. Джорджадзе.

Кн. Амилахвари. А. Шереметевъ. Кобіевъ. Меликовъ. Глонти. Кн. Тумановъ. Бербасовъ. Шмитъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

СПИСОКЪ ОФИЦЕРОВЪ,

состоявшихъ въ полку къ 1-му января 1896 года.

Полковники:

Петровъ, Венедиктъ Викторовичъ командиръ полка. Исключенъ умершимъ 10 февраля 1902 года.

Подполковники:

Карангозовъ, Константинъ Адамовичъ. 11-го сентября 1899 года въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ Астраханскаго драгунскаго полка.

Его Императорское Высочество **принцъ Людовикъ Наполеонъ.** 24-го декабря 1896 года въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ Сѣверскаго драгунскаго полка.

Панчулидзевъ, Евгеній Алексѣевичъ. 24 октября 1899 г. въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ Нѣжинскаго драгунскаго полка.

Ротмистры:

Фурдуевъ, Александръ Павловичъ. 12-го іюля 1902 г. въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ Чугуевскаго драгунскаго полка.

Персидскій принцъ **Эмиръ-Казымъ-Мирза.** 6 февраля 1903 г. въ чинѣ подполковника переведенъ въ 6-й запасный кавалерійскій полкъ.

Церетели, князь Ростомъ Георгіевичъ. На лицо. Полковникъ.

Тургіевъ, Бей-булатъ. 28 іюня 1897 г. переведенъ въ главное управленіе государственнаго коннозаводства съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи.

Штабсъ-ротмистры:

Дикмизъ-Хуштъ, Владиміръ Владиміровичъ. На лицо. Полковникъ.

Бибиковъ, Викторъ Дмитріевичъ. 3 мая 1896 г. въ чинѣ ротмистра зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи.

Яковлевъ, Павелъ Павловичъ. 28 августа 1896 г. въ чинѣ ротмистра исключенъ умершимъ.

Слизень, Казиміръ Казиміровичъ. 3 февраля 1896 г. въ чинѣ штабсъ-ротмистра исключенъ умершимъ.

Годжіевъ, Петръ Лазаревичъ. Въ 1897 г. въ чинѣ ротмистра переведенъ въ Новомиргородскій драгунскій полкъ.

Тумановъ, князь Константинъ Александровичъ. На лицо. Полковникъ.

Алтуховъ, Владиміръ Захаровичъ. 20 декабря 1898 г. въ чинѣ ротмистра назначенъ для особыхъ порученій при Кутаисскомъ военномъ губернаторѣ съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи.

Поручики:

Ягминъ, Станиславъ Юліановичъ. На лицо. Подполковникъ.

Глонти, Михаилъ Александровичъ. На лицо. Подполковникъ.

Де-Шмиденъ-Ковальскій, Николай Эдуардовичъ. На лицо. Подполковникъ.

Эфендіевъ, Али-Сулейманъ Заде. 14 февраля 1907 г. въ чинѣ ротмистра переведенъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ дѣлъ съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи.

Меликовъ, князь Николай Левановичъ. На лицо. Подполковникъ.

Лопухинъ, Дмитрій Александровичъ. 28 марта 1902 г. переведенъ въ генеральный штабъ.

Бербасовъ, Георгій Георгіевичъ. На лицо. Подполковникъ.

Оболенскій, князь Сергѣй Дмитріевичъ. 20 іюня 1896 г. въ чинѣ штабсъ-ротмистра зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи.

Ратіевъ, князь Иванъ Дмитріевичъ. 21 сентября 1907 г. уволенъ отъ службы подполковникомъ.

Корнеты:

Князь **Султанъ Тахтамышъ Гирей.** 25 февраля 1896 г. въ чинѣ поручика зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи.

Шереметевъ, Борисъ Сергѣевичъ. 1 декабря 1907 г. въ чинѣ ротмистра зачисленъ въ запасъ по Терскому казачьему войску.

Чавчавадзе, князь Александръ Захаровичъ. 19 мая 1900 г. въ чинѣ штабсъ-ротмистра назначенъ для порученій при начальникѣ Главнаго Штаба съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи.

Шереметевъ, Алексѣй Сергѣевичъ. На лицо. Ротмистръ.

Князь **Гирей Хаджи Магометъ Султанъ.** На лицо. Ротмистръ.

Кусовъ, Бердъ. На лицо. Ротмистръ.

Крапоткинъ, князь Иванъ Алексѣевичъ. 5 февраля 1900 г. въ чинѣ поручика зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи.

Холяро, Николай Константиновичъ. 9 ноября 1899 г. въ чинѣ поручика зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи.

Пашковъ, Иванъ Аристарховичъ. 4 марта 1898 г. зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи.

Кесаревъ, Иванъ Степановичъ На лицо. Ротмистръ.

Ханъ-Зіатханъ, Шахверды-Ханъ-Абдулфетъ-Ханъ-Оглы. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Баевъ, Михаилъ Михайловичъ. 10 ноября 1899 г. исключенъ умершимъ въ чинѣ штабсъ-ротмистра.

Эристовъ, князь Николай Константиновичъ. Исключенъ умершимъ 10 февраля 1908 г.

Мхеидзе, князь Николай Петровичъ. Переведенъ въ 1897 г. въ Новомиргородскій драгунскій полкъ.

Эристовъ, князь Леонидъ Константиновичъ. 23 марта 1897 г. переведенъ въ отдѣльный корпусъ пограничной стражи.

Панчулидзевъ, Алексѣй Александровичъ. 9 января 1899 г. зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи.

Кубатіевъ, Василій Ивановичъ. Переведенъ въ 1902 г. въ запасный Кавказскій кавалерійскій дивизіонъ.

II.

СПИСОКЪ ОФИЦЕРОВЪ,

поступившихъ въ полкъ въ 1896—1907 г.г.

въ 1896 г.

Фидлеръ, Сергѣй Николаевичъ, корнетъ. Произведенъ изъ эстандартъ-юнкера сего полка 11 марта. Переведенъ въ Новомиргородскій драгунскій полкъ въ 1897 г.

Ясинскій, Николай Павловичъ, корнетъ. Произведенъ 12 марта изъ эстандартъ-юнкеровъ Сѣверскаго драгунскаго полка. Переведенъ 3 декабря въ Дербентскій пѣхотный полкъ.

Чегодаевъ, князь Владиміръ Павловичъ, корнетъ. Въ 1897 г. переведенъ въ Новомиргородскій драгунскій полкъ.

Барсовъ, Андрей Александровичъ, поручикъ. Зачисленъ 30 мая изъ запаса въ кадръ Кавказскаго кавалерійскаго запаса съ зачисленіемъ въ списки полка.

Амилахвари, князь Гиви Ивановичъ, корнетъ. Произведенъ 6 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Штабсъ-ротмистръ, состоитъ адъютантомъ при намѣстникѣ Его Величества на Кавказѣ.

Рудневъ, Вячеславъ Ивановичъ, корнетъ. Произведенъ 6 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Исключенъ умершимъ 5 апрѣля 1898 г.

Гангебловъ, Владиміръ Александровичъ, корнетъ. Произведенъ 6 августа изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. Зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи 25 іюня 1898 г.

Шмитъ, Георгій Евгеньевичъ, корнетъ. Переведенъ 13 декабря изъ Александрійскаго драгунскаго полка. На лицо. Ротмистръ.

въ 1897 г.

фонъ-Братке, Владиміръ Михайловичъ, штабсъ-ротмистръ. Произведенъ 6 мая изъ разжалованныхъ. Переведенъ въ этомъ же году въ Новомиргородскій драгунскій полкъ.

Махатадзе, Алексѣй Александровичъ, корнетъ. Произведенъ 11 іюня изъ эстандартъ-юнкеровъ полка. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Денъ, Александръ Владиміровичъ, корнетъ. Произведенъ 13 августа изъ Пажескаго корпуса. Зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи 4 мая 1901 г. въ чинѣ поручика.

Мейндорфъ, баронъ Георгій Кондратьевичъ, корнетъ. Произведенъ 13 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Таучеловъ, Петръ Арсеньевичъ, корнетъ. Произведенъ 13 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Уволенъ въ 1907 г. въ запасъ армейской кавалеріи.

Кобіевъ, Захарій Семеновичъ, поручикъ. Переведенъ 19 декабря изъ Тверскаго драгунскаго полка. На лицо. Подполковникъ.

въ 1898 г.

Люксъ, Николай Федоровичъ, корнетъ. Произведенъ 16 апрѣля изъ эстандартъ-юнкеровъ своего же полка. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Быковъ, Михаилъ Федоровичъ, корнетъ. Переведенъ 2 мая изъ Митавскаго драгунскаго полка. Уволенъ отъ службы 18 февраля 1904 г. въ чинѣ поручика.

Трубецкой, князь Никита Сергѣевичъ, корнетъ. Произведенъ 8 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Штабсъ-ротмистръ. Полковой адъютантъ.

Апраксинъ, графъ Евгеній Николаевичъ, корнетъ. Произведенъ 8 августа изъ Пажескаго корпуса. Исключенъ умершимъ 26 января 1902 г.

Чавчавадзе, князь Захарій Арчиловичъ, корнетъ. Произведенъ 8 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Смѣкаловъ, Борисъ Алексѣевичъ, корнетъ. Произведенъ 8 августа изъ Пажескаго керпуса. Зачисленъ въ запасъ армейской кавалеріи 14 декабря 1902 г. поручикомъ.

Мейснеръ, Александръ Владиміровичъ, корнетъ. Произведенъ 8 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Исключенъ умершимъ 16 августа 1899 г.

Кашарининовъ, Константинъ Павловичъ, корнетъ. Произведенъ 8 августа изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. Уволенъ въ 1900 г. въ запасъ армейской кавалеріи.

въ 1899 г.

Рыльскій, Николай Васильевичъ, корнетъ. Произведенъ изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища 9 августа. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

въ 1900 г.

Тонъ, Александръ Константиновичъ, корнетъ. Переведенъ 10 января изъ Астраханскаго драгунскаго полка. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Гейцыгъ, Андрей Валерьяновичъ, подполковникъ. Переведенъ 26 февраля изъ Осетинскаго дивизіона. Назначенъ 4 декабря 1903 г. Медвѣжинскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ.

Чегодаевъ, князь Александръ Николаевичъ, штабсъ-ротмистръ. 3 марта зачисленъ въ списки полка, будучи адъютантомъ помощника командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа. Зачисленъ 18 ноября 1904 г. въ запасъ армейской кавалеріи съ производствомъ въ ротмистры.

Эсадзе, Борисъ Спиридоновичъ, штабсъ-ротмистръ. 9 марта зачисленъ въ списки полка, будучи старшимъ адъютантомъ штаба Кавказской кавалерійской дивизіи. 25 апрѣля того же года въ чинѣ ротмистра зачисленъ по армейской кавалеріи.

Панчулидзевъ, Александръ Александровичъ, корнетъ. Переведенъ 4 апрѣля изъ Кіевскаго драгунскаго полка. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Денъ, Петръ Владиміровичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Араповъ, Борисъ Александровичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Пажескаго корпуса. Зачисленъ 19 апрѣля 1907 г. въ запасъ армейской кавалеріи въ чинѣ поручика.

Чавчавадзе, князь Давидъ Захаровичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Штабсъ-ротмистръ.

Бековъ-Ага-Ахметъ-Бекъ-Исрафиль, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Исключенъ 13 февраля 1901 г. умершимъ.

въ 1901 г.

Штальманъ, Сергѣй Николаевичъ, корнетъ. Произведенъ 13 августа изъ Пажескаго корпуса. Переведенъ 15 ноября 1902 г. въ Финляндскій драгунскій полкъ.

Химшіевъ, Михаилъ Георгіевичъ, корнетъ. Произведенъ 13 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Переведенъ 16 іюля 1906 г. въ Финляндскій драгунскій полкъ.

въ 1902 г.

Багратіонъ-Мухранскій, князь Александръ Ираклiевичъ, полковникъ. Назначенъ 22 февраля командиромъ полка. 10 іюля 1904 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры назначенъ командиромъ Лейбъ-гвардіи Коннаго полка.

Трубецкой, князь Петръ Сергіевичъ, корнетъ. Произведенъ 10 августа изъ Пажескаго корпуса. Зачисленъ 30 октября 1907 г. въ запасъ армейской кавалеріи поручикомъ.

Бьерквистъ, Генрихъ Адольфовичъ, корнетъ. Произведенъ 10 августа изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. На лицо. Поручикъ.

въ 1903 г.

Гамрекели, Антоній Андреевичъ, корнетъ. Произведенъ 3 апрѣля изъ эстандартъ-юнкеровъ сего полка. На лицо. Поручикъ.

Амилахвари, князь Константинъ Ивановичъ, корнетъ. Произведенъ 3 апрѣля изъ эстандартъ-юнкеровъ сего полка. На лицо. Поручикъ.

Іедигаровъ, Давидъ Сергѣевичъ, корнетъ. Произведенъ 10 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Поручикъ.

въ 1904 г.

Джорджадзе, князь Георгій Захаровичъ, корнетъ. Переведенъ 16 февраля изъ Митавскаго драгунскаго полка. На лицо. Поручикъ.

Меликъ-Алахвердовъ, Александръ Романовичъ, подполковникъ. Переведенъ 26 февраля изъ Тверского драгунскаго полка. На лицо. Полковникъ.

Корчебашевъ, Михаилъ Александровичъ, корнетъ. Произведенъ 27 апрѣля изъ унтеръ-офицеровъ сего полка. На лицо. Корнетъ.

Микеладзе, князь Михаилъ Дмитріевичъ, корнетъ. Переведенъ 31 іюля изъ Лейбъ-драгунскаго Псковскаго полка. На лицо. Поручикъ.

Беренсъ, Сергѣй Андреевичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Поручикъ.

Айвазовскій, Александръ Пеллонидовичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Поручикъ.

Пацъ-Помарнацкій, Александръ Ѳадѣевичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. На лицо. Поручикъ.

Жихоръ, Михаилъ Ивановичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. На лицо. Поручикъ.

Шатиловъ, Иванъ Николаевичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Исключенъ умершимъ въ декабрѣ 1906 г.

Голицынъ, князь Борисъ Львовичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. На лицо. Поручикъ.

Казаналиповъ, князь Абдулъ-Меджидъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. На лицо. Корнетъ.

Сумбатовъ, князь Георгій Васильевичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. На лицо. Корнетъ.

Дембинскій-Піоро, Іосифъ Александровичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Тверскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. На лицо. Корнетъ.

Андерсъ, Эдуардъ Генриховичъ, корнетъ. Произведенъ 9 августа изъ Тверскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. Зачисленъ 14 іюля 1906 г. въ запасъ армейской кавалеріи.

Комстадіусъ, Николай Николаевичъ, полковникъ. Назначенъ 19 августа командиромъ сего полка. Назначенъ 26 октября 1905 г. командиромъ Лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка.

въ 1905 г.

Наврузовъ, Теймуръ-Бекъ, поручикъ. Переведенъ 11 февраля изъ Новотроицкаго драгунскаго полка. На лицо. Поручикъ.

Бертренъ, Гавріилъ Алексѣевичъ, поручикъ. Опредѣленъ въ сей полкъ 17 марта съ оставленіемъ въ постоянномъ составѣ офицерской кавалерійской школы.

Чхотуа, князь Рафаилъ Николаевичъ, корнетъ. Произведенъ изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища 22 апрѣля. На лицо. Корнетъ.

Сарнецкій, Эдмундъ Адамовичъ, корнетъ. Произведенъ изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго училища 22 апрѣля. Уволенъ въ запасъ армейской кавалеріи въ 1906 г.

Нахичеванскій, Ханъ Гусейнъ, флигель-адъютантъ, полковникъ. Назначенъ 24 ноября командиромъ сего полка. Назначенъ 4 іюля 1906 г. командующимъ Лейбъ-гвардіи Коннымъ полкомъ.

въ 1906 г.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь **Алексѣй Николаевичъ** зачисленъ въ списки полка 28 марта.

Голубинскій, Евгеній Александровичъ, корнетъ. Произведенъ 24 марта изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Переведенъ 16 мая 1907 г. на службу въ С.-Петербургскій жандармскій дивизіонъ.

Кусовъ, Заурбекъ-Эль-Мурзовичъ, корнетъ. Произведенъ 24 марта изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. На лицо. Корнетъ.

фонъ-Гилленшмидтъ, Яковъ Федоровичъ, полковникъ. Назначенъ 7 іюля командиромъ сего полка.

въ 1907 г.

Циціановъ, князь Илья Михайловичъ, корнетъ. Произведенъ 14 іюля изъ Пажескаго корпуса. На лицо. Корнетъ.

Эриванскій, ханъ Керимъ, корнетъ. Произведенъ 14 іюля изъ Елисаветградскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища. На лицо. Корнетъ.

III.

СПИСОКЪ ОФИЦЕРОВЪ,

получившихъ награды за отличія во время Русско-Японской войны.

Въ Терско-Кубанскомъ конномъ полку:

Ротмистръ Шереметевъ II.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант., Св. Анны 3 ст. съ меч. и бант., Св. Станислава 2 ст. съ меч., Св. Анны 2 ст. съ меч., Св. Владимира 4 ст. съ мечами и бант.

Во 2-мъ Дагестанскомъ конномъ полку:

Подполковникъ Кн. Тумановъ—Св. Анны 2 ст. съ мечами, Св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант., Золотое оружіе и чинъ полковника.

Ротмистръ Ягминъ.—Св. Станислава 2 ст. съ меч. Св. Анны 2 ст. съ меч., Св. Владимира 4 ст съ меч. и бант. и чинъ подполковника.

Ротмистръ Глонти.—Св. Станислава 2 ст. съ меч., Чинъ подполковника, Св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант., Золотое оружіе съ надписью „за храбрость".

Ротмистръ Бербасовъ.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 2 ст. съ меч. и бант., Чинъ подполковника.

Ротмистръ Кобіевъ.—Св. Анны 3 ст. съ меч. и бант., Св Станислава 2 ст. съ меч. и бант., Св Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Анны 2 ст. съ меч., Св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант., Св. **Георгія 4 ст.**

Ротмистръ Кусовъ.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант., Св. Анны 3 ст. съ меч. и бант., Св. Станислава 2 ст. съ меч., Св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант.

Штабсъ-Ротмистръ Махатадзе.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант.

Штабсъ-Ротмистръ Кн. Чавчавадзе I.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бантомъ, Св. Анны 3 ст. съ меч. и бант., Св. Анны 2 ст. съ меч.

Поручикъ Кн. Чавчавадзе II.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант., Св. Станислава 2 ст. съ мечами, Св. Анны 2 ст. съ мечами, Св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант.

Поручикъ Кн. Микеладзе.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант.

Во 2-мъ Нерчинскомъ полку Забайкальскаго казачьяго войска:

Ротмистръ Кн. Меликовъ.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за Храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант., Св. Анны 3 ст. меч. и бант., Св. Станислава 2 ст. съ мечами, Св. Анны 2 ст. съ меч., Св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант., чинъ подполковника.

Въ Сунженско-Владикавказскомъ казачьемъ полку:

Штабсъ-Ротмистръ Шмитъ—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", чинъ ротмистра.

Штабсъ-Ротмистръ Ханъ-Зіатханъ.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант.

Поручикъ Кн. Трубецкой 2-ой.—Св. Анны 4 ст. и Св. Станислава 3 ст. съ меч и бант.

Поручикъ Кн. Джорджадзе.—Св. Владимира 4 ст. съ меч. и бант., Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость" и Св. Станислава 3 ст. съ мечами и бант.

Въ 4-мъ Уральскомъ казачьемъ полку:

Поручикъ Іедигаровъ.—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант.

Въ распоряженіи Главнокомандующаго Манджурской арміей:

Штабсъ-Ротмистръ Кн. Амилахвари—Св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", Св. Станислава 3 ст. съ меч. и бант.

Списокъ нижнихъ чиновъ, получившихъ знаки отличія Военнаго ордена 4-й степени.

Рядовые:
- Яковъ **Droздъ**.
- Иванъ **Гальскій**.
- Кондратъ **Гончаренко**.

IV.

СПИСОКЪ ОФИЦЕРОВЪ,

получившихъ награды за усиленную службу во время событій 1905–1906 гг.

Подполковникъ Алахвердовъ—чинъ полковника.

Подполковникъ Ковальскій– Св. Станислава 2 ст.

Ротмистръ Князь Гирей—Св. Анны 3 ст.

Поручикъ Рыльскій– Св. Станислава 3 ст.

V.

СПИСОКЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ,

получившихъ награды въ 1905-1907 годахъ.

Нижніе чины	Награда	
Вахмистръ Илья **Голочаловъ**. Вахмистръ Александръ **Камардинъ**. Наѣздникъ Алексѣй **Сикало**. Наѣздникъ Иванъ **Бережной**. Полк. каптенар. Лаврентій **Гозенко**. Полк. пис. Аркадій **Константиновъ**. Штабъ-трубачъ Иванъ **Степаненко**. Старшій писарь Оскаръ **Таубнеръ**. Закройщикъ Григорій **Мозговой**.	Золотыя медали съ надписью „за Усердіе", для ношенія на груди на Анненской лентѣ.	За усиленную службу во время событій 1905–1907 годовъ.
Наѣздникъ Петръ **Самойловъ**.	Серебряная медаль съ надписью „за Усердіе", для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ.	
Оруж. подм. Михаилъ **Павлюченко**. Медиц. фельдшеръ Иванъ **Дамринъ**. *Эскадрона Его Величества:* Взвод. унт.-офиц. Афанасій **Кубло**. Взвод. унт.-офиц Захарій **Жукъ**. Каптенар. Николай **Прохватиловъ**. Млад. ун.-оф. Алексѣй **Степановъ**. Рядовой Тимофей **Возный**. *2-го эскадрона:* Взвод. унт.-офиц. Макаръ **Гулакъ**. Взвод. ун.-оф. Спиридонъ **Воловодъ**. Взвод. ун.-оф. Петръ **Павлюченко**. Взвод. ун.-оф. Михаилъ **Мальченко**. Рядовой Трофимъ **Деречъ**.	Серебряныя медали съ надписью „за Усердіе", для ношенія на груди на Станиславской лентѣ.	

СПИСОКЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

3-го эскадрона:

Вахмистръ Макаръ **Никифоровъ.**
Взвод. ун.-оф. Василій **Хелай.**
Вз. ун.-оф. Николай **Мамулайшвили.**
Рядовой Сергѣй **Петрошенко.**
Рядовой Павелъ **Таратутъ.**

4-го эскадрона:

Вз. ун.-оф. Терентій **Ключниковъ.**
Мл. ун.-оф. Семенъ **Черненко.**
Мл. ун.-оф. Тарасъ **Стрижакъ.**
Мл. ун.-оф. Кондратъ **Гончаровъ.**
Мл. ун.-оф. Дмитрій **Непочатовъ.**

5-го эскадрона:

Взвод. ун.-оф. Гавріилъ **Карпенко.**
Млад. унт.-офиц. Петръ **Рыбинъ.**
Млад. унт.-офиц. Иванъ **Пелиховъ.**
Рядовой Иванъ **Коврыженко.**
Рядовой Григорій **Сѣробаба.**
Рядовой Афанасій **Гладкоскокъ.**

6-го эскадрона:

Стар. унт.-офиц. Иванъ **Ковалевъ.**
Стар. унт.-офиц. Герасимъ **Куцъ.**
Ефрейторъ Гавріилъ **Острижный.**
Рядовой Власъ **Панченко.**
Рядовой Лука **Почечуевъ.**

Вахм. уч. ком. Калистратъ **Лобановъ.**
Старшій пис. Рихардъ **Садовскій.**
Старшій пис. Павелъ **Морозовъ.**
Старшій пис. Николай **Шутковъ.**
Полк. каптенарм. Козьма **Инковъ.**
Трубачъ Григорій **Чубенко.**
Трубачъ Андрей **Качедыковъ.**

Серебряныя медали съ надписью „За Усердіе“, для ношенія на груди на Станиславской лентѣ.

За усиленную службу во время событій 1905—1907 годовъ.

3-го эскадрона:

Вахмистръ Макаръ **Никифоровъ.**
Ефрейторъ Сергѣй **Бутъ.**
Рядовой Андрей **Бзнюкинъ.**
Рядовой Акимъ **Бондаренко.**
Унтеръ-офицеръ Григорій **Фоминъ.**
Рядовой Дорофей **Школа.**
Рядовой Фаддей **Ткаченко.**

Знаки отличія ордена Св. Анны, съ единовременною денежною выдачею.

За отличіе при задержаніи разбойниковъ въ Елисаветпольской губерніи.

СПИСОКЪ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.

4-го эскадрона: Взвод. ун.-оф. Тарасъ **Стрижакъ.**	Серебряная медаль съ надписью „за Усердіе“, для ношенія на груди на Анненской лентѣ.	За отличія во время событій 1905—1907 годовъ.
Млад. ун. оф. Порфирій **Гаврикъ.** Ефрейторъ Іосифъ **Сокосъ.** Рядовой Тихонъ **Коптевъ.** Рядовой Поліевктъ **Соколко.** Рядовой Герасимъ **Веревченко.**	Серебряныя медали съ надписью „за Усердіе“, для ношенія на груди на Станиславской лентѣ.	
5-го эскадрона: Взвод. ун.-оф. Андрей **Скляровъ.** Мл. ун. оф. Никифоръ **Головачевъ.**	Серебряныя медали съ надписью „за Храбрость“ 4-й степени на Георгіевской лентѣ.	